

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Л а м а н с к а г о .

Выпускъ II

ГОДЪ СЕДЬМОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія А. П. Лопухина, Тельжнѣй пер., 3—5

1897

Оглавленіе.

Отдѣль I.

Исслѣдованія, наблюдѣнія, разсужденія.

Стран.

1. Обь эскимосскихъ нарѣчіяхъ Анадырскаго округа. (На основаніи матеріаловъ, собранныхъ Н. Л. Гондатти). *Всев. Озд. Миллера* 133—159
2. Отчетъ о поѣздкѣ къ киргизамъ лѣтомъ 1896 по порученію Императорскаго Географическаго Общества. Часть 1-я: Общія наблюденія надъ современнымъ бытомъ киргизъ. Чл.-сопр. *С. Г. Рыбакова* 160—217

Отдѣль II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Матеріалы по нарѣчіямъ инородцевъ Анадырскаго округа, собранные Н. Л. Гондатти. *Всев. Миллера* 218—229
2. Дѣтскія и женскія болѣзни. (Продолженіе). *А. Макаренка*. 230—246
3. Почитаніе огня у крестьянъ-сибиряковъ Енисейской губ. *А. Макаренка* 247—253
4. Мнѣологическіе отрывки. (Читано въ засѣданіи Отдѣленія Этнографіи 24 октября). *И. К. Краучунаса* 254—261

Отдѣль III.

Критика и библиографія.

1. Narodopisný Sbornik českoslovanský. Svázek první. Vydává narodopisná Společnost' českoslovanská a národopisné Museum českoslovanské. Redactor prof. Fr. Pasternek. Ve Pražě. 1897. *Н. В. Ястребова* 262—265

Отдѣль IV.

С м ѣ с ь.

1. Этнографическія изысканія въ Восточной Сибири. 265—266

Печатано съ разрѣшеніа Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Отдѣлъ I.

Объ Эскимосскихъ нарѣчіяхъ Анадырскаго округа.

(На основаніи матеріаловъ, собранныхъ Н. Л. Гондатти).

Неутомимый изслѣдователь Анадырскаго округа Н. Л. Гондатти, уже третій годъ среди всякихъ лишеній энергично изслѣдующій во всѣхъ отношеніяхъ эту негостепримную сѣверо-восточную окраину Сибири, прислалъ мнѣ въ концѣ 1895 года лингвистическій матеріалъ для опредѣленія нарѣчій жителей нѣкоторыхъ инородческихъ поселковъ, расположенныхъ по берегу Великаго океана. Матеріалъ этотъ состоитъ изъ списка словъ, расположенныхъ въ четырехъ рубрикахъ съ русскимъ ихъ значеніемъ. Въ первой помѣщены слова Чукчей, преобладающаго населенія Анадырскаго округа. Во второй — соотвѣтствующія слова жителей поселка Вутээнъ, въ третьей — поселка Уныынъ, въ четвертой — поселка Нууканъ. Изъ помѣщеннаго дальше предисловія, предпосланнаго г. Гондатти сборнику словъ, видно, что жители этихъ и нѣкоторыхъ другихъ поселеній къ сѣверу отъ залива Св. Креста и до Восточнаго мыса различаютъ себя отъ Чукчей и говорятъ на разныхъ нарѣчіяхъ эскимосскаго языка, нарѣчіяхъ, притомъ на столько различающихся между собою, что жители названныхъ поселковъ не понимаютъ другъ друга. Приводимъ цѣликомъ интересныя свѣдѣнія объ этихъ нечукотскихъ племенахъ, сообщаемыя г. Гондатти.

«Кромѣ сидячихъ Чукчей, про которыхъ оленные рассказываютъ, что они говорятъ «настоящимъ» языкомъ (ліы илилэтъ), по берегу Великаго Океана, къ сѣверу отъ залива Св. Креста, сидятъ еще совершенно чуждыя имъ народности, переселившіяся сюда безусловно съ близлежащихъ острововъ и съ Американскаго материка, причемъ среди нихъ можно различить три народности: самую многочисленную послѣ Чукчей, живущую въ четырехъ поселкахъ (Ианъ, Эунмонъ, Уныынъ и Нэпэху-

тэнь) ¹⁾ Айгуанатъ или Айвуанатъ, какъ ихъ называютъ Чукчи. Это небольшое племя состоитъ изъ 318 лицъ мужского и 349 женскаго пола (я переписалъ всѣхъ осѣдлыхъ по берегу Великаго океана въ предѣлахъ округа). Айгуанатъ, по всей вѣроятности, эскимосы, давнишніе переселенцы съ острова Св. Лаврентія (называемаго Чукчами Эйгоэнь или Айгоэнь), съ жителями котораго у нихъ и въ настоящее время продолжаются сношенія. Говорятъ они съ ними однимъ языкомъ и имѣютъ общіе обычаи и обряды. Нерѣдко здѣшніе берутъ оттуда себѣ женъ, а въ былое время, даже лѣтъ двадцать тому назадъ, привозили оттуда молодыхъ мужчинъ и женщинъ и продавали ихъ Оленнымъ. Случается, что выѣхавшихъ на промыселъ изъ Унынь (главный ихъ поселокъ), встрѣмъ относить къ острову св. Лаврентія и на оборотъ.

Вторую народность представляютъ жители поселка Вутээнъ съ 34 лицами муж. и 45 жен. пола; говорятъ они своимъ нарѣчіемъ, только отчасти схожимъ съ Уныньскимъ, такъ что другъ друга они не понимаютъ и говорятъ обыкновенно между собою на чукотскомъ языкѣ, здѣсь весьма распространенномъ ²⁾). Тоже надо сказать и про жителей поселка Нууканъ, лежащаго у Восточнаго мыса. Здѣсь живетъ 157 лицъ муж. и 142 женск. пола. Кромѣ того, въ поселкахъ: Имтунъ и Чечинъ — (въ первомъ 20 л. м. и 23 жен. пола, во второмъ 67 и 73) живетъ населеніе смѣшанное: въ первомъ Вутээнцы съ Уныньцами, а во второмъ — послѣдніе съ Чукчами.

Поселки, занятые этими народностями, идутъ, начиная съ юга по направленію къ сѣверу, въ такомъ порядкѣ: Вутээнъ, Имтунъ (версть 8), Ианъ (версть 50), Эунмонъ (версть 10), Чечинъ (версть 60), Унынь (версть 60), Нэпэкхутэнь (на островѣ Эттыгрэнь, версть 30 отъ Унынь), затѣмъ идетъ много чукотскихъ поселковъ и версть четыреста отъ Унынь лежитъ совершенно отдѣльно поселокъ Нууканъ, такъ какъ справа и слѣва (по берегу Ледовитаго моря) сидятъ Чукчи. Жители ближайшихъ двухъ острововъ — Ратманова и Крузенштерна, — а также и противоположнаго берега Американскаго материка говорятъ нарѣчіемъ, схожимъ съ говоромъ жителей Нууканъ, но все таки на столько отъ него отличающимся, что они другъ друга не понимаютъ и говорятъ при помощи переводчиковъ. Интересно, что зимою въ тихую погоду жители этихъ двухъ острововъ имѣютъ съ жителями Нууканъ постоянныя сношенія, или на собакахъ, или, при боль-

¹⁾ Эти названія поселеній—чукотскія.

²⁾ Ср. ниже наши замѣчанія о чукотскихъ заимствованныхъ словахъ въ нарѣчій поселка Вутээнъ.

помъ торосѣ, гѣшкомъ, такъ какъ эта часть пролива замерзаетъ (восточная нѣтъ) и только сильными вѣтрами ломаетъ ледъ, почему сношенія обыкновенно и происходятъ въ тихую погоду. Въ остальное же время сообщеніе съ островами и противоположнымъ берегомъ сосѣдняго материка происходитъ при помощи байдаръ, причемъ съ послѣдняго жители ежегодно прѣзжаютъ ради мѣновой торговли въ Унѣынъ, а въ прошломъ году впервые даже въ Эунмонъ.

Чукчи смотрятъ на остальныхъ сидячихъ свысока, считаютъ себя гораздо выше и хотя иногда женъ у нихъ берутъ, но своихъ дѣвушекъ имъ не даютъ. Названіе Айгуанатъ или Айвуанатъ они распространяютъ и на остальныхъ сидячихъ, говорящихъ не «настоящимъ» языкомъ; жителей же поселка Нууканъ, какъ и жителей острововъ и противоположнаго берега, они зовутъ еще Пээкитъ, производя это названіе отъ своего слова «нэпэаукинъ» — «завистливый». Кромѣ того, жителей острововъ и въ особенности противоположнаго берега они зовутъ «Екыргаулетъ» отъ «екыргынъ» — «ротъ», такъ какъ большинство изъ нихъ, по крайней мѣрѣ прежде, носили нѣсколько ниже уголъ рта, обыкновенно съ обѣихъ сторонъ, по воткнутой палочкѣ, косточкѣ или камешку. Но названія Пээкитъ и Екыргаулетъ и даже Айгуанатъ или Айвуанатъ даются только за глаза, такъ какъ считаются оскорбительными; обыкновенно (при нихъ) мѣстныхъ зовутъ или по поселкамъ, или «Романьлатъ» — «сидячіе», или «Анкэлэтъ» — «приморскіе», а жителей острововъ и противоположнаго берега Америки «Росхилэтъ» — «зарѣчные, съ той стороны» или «Нэнкүкэлэтъ» — «нездѣшніе», хотя послѣднее названіе — болѣе общее и прилагается ко всѣмъ прѣзжимъ особенно издалека, даже и къ чукчамъ...

«Въ настоящее время сношенія чукчей и другихъ сидячихъ на нашемъ берегу съ жителями острововъ и противоположнаго берега исключительно мирнаго характера — торговля; но еще очень недавно они были и иныя: наши инородцы часто дѣлали набѣги на тотъ берегъ (островные, по словамъ чукчей, были обыкновенно на ихъ сторонѣ) и уводили оттуда плѣнныхъ, въ особенности женщинъ. Не надо упускать изъ виду, что изъ поселка Нууканъ совершенно отчетливо въ ясную погоду виденъ не только островъ Ратманова, но и мысъ принца Валлійскаго, что мнѣ пришлось наблюдать самому. Тоже самое, говорятъ Чукчи, замѣчается и съ того берега, такъ что сношенія нашихъ инородцевъ съ инородцами сѣверо-западной Америки, вѣроятно, начались съ глубокой древности».

Что касается точности помѣщаемой ниже записи г. Гондатти, то вотъ

что онъ говорить о способѣ записыванія инородческихъ словъ: «При записываніи словъ я пользовался не однимъ человѣкомъ, а нѣсколькими, которые другъ друга провѣряли. Выбиралъ я людей, говорящихъ ясно и отчетливо, но тѣмъ не менѣе записываніе словъ, особенно счета, требовало немало времени и повтореній; я старался быть какъ можно точнѣе, переспрашивалъ по нѣскольку разъ и добился того, что въ посылаемой редакціи слова были повторяемы совершенно тождественно разными лицами въ различное время. У меня единственная цѣль это — имѣть возможность получить болѣе точныя указанія, что это за народности, родственныя эскимосамъ, такъ какъ эскимосы Америки изучены хорошо и, вѣроятно, ихъ языки уже разработаны и имѣются словари съ грамматиками. Чукотскія же слова я прилагаю для сравненія, такъ какъ иными изъ нихъ воспользовались всѣ сидячіе, сдѣлавъ только незначительныя измѣненія. Къ сожалѣнію за отсутствіемъ времени теперь не могу послать большихъ поясненій, но полагаю, что для той цѣли, съ которой посылаются собранныя слова, достаточно и написаннаго».

Н. Л. Гондатти не ошибся, полагая, что собранныхъ имъ словъ достаточно для характеристики отношенія трехъ нечукотскихъ нарѣчій (Вутээнъ, Унѣынъ и Нууканъ) къ нарѣчіямъ американскихъ Эскимосовъ. Пользуясь грамматическимъ очеркомъ эскимосскихъ нарѣчій въ извѣстномъ трудѣ вѣнскаго лингвиста Фридриха Мюллера (*Grundriss der Sprachwissenschaft*) и особенно книгой Генри Ринка (*The Eskimo Tribes*), содержащей сравнительный словарь эскимосскихъ нарѣчій¹⁾, мы постараемся отвѣтить на этотъ вопросъ, на сколько позволяетъ собранный г. Гондатти матеріалъ. Матеріалъ этотъ состоитъ изъ записи именъ существительныхъ (названій родства, частей тѣла, животныхъ, бытовыхъ предметовъ, одежды и оружія, явленій природы, нѣкоторыхъ игръ, народностей и поселковъ), немногихъ именъ прилагательныхъ, нѣсколькихъ короткихъ фразъ, списка числительныхъ количественныхъ отъ 1—200 и названій мѣсяцевъ. Для заключеній о морфологіи этотъ матеріалъ почти не даетъ данныхъ; но о фонетикѣ трехъ эскимосскихъ нарѣчій Анадырскаго округа можно составить себѣ, какъ мы увидимъ ниже, довольно полное понятіе. Несомнѣнно записывать слова и притомъ въ большинствѣ многосложныя неизвѣстнаго языка, совершенно отличнаго по словообразованію отъ языковъ индоевропейскаго типа, дѣло не легкое; но, насколько мы можемъ судить, г. Гондатти, обладая хорошимъ слухомъ, вообще удачно спра-

¹⁾ Полное заглавіе: *The Eskimo Tribes. Their distribution and characteristics, especially in regard to language, with a comparative vocabulary and a sketch-map by Dr. Henry Rink. Copenhagen 1887 г.*

вился съ этой задачей. Его транскрипція довольно точно передаетъ звуки эскимосскихъ діалектовъ, гораздо точнѣе нѣкоторыхъ записей американскихъ эскимосскихъ словъ, которыя находимъ у нѣкоторыхъ американскихъ путешественниковъ, прибѣгавшихъ къ англійской орфографіи.

Прежде чѣмъ уяснить отношеніе анадырскихъ эскимосскихъ нарѣчій къ американскимъ, скажемъ нѣсколько словъ о распредѣленіи эскимосскихъ нарѣчій въ Америкѣ.

На основаніи своихъ изслѣдованій и трудовъ предшественниковъ (Боаса, Петито, Клейншмидта, Фабрицуса, Эрдманна, Далля, Краузе и друг.) Ринкъ различаетъ 5 группъ эскимосскихъ племенъ на крайнемъ сѣверѣ Америки. Таковы, во 1-хъ, Гренландскіе эскимосы, которыхъ языкъ распадается на говоры западный и восточный. Въ 1880 г. число западныхъ эскимосовъ въ Гренландіи доходило до 9752 душъ, въ 1884 восточныхъ эскимосовъ, жившихъ на югѣ отъ 68° с. ш., числилось всего 548 человекъ. Встрѣчались эскимосы отдѣльными семьями и выше 68°, но число ихъ, вѣроятно незначительное, точно не опредѣлено. Вторую группу представляютъ эскимосскіе поселки на Лабрадорѣ. Общее число всего эскимосскаго населенія Лабрадора не превышаетъ 2000—2200 душъ. Языкъ ихъ представляетъ и фонетическія, и морфологическія отличія отъ гренландскаго и можетъ считаться нарѣчіемъ ¹⁾. Въ третью группу входятъ эскимосскія племена центральныхъ частей сѣверной Америки. Свѣдѣнія объ отдѣльныхъ поселкахъ и числѣ этихъ эскимосовъ еще скудны. Нѣкоторые матеріалы для изученія ихъ языка собраны гг. Шватка и Боасъ. Общее число центральныхъ эскимосовъ, по мнѣнію Ринка, едва ли доходить до 4000 душъ ²⁾. Четвертую группу составляютъ эскимосы Чиглитъ или поселенцы области Мэкензи, преимущественно около устья этой рѣки. Французскій миссіонеръ о. Петито, составившій словарь нарѣчія этихъ эскимосовъ различаетъ между ними 2 племени: Тарэормють и Крамалить, не превышающихъ численностью 2000 душъ ³⁾. Наконецъ, пятую группу составляютъ западно-эскимосскія племена, среди которыхъ различаютъ южныхъ, сѣверныхъ и азіатскихъ. Южные, въ количествѣ около 8300 душъ,

¹⁾ Eskimoisches Wörterbuch gesammelt von den Missionären in Labrador, revidirt und herausgegeben von Friedrich Erdman. — Bandissin 1864. Kleinschmidt. — Grammatik der grönländischen Sprache mit theilweisem Einschluss des Labradordialekts. Berlin 1851.

²⁾ Schwatka — Search in quest of the Franklin records 1879 — 80. E. Boas — статья о Баффиновой землѣ въ „Mittheilungen aus Justus Perthes geogr. A. 1885.

³⁾ Vocabulaire Français-Esquiman, dialecte des Tchiglit des bouches du Mackenzie et de l'Anderson par le R. P. E. Petitot. Paris 1876.

носятся, по изслѣдованіямъ Далля, нѣсколько мѣстныхъ названій, каковы: Угалахмутъ, Каниагмутъ (Кадьякъ), Огульмутъ, Нушагагмутъ, Кусквогмутъ, Магемутъ и Экогмутъ. Ихъ поселки разсѣяны въ юго-западной части Аляски и на нѣкоторыхъ Алеутскихъ островахъ. Сѣверныя племена, носящія названія: Уналигмутъ, Малемутъ, Кавиагмутъ, Окееогмутъ, Селавигмутъ, Ковагмутъ, Нунатогмутъ, Нувукмутъ, живутъ въ сѣверо-западной части полуострова и не превышаютъ 2900 душъ ¹⁾. Число азіатскихъ эскимосовъ, по мнѣнію Краузе ²⁾, доходитъ приблизительно до 2000 душъ. Согласно съ подсчетомъ населенія въ эскимосскихъ поселкахъ, сдѣланнымъ Н. Л. Гондатти, число анадырскихъ эскимосовъ доходитъ приблизительно до 1300 человекъ. Итакъ общее число этого племени, разбросаннаго островками на огромной территоріи, отъ Гренландіи до Чукотскаго полуострова, и представляющаго въ языкѣ значительныя діалектическія различія, не превышаетъ вѣроятно 30,000 душъ.

Для уясненія отношенія эскимосскихъ нарѣчій Анадырскаго округа къ нарѣчіямъ Америки мы воспользовались сравнительнымъ словаремъ, составленнымъ г. Ринкомъ. Его глоссарій содержитъ всѣ основы гренландскаго языка, причемъ приведены извѣстныя автору параллели изъ другихъ діалектовъ. Если основное слово извѣстно въ другихъ діалектахъ, но не встрѣчается въ гренландскомъ, г. Ринкъ выводитъ его предполагаемую гренландскую звуковую форму, отмѣчая такое слово звѣздочкой. Просмотрѣвъ словарь г. Ринка, мы нашли въ немъ соотвѣтствія для 102 словъ (кромѣ числительныхъ), изъ числа 360, вошедшихъ въ списки г. Гондатти. Прежде всего, сравненіе анадырскихъ эскимосскихъ словъ съ американскими подтверждаетъ фактъ, который можно было предположить а priori. Анадырскія нарѣчія ближе къ западно-американскимъ эскимосскимъ, чѣмъ, напр., къ гренландскому. Прежде, чѣмъ войти въ фактическія подробности, сдѣлаемъ простое сопоставленіе ряда словъ.

Человѣкъ: *в.* ³⁾ јух, *у. н.* ⁴⁾ јух. Въ гренланд., центр. лабрадор., мекэнз. нарѣчіяхъ *inuk*. Но въ *Wn.* ⁵⁾ при *inuk* употребительна и форма *yuk*, мн. ч. *inuet* и *yuet*; въ *Ws.* ⁶⁾ мн. ч. *innuit*, *juggut*, *yuet*.

¹⁾ W. H. Dall—Alaska and its resources 1870.

²⁾ Die Bevölkerungsverhältnisse der Tschukschen-Halbinsel von Dr. Aurel Krause. Deutsche Geograph. Blätter. 1888.

³⁾ *в.* = нарѣчіе Вутээнъ.

⁴⁾ *у.* = нарѣч. Унынынъ; *н.* = нарѣч. Нууванъ

⁵⁾ *Wn* = сѣв. отдѣлъ западныхъ эскимосовъ.

⁶⁾ *Ws* = южн. отд. западныхъ эскимосовъ.

- Мальчикъ:** *с.* тана, *у.* н. тарнарак ¹⁾). Въ гренланд. нѣтъ, въ М. ²⁾ tunutsuk—народъ; но въ Ws. tap—человѣкъ, tappuhak—мальчикъ, tappujak—юноша.
- Дѣдушка:** *с.* аннака, *у.* апкака, *н.* апі. Въ гренл. нѣтъ, Wn. arang—отець.
- Шея:** *с.* ујэкака, *у.* ујакѳк, *н.* ујаконка. Въ гренл. нѣтъ; Wn. weeak-kote (чит. уіаккоте?) — горло; weeakuk (чит. уіакук) — шея.
- Животъ:** *с.* акыка *у.* аксака ³⁾, *н.* акѣкка. Въ гренл. aqajag, но въ Ws. aksiak.
- Нога:** *с.* ырыка *у.* н. эручка. Въ гренл. нѣтъ; Wn. erukhga, Ws. erukha.
- Зубы:** *с.* кыыта, *у.* хуынкка, *н.* вутѳт. Во всѣхъ нарѣчіяхъ иначе, только въ Wa. ⁴⁾ chutit, uutinka; Wn. kigu, kigutik.
- Языкъ.** *с.* утла ⁵⁾, *у.* улукка *н.* улу. Въ гренл. нѣтъ; Ws. ulu, ulju.
- Средній палець:** *с.* кыкѳситака, *у.* атхылка, *н.* аткылинн — только въ Wn. akolinek — second finger.
- Байдара:** *у.* анжак, *н.* анжак—гренл. umiaq, Ws. aniak.
- Кости:** *с.* нынах, *у.* нахкуак, *н.* нынрат. Въ гренл. нѣтъ. Ws. nupokut, nepoet.
- Куклянка двойная ⁶⁾:** *у.* аткука, *н.* аттыкук. Въ гренл. н., Wn. atige.
- Бусы:** *с.* чунах, *у.* чунак, *н.* чунак. Въ гренл. нѣтъ; С. ⁷⁾ shoongowuat (чит. шуыговжат); Wn. tshungaunik, Ws. tshunagtook (чит. чунагтук).
- Луна:** *у.* танкѳ, *н.* игалѳк ⁸⁾ = Ws. igaluk, Wn. takkuk, Ws. tangik. Другія нарѣчія не представляютъ сходныхъ словъ. Впрочемъ въ С. tatkuk.
- Вѣтеръ:** *у.* анока, *н.* анокѳ. Въ гренл. только въ языкѣ Ангакоковъ (шамановъ), Ws. anioq, aneg.
- Берегъ:** *с.* чинчах, *у.* спак, *н.* кѳмчыннак. Въ гренл. нѣтъ; Ws. tschnag.
- Югъ:** *у.* ѳхка, *н.* ахкѳк; только въ Ws. vagak, Wn. uakak.

¹⁾ М. = нарѣч. мѳэнан.

²⁾ Буква р выражаетъ р съ придыханіемъ.

³⁾ С = палатализов. с или съ.

⁴⁾ Wa = нарѣч. запад.-азіатское.

⁵⁾ Одежда.

⁶⁾ С. = центральн. эскимское нарѣчіе.

⁷⁾ л выражаетъ европейскій l, средній между нашими лъ и ль.

⁸⁾ г' выражаетъ русс. г въ словахъ: Бѳга, Господь, тогда.

Этихъ примѣровъ спеціального сходства анадырскихъ эскимосскихъ словъ съ американскими достаточно, чтобъ подтвердить высказанное г. Гондатти въ предисловіи мнѣніе, что наши эскимосы являются потомками переселенцевъ изъ западной Америки.

Переходимъ къ ближайшему разсмотрѣнію фонетики нарѣчій В. У. и Н.

Гласные: Система гласныхъ во всѣхъ трехъ нарѣчіяхъ представляетъ слѣдующіе звуки: а, е, и, о, у, ы и ъ. Послѣдній звукъ встрѣчается, впрочемъ, крайне рѣдко: въ нарѣчій *е*. мы нашли его въ слѣдующихъ 6 словахъ: милѡоталхерај (игра въ мячъ), лѡхтыбалах (толстый), манничѡ (ситцевая куклянка), уѡкомра (ожерелье), ѡграј—заговорщикъ, заклинатель и пѡлѡта (рѣчной бобръ). Нарѣчія *у*. и *н*. имѣютъ ѡ также въ названіи рѣчного бобра: *у*. пѡлѡхтак, *н*. пѡлѡктак. Въ виду того, что послѣднее слово чукотскаго происхожденія (ср. чукот. пѡлѡтѡн), можно сдѣлать предположеніе, что звукъ ѡ перешелъ въ данномъ случаѣ въ вокализмъ разсматриваемыхъ нарѣчій вмѣстѣ съ заимствованнымъ чукотскимъ словомъ. Другія слова съ ѡ въ нарѣчій *у*.: каѡк (чай), причемъ гласному ѡ въ нарѣчій *е*. соотвѣтствуетъ звукъ, выражаемый г. Гондатти посредствомъ *ъ* (je ?): каѡх, и тарјѡк (разсолъ). Въ нарѣчій *н*., кромѣ слова тарјѡ (разсолъ), ѡ встрѣчается лишь въ словахъ: арнарат маѡхтут (заря), тахмѡбрак (птица), кабахлѡкукут (спимъ). Изъ собственныхъ дифтонговъ встрѣчаются: аі, ау, уі; изъ несобственныхъ (б. м. сочетаній гласныхъ) мы отмѣтили: *оы* (*у*. коыт—лебедь), *оа* (*н*. капичѡа—куница) *уа* (*н*. читуак—бѣлуха), *уо* (*е*. уруох—ремень лахтачій). Но вообще перечисленныя сочетанія гласныхъ, кромѣ собственныхъ дифтонговъ, крайне рѣдки.

Согласные: Въ консонантизмъ всѣхъ трехъ нарѣчій входятъ слѣдующіе звуки: задненебные: к, ĩ, х, ñ; небо-зубные: т, с, ѓ, (з) ч, н; губные м, п; плавные л, р, ѣ и звукъ *ј*, который мы выводимъ изъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ въ транскрипціи г. Гондатти *я*, *ю* образуютъ слогъ. Такимъ образомъ въ консонантизмѣ нашихъ эскимосскихъ нарѣчій отсутствуютъ согласные д, ф, ш, которые, какъ увидимъ ниже, извѣстны нѣкоторымъ американскимъ эскимосскимъ нарѣчіямъ.

Разсмотримъ нѣкоторые гласные и ихъ соотвѣтствія въ другихъ эскимосскихъ нарѣчіяхъ.

Гласный *а* обычно соотвѣтствуетъ тому же звуку въ другихъ нарѣчіяхъ. Примѣры: *у*. *н*. арнак — (женщина) = арнак LCMWnsa ¹⁾, *е*. аппака *у*. аппака, *н*. али (дѣдъ) = Wп. арапang—отецъ; *е*. *у*. паника, *н*.

¹⁾ L = Labrador, C = Central, M = Mackenzie.

паніа (дочь) = panik LCMWnsa; *у.* на́сок, *н.* нажахкока́ (голова) = naskok LCMWnsa, *у.* таслихка, *н.* тахліка (рука) = taleq LCMWnsa; *н.* каблут (брови) = C. kabloot (т. е. каблут), Wn. kabloon (т. е. каблун) и друг. Иногда звуку *а* соответствует въ другихъ нарѣчіяхъ *е*: *у.* тѣкака; *н.* тѣкак (указательный палець) = tikeq LCMWn; *у.* *н.* нахсáк (нерпа-мандарка) = patseq LCMWna; *у* накка́ (мясо) = peqe. Въ отдѣльныхъ словахъ въ анадырскихъ нарѣчіяхъ *а* чередуется съ *о*: *в.* áках, *у.* *н.* акók (корень), *у.* ано́ка, *н.* аноко́ (вѣтеръ); *у.* о́хка *н.* ахкók (югъ); съ э: *в.* кэно́к, *у.* каго́ка (лобъ); *в.* áмах, *у.* амэ́к (шкура стараго оленя). За́мѣтимъ, что особенно многочисленны случаи соответствія *у.* *а* звуку *ы* въ нарѣчій *е*: *в.* кумыка́ју, *у.* кума́кајуут (пароходъ), *в.* ит́ыхных, *у.* ниха́хпак (рыболовная сѣть), *в.* та́мных, *у.* танпáк (моржовая кожа); *в.* тымы́ных, *у.* тымкáк (нерпичьи мандарки), *в.* мых, *у.* ммак (вода), *в.* ймых, *у.* ммах, *н.* имма́к (море); *в.* jáйбых, *у.* на́йбак (озеро), сюда же можно отнести *в.* йн́глих = *у.* йнлак (пологъ).

Гласный *е* (у Гондатти *е* и *э*) соответствуетъ тому же гласному въ другихъ эскимосскихъ нарѣчіяхъ, напр.: *у.* э́рыка, *н.* эрнара́ (сынъ) = epeq; *у.* *н.* эру́хка (нога) = Wn. eukhga, Ws. eukha; *в.* э́катлих, *у.* *н.* ека́слук (рыба) = eqaluk. Вѣроятно, на закрытое *е* указываетъ чередованіе его съ звукомъ *и* въ слѣдующихъ случаяхъ: *у.* ика́хслупик *н.* экалуп́ик (голець), *у.* ил́улика, *н.* ил́улэк (куклянка нижняя); *у.* кик. *н.* кэк (лѣто); *в.* йры́ка, *у.* *н.* эру́хка (нога) ¹). Чередованіе *е* съ *ы* мы отмѣтили въ словахъ *в.* трыку́сак, *у.* треку́сак (звѣрь); *у.* ма́ттэн, *н.* ма́ттын (сегодня). Чередованіе *е* съ *у* въ словѣ *у.* э́нрак *н.* унра́к (копье).

Гласный *и* соответствуетъ обычно тому же звуку другихъ нарѣчій: *в.* итчи́ка, *у.* и́ска, *н.* и́хка (глазь) = isse; *в.* ики́хка, *у.* ику́ска, *н.* ику́ик (локоть) = ikusik, *у.* чики́к (евражка) = sigssik (т. е. сигшик), *в.* *у.* *н.* ча́бик (ножь) = savik; *у.* кохли́гих (штаны нерпичьи) = qardlik; *в.* *у.* та́псика, *н.* тапсі́ (поясь) = tavsik ²). По нарѣчіямъ *и* нерѣдко чередуется съ *ы* и, вѣроятно, съ *у*. Чередованіе *и* съ *ы* встрѣчается въ слѣдующихъ словахъ: *в.* са́кыка, *у.* са́кика, *н.* са́кыка́ (тесть); *в.* са́кымка, *у.* са́кимака (грудь); *в.* кахли́бык, *н.* кахли́убик (женская одежда). Чередованіе *и* съ *у* мы видимъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ послѣ *и* и *э* находимъ въ нарѣчій *у.* въ транскрипціи г. Гондатти б у к в у ю, которую мы

¹) Въ *у.* *н.* кэмма́к (собака) э соответствуетъ гласному *і* въ другихъ нарѣчіяхъ: qingmeq LCMWn.

²) Въ словѣ *у.* тасли́хка, *н.* тахли́ка (рука) і соответствуетъ гласному *е* въ другихъ нарѣчіяхъ: taleq LCMWns.

читаемъ какъ мягкій согл. + у: срав. *в.* утлинчикá *у.* утхлума́ка (т. е. утхлумака)—щека; *в.* та́млика, *у.* тамлѹ́ка (подбородокъ); *в.* кѹ́млика, *у.* кумлѹ́ка (большой палець); *в.* има́хлик, *у.* имахлѹ́к (волна); *в.* эка́глих *у.* ека́слюк (рыба); *в.* экалѹ́пих, *у.* ика́хслюпик (голецъ); *в.* ситѹ́хлиги, *у.* стухлѹ́ук (оленьи штаны); *в.* тумсика́, *у.* тунусѹ́ка (затылокъ). О чередованіи *i* и *e* по анадырскимъ нарѣчіямъ см. выше. Отмѣтимъ случаи выпаденія *и* въ нарѣчіи уныныгъ послѣ начального *с*: *у.* стухлѹ́ук — *в.* ситѹ́хлиги (оленьи штаны), *у.* сна́гмит, *в.* снп्रा́гмагый (береговой житель), *у.* стухлѹ́к, *в.* читѹ́хлиги (оленьи торбасы). Отпаденіе начального *и* въ словахъ: *у.* ммак, *н.* имма́к. *в.* и́мых (море), *в.* лу (домъ) = igdlo LCMWn.

Гласный *о*, встрѣчающійся вообще въ корняхъ рѣдко, соотвѣтствуетъ въ словѣ *у.* кохлѹ́гих (штаны нерпичьи) гласному *а* другихъ эским. діалектовъ: qardlik LCMWns, а въ словѣ *у.* ано́ка *н.* анокó (вѣтеръ) не только *о*, но и *у*: апоге и апук. О чередованіи *о* съ *а* въ анадырскихъ нарѣчіяхъ было сказано выше. Въ нѣкоторыхъ словахъ, повидимому въ суффиксѣ, *о* въ нарѣчіяхъ *у.* и *н.* соотвѣтствуетъ звуку *ы* въ нарѣчіи *в.*: *у.* *н.* а́хбок (китъ) = *в.* а́хбык; *у.* *н.* айбок (моржъ) = *в.* ай́бых., *у.* ку́я́хок (жила оленя) = *в.* ку́я́ых. Диалектическое чередованіе *о* съ *у* находимъ въ словахъ: *у.* койнѣ́к *в.* кѹ́рнах (олень); *у.* кѹ́йна *в.* ко́йнин (трубка); *н.* пинехтѹ́к, *у.* пинѣ́хтук (хорошій).

Гласный *у* соотвѣтствуетъ тому же звуку другихъ нарѣчій: *в.* утлинчикá *у.* утхлума́ка (щека) = и́луаг; *в.* у́тла *у.* у́лѹ́ка, *н.* у́лѹ́ (языкъ) = ws. ulu; *у.* нѹ́јака, *н.* нѹ́јат (волосы) = ну́јаг; *у.* тѹ́ска, *н.* тѹ́јѣ (плечо) = wa. tuixka., *у.* икѹ́ска, *н.* ику́йк (локоть = ikusik; *в.* чу́нах, *у.* *н.* чу́нак (бѹсы) = sungaq, Ws. čunagtook (т. е. чунагтук); *в.* кѹ́млика, *у.* кумлѹ́ка, *н.* кумлѹ́ (большой палець) = kuvdloq; *в.* тухка́гый, *у.* ту́тык, *н.* тухка́рак (моржовый клыкъ) = tugaq и друг. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы отмѣтили чередованіе *у* нарѣчій *у.* и *н.* съ звукомъ *ы* въ нарѣчіи *в.*: *у.* *н.* эрѹ́шка *в.* и́рыка (нога); *у.* путѹ́на, *в.* пѹ́тынэй (палочка продѣтая въ подбородкѣ); *у.* чау́јак, *в.* сягѹ́јах (бубень), *у.* абагны́тук, *в.* аба́нытых (нѣтъ т. е. не имѣется). Въ словѣ *у.* у́јѹрахка, *н.* у́јурѹ́ (братъ младшій) второй *у* соотвѣтствуетъ *о* другихъ діалектовъ: uɔruk LCM, ojoaga Ws. Суффиксу — ук въ словѣ *у.* *н.* кахлѹ́к (громъ) отвѣчаетъ *е* въ прочихъ нарѣчіяхъ; kagdleq.

Гласный *ы* всего чаще соотвѣтствуетъ звуку *и* въ американскихъ эскимосскихъ нарѣчіяхъ, причемъ можетъ возникнуть предположеніе о неточности транскрипціи: быть можетъ, эскимосс. *ы*, чуждый вокализму иностранныхъ наблюдателей (англичанъ, французовъ, нѣмцевъ) не былъ

ими графически отмѣченъ и слился съ гласнымъ *i*. Примѣры: *с.* кѣнка (носъ) = qinqaq; *с.* тѣкыка, *у.* тѣкака, *н.* тѣкак (указательный палецъ) = tikeq; *н.* аттыкѣк (куклянка двойная) = Wn. atige; *с.* эбѣх, *у.* бык, *н.* эбѣк (травя) = ivik. Въ словѣ *н.* аткѣлнин (средній палецъ) *ы* соотвѣтствуетъ звуку *о* въ Wn. akqineq; въ словѣ *с.* нѣнах, *н.* нынрѣт (кость, кости) *ы*, можетъ быть, отвѣчаетъ гласному *у* въ Ws, если транскрипція точна: pipokut. О чередованіи *ы* и *о* было упомянуто выше.

Слова, имѣющія рѣдкій гласный *ö*, были перечислены выше.

Относительно собственныхъ дифтонговъ, ограничимся замѣчаніемъ, что въ соотвѣтствіе съ *ai* въ *н.* кайрѣлѣк мы видимъ *a* въ *у.* карѣлѣн (перья крылатая); подобно этому дифтонгу *au* въ словахъ: *н.* каувѣк (дресва) и *с.* накѣу (нѣтъ) соотвѣтствуетъ *a* въ *с.* кѣби и *у.* накѣ.

Переходимъ къ разсмотрѣнію согласныхъ.

За дненебны *e*: Звукъ *к*. Въ консонантизмѣ гренландскаго языка Ринкъ различаетъ два звука *к*. Первый, выражаемый имъ буквой *k*, звучитъ, по его словамъ, какъ *c* въ англ. «*can*» или *ck* въ англ. «*lack*», слѣдовательно это нашъ *к* передъ твердымъ гласнымъ. Второй *к*, передаваемый имъ посредствомъ *q*, произносится, по его словамъ, какъ «очень гортанный *к*, нѣчто среднее между *g*, *rk* и *rkr*» (стр. 41). Конечно, судить о природѣ этого звука по слишкомъ поверхностному описанію г. Ринка невозможно. Въ записяхъ г. Гондатти мы находимъ только одинъ *к*. Что касается передачи обоихъ *к* транскрипціей разныхъ наблюдателей, то нѣкоторые вовсе не различаютъ ихъ, другіе передаютъ второй буквами *k*, *kg*, *rk*, *rkq*. Звукъ *к* всѣхъ трехъ анадырскихъ нарѣчій соотвѣтствуетъ обоимъ *к* гренландскаго, какъ видно изъ слѣдующихъ примѣровъ: а) *к* = *k*: *у.* *н.* тарнѣрак (мальчикъ) = Ws. tennuhak; *с.* *у.* панѣка (дочь) = panik; *с.* *у.* *н.* сѣкѣка (тесть) = sake LCM: *у.* *н.* нынѣака (зять) = pingauk MWn. *у.* *н.* нѣсок *н.* нажахкѣка (голова) = naskok; *с.* сѣкѣмка, *у.* сѣкѣмака (грудь) = sakiak, *у.* *н.* кумѣк (вошь) = кумак; *у.* уирѣк, *н.* уихѣк (камень) = ujakak и друг. б) *к* = гренл. *q*: *у.* *н.* арнѣк (женщина) = aqnaq; *н.* нулѣака (жена) = puliaq; *у.* эрнѣка (сынъ) = eqneq; *у.* *н.* канѣѣака (племянникъ) = qangiaq; *у.* *н.* кахѣка (макушка) срав. qáqaq (гора); *у.* каѣка (лобъ) = qaqaq; *с.* кѣнка, *у.* кѣнѣк, *н.* кнѣк (носъ) = qinqaq; *н.* нѣѣѣка (волосъ) = nijaq; *у.* *н.* кѣкмѣк (собака) = qingmeq; *у.* *н.* опынрѣк (весна) = urepnâq и друг.

Анадырскій *к* изрѣдка (если можно довѣряться точности транскрипціи) соотвѣтствуетъ звуку *г* (*g*) въ другихъ діалектахъ: *н.* аклѣк (бурый медвѣдь) = agdlâq; *н.* аттыкѣк (куклянка двойная) = Wn. atige. Возможность соотвѣтствія *к* звуку *р* въ словѣ *у.* анѣка, *н.* анѣк (вѣтеръ) =

apogee LCMWns, можетъ быть, выяснится изъ дальнѣйшаго. Интересенъ для характеристики κ его чередованія въ самихъ анадырскихъ нарѣчьяхъ. Такъ, однимъ изъ отличій нарѣчья вутээнъ отъ нарѣчья уныынъ, а иногда и нууканъ является то, что суффиксальному κ послѣднихъ нарѣчій соотвѣтствуетъ χ въ нарѣчьи *с.*: *у. н.* јук (человѣкъ), *с.* јух; *у.* мамак (женская грудь) *с.* мамых; *н.* канак (ротъ) *с.* канах; *у.* капсик (россомаха) *с.* капсих; *у. н.* ахбок (китъ) *с.* ахбых; *у. н.* чунак (бусы) *с.* чунах; *н.* иммак (море) *с.* имых; *н.* эбык, *у.* бык (трава) *с.* эбых; *н.* унувак (вечеръ) *с.* унувах; *у.* екаслук (рыба) *с.* екатлих; *у.* инлак (положь въ жилищѣ) *с.* инглих; *у.* танпак (моржов. кожа) *с.* танпых; *у.* кујахок (жила оленя) *с.* кујаых и мног. друг.

Въ началѣ слова передъ гласнымъ тоже чередованіе находимъ въ словѣ: *у.* хутынка (зубы) *с.* кыта. Въ серединѣ въ словахъ: *н.* аткылини (средній палець) = *у.* атхылка, *н.* маклак = *у.* махлак (лахтакъ), *н.* амакту (горбуша) = *у.* амакту — находимъ тоже чередованіе въ нарѣчьяхъ нууканъ и вутээнъ. Въ трехъ словахъ, повидимому, въ суффиксѣ, мы отмѣтили соотвѣтствіе вутээнскаго κ группѣ $\chi\kappa$ другихъ нарѣчій: *с.* ырыка (нога) *у. н.* эрахка; ¹⁾ *с.* аглика (нижняя челюсть) *у.* аглулка; *с.* акыка (животъ) *н.* акехка.

Переходимъ къ анадырскому звуку \dot{g} . По словамъ г. Гондатти, \dot{g} произносится какъ нашъ g въ словахъ Бога, благо. Слѣдовательно, это звонкій задненебный спирантъ, соотвѣствующій малорусскому g и новогреч. γ . Ринкъ не отмѣчаетъ этого звука въ гренландскомъ и другихъ американскихъ эскимосскихъ языкахъ, говоря, что звукъ g произносится какъ англійскій въ словѣ good (стр. 40), но въ данномъ случаѣ мы увѣрены, что наблюденіе г. Гондатти точно и, быть можетъ, звукъ γ рядомъ съ g существуетъ въ нѣкоторыхъ амер. эскимосскихъ нарѣчьяхъ, хотя и неотмѣченъ транскрипціей. Впрочемъ, самъ г. Ринкъ (стр. 43) указываетъ, что буквѣ g (его транскрипціи) соотвѣтствуетъ въ транскрипціи другихъ (неизвѣстно какихъ) эскимосскихъ нарѣчій иногда буквы: g' , gh , ch . Можетъ быть, мы имѣемъ здѣсь попытки къ передачѣ звука γ незнакомаго путешественникамъ неспеціалистамъ. Какъ бы то ни было, изъ нашихъ немногихъ параллелей видно, что анадырскій \dot{g} соотвѣтствуетъ звуку, выражаемому буквой g въ нѣкоторыхъ другихъ нарѣчьяхъ: *с.* аглика, *у.* аглулка, *н.* аглакѡк (нижняя челюсть) = $agd\dot{l}e\dot{r}oq$ LCM; *н.* игалѡк (луна) = $Ws. igaluk$; *с.* аныга (снѣгъ) = $anigo$ (стар. гренл.),

¹⁾ Который звукъ здѣсь древнѣе, сказать трудно: Справ. $Wn. erukha$, $Ws. erukha$ (legs), $Ws. jeroga$ (feet).

Ws. aneg и anioк. Въ самихъ анадырскихъ нарѣчіяхъ ģ изрѣдка чередуется съ х, т. е. переходитъ изъ звонкаго въ глухой спирантъ, напр. у. najǫǫa (сестра) н. najǫǫa-ка; у. койлǫǫяк (оленный чукча) с. корйлǫǫй. Въ виду этого чередованія можно предположить, что и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы замѣчаемъ соотвѣтствіе анадырскаго х буквѣ g въ американскихъ нарѣчіяхъ, послѣдняя неточно передаетъ звукъ ģ: срав. с. йлхуа (лисица) = Ws. йлгуик; у. н. каллук (громъ) = kagleq LCMWns; у. мѣтыгелук (воронъ) = Wa. metagdlo. Звуковая близость ģ къ звуку, выражаемому г. Гондатти буквой p (см. ниже), повела къ ихъ соотвѣтствію въ словѣ: с. тухкалǫǫй = н. тухкалǫǫк (моржов. зубъ). Срав. также: н. игалѣкатак (звѣзда) и Wa. iralikatoch, eradlekatak. Быть можетъ, поэтому не слишкомъ смѣло сопоставить слово у. чигѣс-кока (колѣно) съ sǫr-qoq LCMWnsa (О соотвѣтствіи s звуку г [русс.] см. ниже). Для характеристики ģ слѣдуетъ еще замѣтить, что онъ иногда выпадаетъ въ томъ же словѣ въ разныхъ анадырскихъ нарѣчіяхъ: срав.: н. игалѣкатак (звѣзда), у. эаликытǫǫ; с. кага, у. кагѣ (бурунь) н. кѣа; с. сагѣях (бубень), у. чауѣак, н. чѣак; с. кабыгилнѣх (красный), у. кабилнѣк; у. абагнѣтѣк (нѣтъ = неимѣется), с. абанѣтых; у. кагѣка (лобъ) = qaoq LCMWns; с. чигѣтыка (ухо), у. сѣѣтѣха, н. чѣтыкѣка = siut LCMWns.

Встрѣчающееся изрѣдка чередованіе ģ въ н объясняется тѣмъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ не зубное, но заднеязычное н̄ (либо неотмѣненное транскрипціей, либо перешедшее впоследствии въ зубное, что менѣе вѣроятно). Срав. у. кагѣка (лобъ) и с. кѣнок (вм. кѣнок); у чигѣскока (колѣно) и с. чигѣсыкѣка. Близки къ этимъ случаямъ діалектическаго соотвѣтствія н̄ одному н (т. е. н̄): н. тангѣлѣрѣа (черный), у. тамылѣрѣ; с. йнѣлѣх (пологъ въ жилищѣ) у. йнѣлак.

Можетъ явиться вопросъ, существуетъ ли рядомъ съ ģ въ анадырскихъ нарѣчіяхъ звукъ ı. Просмотрѣвъ всѣ записанныя г. Гондатти слова, въ поискахъ за этимъ звукомъ, мы нашли букву ı только въ слѣдующихъ трехъ словахъ: н. ѣакѣраг (аутка — инструментъ, которымъ скоблѣютъ шкуры), у. койлѣгагѣт (сидячій чукча) и у. англѣутка (братъ), причѣмъ, въ виду ничтожнаго количества примѣровъ, готовы предположить, что въ записи г. Гондатти вкрались неточности. Такъ, если въ словѣ н. ѣакѣраг (аутка) — раг есть суффиксъ, то обычная его форма въ нарѣчій ну-у-канѣ — ра-к (опын-ра-к — весна, нахап-ра-к — арканъ [ср. у. нахп-йн]) или — ра-к (арна-ра-к — дѣвушка, анука-ра-к — старикъ, аралкоа-ра-к — старуха, манта-ра-к — домъ и проч.): ı въ койлѣгагѣт м. б. описка вм. ģ; что же касается у. англѣутка (братъ), то сравненіе его съ н. анѣлѣхѣтыка — показываетъ, что нг вѣроятно выражаетъ заднеязычный н̄. Въ виду

этого существованіе *x* въ анадырскихъ нарѣчіяхъ представляется намъ недоказаннымъ. Можетъ быть, заднебный *ñ* слышится или слышался прежде въ слѣдующихъ словахъ, какъ показываетъ сравненіе: *н.* анѣка (дядя) = *angak* LMWn.; *у. н.* канѣяка (племянникъ) = *qangiaq* L.; *у. н.* анѣк (байдара) = *a. angiak*; *н.* анѣрун (весло) = *anguar-pok* (pulls with a one bladed oar); *у. н.* чунак (бусы) = *sungaq**; *н.* инулѣк (волна) = *ingiuliu* CWn., *у. н.* пинаѣут (три) = *pingajuat* (третій).

Переходимъ къ звуку *x*, глухому спиранту, соотвѣтствующему звонкому *ř*. Примѣры діалектическаго чередованія *ř* и *x* приведены выше, такъ же, какъ соотвѣтствія *у.* и *н.* к звуку *x* въ нарѣчіи вутѣэнъ. Соотвѣтствіе *x* въ языкахъ американскихъ эскимосовъ установить трудно. Тамъ, гдѣ *x* въ самихъ анадырскихъ нарѣчіяхъ чередуется съ *к*, ему соотвѣтствуетъ въ американскихъ нарѣчіяхъ, какъ мы видѣли выше, звукъ *k*, изрѣдка *g* (*с.* йлхуа (лисица) = *Ws. uliguik*). Изъ исторіи *x* въ анадырскихъ нарѣчіяхъ отмѣтимъ слѣдующіе факты. Съ одной стороны есть случаи чередованія *x* съ *ř*, что указываетъ на энергическое (м. б. сопровождаемое хрипомъ, произношеніе *x*: сравн. *н.* уиѣак (камень) *у.* уиѣак; *у.* тарнѣак (ребенокъ) *с.* танѣрах. Съ другой стороны *x* можетъ по нарѣчіямъ выпадать, причемъ большій архаизмъ въ этомъ случаѣ обнаруживаетъ нарѣчіе вутѣэнъ, сохранившее *x* въ нѣкоторыхъ словахъ утратившихъ этотъ звукъ въ другихъ нарѣчіяхъ: срав.: *с.* анѣлхутыка (двоюродный братъ) *н.* анутѣл-утыка; *с.* нынѣака *у. н.* нынѣака (зять); *с.* пнѣхѣк (дикій баранъ), *у.* пнѣк; въ одномъ случаѣ, впрочемъ, нарѣчіе вутѣэнъ утратило *x* вмѣстѣ съ нарѣчіемъ нууканъ: *с.* экалпѣх, *с.* эскалпѣх, *н.* экалпѣк (голецъ), *у.* икалхслупик. Случаи исчезновенія *x*, повидимому, говорятъ въ пользу предположенія, что въ нѣкоторыхъ словахъ *x* произносился (раньше выпаденія) близко къ латин. *h*.

Интересно также чередованіе *x* съ *с* такое же, какое извѣстно въ консонантизмѣ славянскихъ нарѣчій. Нужно думать, что въ такихъ словахъ *с* былъ болѣе древнимъ звукомъ. Срав. *н.* тахлѣка (рука) *у.* таслѣхка; *с.* икѣхка (локоть) *у.* икѣска, *н.* йхка *у.* йска (глазъ) ср. *с.* итчикѣ и *isse* LCMWns; *н.* наѣхкока (голова) *у.* наѣкок = *naskok* LCMWns. При этомъ *x*, вышедшее изъ *с*, можетъ и совсѣмъ исчезнуть: *у.* кѣслика (верхняя куклянка) *н.* кѣлик¹). Если мы обратимъ вниманіе на то, что въ данныхъ словахъ *с* (мягкое) или передъ смягченнымъ же звукомъ *л*, то могли бы считать мягкость *с* условіемъ его перехода

¹) Можетъ быть, въ словѣ: *н.* туѣ (т. е. туѣ), срав. *у.* туѣка (плечо), звукъ *ѣ* перешелъ сначала въ *х* и затѣмъ въ *ж*. Срав. *Wa. tuixka*.

въ х. Впрочемъ, къ этому условію не подходитъ слово: *н.* чинжкѣк (колѣно) *у.* чинѣкѣкѣна, *в.* чинѣкѣкѣка, такъ что условія перехода с въ х остаются не ясными.

Переходимъ къ небо-зубнымъ согласнымъ: *т*, *с* и аффрикату *ч*. Согласный *т* обычно соответствуетъ тому же звуку другихъ эскимосскихъ языковъ: *в.* тана (мальчикъ), *у.* *н.* тарнарак = *Ws.* tan (человѣкъ), *тенпиак* (мальчикъ), *тапцѣак* (юноша); *у.* аттака, *н.* аттѣ (отецъ) = *atata*; *у.* таслѣкка, *н.* тахлѣка (рука) = *taleq*; *в.* тамяка, *у.* тамлѣка, *н.* тамлѣу (подбородокъ) = *tavdloq* *LWn*; *в.* тѣкѣкка, *у.* тѣнака, *н.* тѣкѣк (указательный палецъ) = *tkeq*; *у.* тунтѣ арнак (важенка дикая) = *tugto*; *в.* *у.* тапсика, *н.* тапсѣ (поясъ) = *tavsik*; *н.* тѣтак (палочка въ подбородкѣ) = *tutâq*, *Wn.* *toetuk*, *tutû*; *у.* тарѣ, *н.* тарѣк (разсолъ) = *tagajok* и друг.

Въ словѣ *н.* читѣак (бѣлуха) *т* соответствуетъ западно-эскимосскому *д* и *т*: *Wn.* *tseedoak* (т. е. чидуак) и *seetuuk* (т. е. ситуук). Діалектическое исчезновеніе *т* передъ *л* имѣемъ въ словѣ *в.* ѣтла, *у.* улѣка, *н.* улѣу (языкъ) ¹⁾; чередованіе *т* съ *с* передъ *л* въ словѣ: *в.* ѣкѣмѣлѣх, *у.* *н.* ѣкѣлѣук (рыба).

Существованіе звука *д* въ анадырскихъ нарѣчіяхъ представляется намъ маловѣроятнымъ. Въ нарѣчіяхъ *вутээнъ* и *нууканъ* мы не нашли ни одного примѣра съ *д*; въ нарѣчій *унымнѣ* оказалось только одно слово съ этимъ звукомъ: *ахбиндлик* — «шесть». Въ виду того, что въ томъ же словѣ другихъ анадырскихъ и вообще эскимосскихъ нарѣчій нѣтъ *д*, (срав. *в.* ѣнѣлик, *н.* ахбинѣлик = *aghwinpak*, *Ws.* *ahvinilin*) и что въ словѣ *ахбиндлик* звукъ *д* стоитъ передъ *л*, можно думать, что г. Гондатти въ данномъ случаѣ передалъ черезъ *ндл* какой то отгѣнокъ звука *н* (можетъ быть *ñ* срав. *в.* ѣнѣлик) или звука *л* (см. ниже).

Анадырскій *с* соответствуетъ тому же звуку другихъ эскимосскихъ нарѣчій: *у.* *н.* аттасѣк (одинъ) = *atauseq*; *в.* сѣтѣмы, *у.* стамат (четыре) = *sisamat*; *в.* *у.* тапсика, *н.* тапсѣ (поясъ) = *tavsik*; *у.* аксѣка (житогъ) = *Ws.* *aksiak*, *у.* *н.* нахсѣк (перпа-мандарка) = *patseq*; *в.* сѣкѣмка *у.* сѣкѣмака (грудь) = *sakiak*; *у.* наскѣк (голова) = *paskok* и друг.

Самое выдающееся явленіе въ судьбахъ звука *с* въ анадырскихъ нарѣчіяхъ представляетъ его діалектическое чередованіе съ звукомъ *ч*. Примѣры: *в.* кѣпсѣх (россомаха), *н.* кѣпчик; *в.* сѣтѣмы (четыре) и *читамат*, *у.* асѣга (тетка) и *ачѣка*; *в.* *у.* алсинѣх (мышь) и *абичнарак* (съ постановкой *ч* въ *нч*); *у.* стухлѣук изъ *н.* сѣтухлѣук (оленьи торбасы) *в.* читѣхлѣгѣ; *у.* мѣсуна (гребень) и *мѣчунан*, *в.* мѣчунана; *у.* сѣјутха (ухо),

¹⁾ См. впрочемъ далѣе въ отдѣлѣ объ *л*.

в. чигытыка, *н.* чытыхка; *у.* снак изъ синак (берегъ) *в.* чинчах. Такое чередованіе составляетъ свойство только *с'*, какъ въ приведенныхъ примѣрахъ, но въ двухъ случаяхъ и *с*: *у.* арнам сабіак (женскій ножъ) *н.* чабіа; *у.* сакара (сахаръ), *в.* чакара, *н.* чакар. Впрочемъ, твердость *с* въ послѣднемъ словѣ не убѣдительна. Названіе сахаръ перешло къ эскимосамъ отъ чукчей, которые передѣляли русское слова въ сахар (*у* Гондатти сяхаръ); поэтому либо транскрипція унымынскаго слова (сакара вм. сакара) *у* г. Гондатти не точна, либо унымынцы искусственно въ данномъ случаѣ повторяли произношеніе русскаго человѣка. Но, напримѣръ, русс. слово чай, перешедшее въ чукчамъ въ формѣ сяй, правильно сохранилось въ томъ же видѣ въ нарѣчій *н.* сай. Въ нарѣчійхъ *в.* и *у.* другое слово: *в.* кайхъ (т. е. кайех) *у.* каок. Унымынскій *с* въ соотвѣтствіи съ *с'* въ вутээнъ находимъ въ словѣ: *у.* сакымака *в.* сакымка (грудь), срав. *н.* чайнка. Если передача унымынскаго слова г. Гондатти точна, то оно, вмѣстѣ съ вышеприведеннымъ *у.* сабіак, составляетъ исключеніе, ибо во всѣхъ другихъ случаяхъ діалектическое *ч* восходитъ не къ твердому *с*, а къ мягкому *с'*. О случаяхъ перехода діалектическаго *с* въ *х* и *о* выпаденіи было упомянуто выше.

Для существованія звука *з* въ анадырскихъ нарѣчійхъ можно привести изъ матеріаловъ г. Гондатти только два или три примѣра. Такъ, чукотское названіе бѣлухи пѣракъ является въ нарѣчій *в.* почти въ томъ же видѣ: пѣрахъ, но въ нарѣчій *у.* находимъ пѣузакъ (*у* г. Гондатти: пѣузакъ) причемъ *з* (если передача г. Гондатти точна) выпелъ изъ *р*. Другой примѣръ на *з* въ томъ же нарѣчій является въ переводѣ русской фразы: «говори громче»: кабахлутын акузи, въ которой акузи значить «говори» (срав. *у* г. Гондатти унымынское слово кабахлутын, какъ переводъ русскаго слова «громко»). Въ томъ же нарѣчій въ соотвѣтствіи съ *в.* катчійтѣяхъ (нерпа пестрая) находимъ казигѣакъ, такъ что звуку *з* отвѣчаетъ въ нарѣчій *в.* звукъ *тч* (вѣроятно геминированное *ч*)¹⁾. Подобное же соотвѣтствіе встрѣтилось намъ въ названіи поселка Унымынь, которыя унымынцы называютъ Инадзэхъ, а вутээнцы Унычыхъ. Такимъ образомъ получается нѣкоторая параллель между *с* и *з*: какъ *с'* чередуется съ *ч*, такъ *з* (дз) чередуется съ *ч* (тч). Но съ другой стороны мы видѣли соотвѣтствіе *з* съ *р*. При недостаточности фактовъ, вопросъ о звукѣ *з* не можетъ быть разъясненъ. Мы должны ограничиться лишь выводомъ, что этотъ звукъ, а также и дз (если передача г. Гондатти точна) встрѣчается изъ трехъ

¹⁾ Въ словѣ *в.* итчикá (глазъ) однако *тч* чередуется съ унымынскимъ *с'*, а не *з*: *у.* иска.

анадырскихъ нарѣчій только въ унынскомъ, и то весьма рѣдко. Существованіе же его въ другихъ нарѣчіяхъ пока не засвидѣтельствовано.

О звукѣ *ч*, кромѣ вышеприведенныхъ наблюдений, можно еще сдѣлать замѣчаніе, что онъ соотвѣтствуетъ звуку *с* и *ш* другихъ эскимосскихъ діалектовъ: *с. н. у.* чабѣк (ножь) = *savik* и *šavik*; *с.* чѹнах, *у. н.* чѹнах (бусы) = *sunqaq*; *с.* ѹучик (лахтакъ) = *ugšuk* (*Phoca barbata*).

Зубной *н* соотвѣтствуетъ тому же звуку другихъ эскимосскихъ языковъ: *с.* нынѣхка, *у. н.* нынаака (зять) = *ningauk*; *с.* нахсик, *у.* нулѣхка, *н.* нулаака (жена) = *puŋiaq*; *у.* ѣрныка, ѣрнара (сынъ) = *eŋneq*; *с.* унувах, *у.* унува, *н.* унувак (вечеръ) = *unuk*, *unuaq*; *у. н.* нунна (земля) = *nuna* и друг. О соотвѣтствіи въ нѣкоторыхъ случаяхъ *н* (вѣроятно изъ *н̄*) звукамъ *ng* другихъ эскимосскихъ языковъ (напр., *пинѣжут* — «три» = *pingajoq*) упомянуто выше. Любопытное явленіе представляютъ случаи отпаденія начальнаго *н* въ нарѣчій вутѣэнъ: срав. *у.* нѣхѣпак (рыболовная сѣть) *с.* иѣхпых; *у.* нѣпѣук (дождь) *с.* ѣпѣих; *у.* нѣйбак (озеро) *с.* ѣйбых (гдѣ звуку *н* = *j*), *у.* нѣсок, *н.* наѣхкока (голова) *с.* аѣках; *у.* нѣѣака (волось) *с.* ѣѣех (въ транск. г. Гондатти ѣѣхъ). Такое же отпаденіе въ одномъ случаѣ замѣтили мы въ нарѣчій унынъ: *н.* нѣнлѹ (землянки, въ которыхъ прежде жили) *н.* ѣнлѹ. Чѣмъ вызвано отпаденіе *н* въ перечисленныхъ случаяхъ затрудняемся сказать, такъ какъ передъ тѣми же гласными *н* въ другихъ случаяхъ сохраняется равно во всѣхъ анадырскихъ нарѣчіяхъ: срав. *с.* напѣхак (старая кость кита) в. напѣкак, *н.* напѣхты; *с.* Нуука (имя поселка), *у.* нѣбѣкак, *н.* нубѣкак; *с.* нѣнах (кость), *у.* нахкуак, *н.* нынрѣт (множ. ч.) и друг. Впрочемъ, если начальный *н* въ транскрипціи г. Гондатти употребленъ по русской графикѣ вмѣсто *н* (какъ въ нашихъ словахъ: ихъ, ихній), то и въ вутѣэнскихъ словахъ иѣхпых, ѣпѣих слѣдуетъ видѣть не отпаденіе *н* а переходъ его въ *j*, какъ въ словахъ: ѣйбых и ѣѣех.

Переходимъ къ губнымъ согласнымъ: *п*, *б*, (*в*) *м*.

Звукъ *п* соотвѣтствуетъ звуку *п* другихъ эскимосскихъ нарѣчій: *с.* пинѣѣух, *у. н.* пинѣжут (три) = *pingajoq* (три), *pingajuat* (третій); *с.* у. паника (дочь), *н.* паниа = *panik*; *с.* аппѣака, *у.* аппѣака, *н.* аппѣ (дѣдъ) = *Wn. arang* (отецъ). Но не менѣе обычно соотвѣтствіе анадырскаго *п* звуку *w*, *v* американскихъ нарѣчій; сравн.: *с.* кѣпсѣх, *у.* кѣпсѣк, *н.* кѣпчик (россомаха) = *Ws kawšak*; *с.* у. тѣпсѣка, *н.* тѣпсѣ (поясъ) = *tavsiċ*.

Звукъ *б*, насколько можно заключать изъ одиночныхъ примѣровъ, соотвѣтствуетъ звукамъ *б* и *в* другихъ діалектовъ: *с.* кѣби, *н.* кѣвѣѣк (дресва) = *Ws. kubuehuk* (firewood); *с.* ѣбѣх, *у.* бѣк, *н.* ѣбѣк (трава) =

inik; *у.* ахбиндик, *н.* ахбиндлик (шесть) = aghwinnak; *н.* каблут (брови) = C. kabloot. Родство другихъ словъ, имѣющихъ *н* или *б* нами не установлено, такъ что мы должны ограничиться приведенными примѣрами. Чередованіе *н* и *б* отмѣчено нами въ словахъ: *в.* *у.* апсинѣхъ (мышь) *н.* абичнарак; *у.* *в.* ублава (мука) *н.* эллавак. Звукъ ф, повидимому, отсутствуетъ въ консонантизмѣ всѣхъ трехъ анадырскихъ нарѣчій и, судя по одному примѣру, американско-эскимосскому *f* отвѣчаетъ въ анадырскихъ нарѣчіяхъ *б*: Срав. агтег (китъ) *в.* ахбых, *у.* ахбок. Только въ нарѣчій уныны въ одномъ и притомъ культурномъ словѣ, вѣроятно заимствованномъ, мы нашли въ записи г. Гондатти букву ф: чуфлуак (ружье). Въ другихъ нарѣчіяхъ названіе ружья взято съ чукотскаго.

Относительно буквы *в*, встрѣчающейся вообще рѣдко въ словахъ, записанныхъ г. Гондатти, можетъ возникнуть сомнѣніе, скрывается-ли подъ ней спирантъ *в* или полугласный \ddot{y} (англ. w) или и тотъ, и другой звукъ въ разныхъ словахъ. Разсмотримъ всѣ слова съ буквой *в*. Между ними, во 1-хъ, намѣчаются во всѣхъ трехъ діалектахъ слова несомнѣнно заимствованныя съ чукотскаго; таковы: *у.* элтувока (внучь), *в.* элтыка, *н.* элторака, чукот. элтлувокай; *в.* вуалкалѣргыка (борода), чукот. вуалкалѣргыт; *в.* эчвѣгяхъ (важонка дикая), чукот. эчвѣгяхъ (тоже слово въ нарѣчій *н.*); *в.* тэлэвѣна (пила), *у.* тлэвуэнѣк, чукот. тнѣлвынѣа; *в.* рѣлгѣква (кольцо), чукот. рѣлгѣквун; *в.* *у.* *н.* вуилѣнкакун (благодарю), чукот. вуилѣнкакун; *н.* каятвук (вельботъ), чукот. хаятвует¹⁾. Сюда же слѣдуетъ отнести названіе «табака»: *в.* тавѣака, *у.* тавака, *н.* тавѣакэн, вѣроятно полученное отъ американцевъ вмѣстѣ съ этимъ продуктомъ (англ. tabacco). Во 2-ю группу входятъ слова, повидимому, эскимосскія: *у.* кѣйвук (рѣка) *н.* кѣик = kük LCMWns, *у.* эрнувуарынка (палець), *у.* акѣвѣак (кожаные торбасы) *в.* акѣвка; *у.* тэвѣмѣа нѣкот (борьба); *у.* камѣак (савка); *у.* аттунак увѣк (лахтачій ремень); *в.* вутлѣхтахъ (нитка); *в.* унѣвахъ (вечеръ), *у.* унѣва, *н.* унѣвак (но срав. безъ *в.*: *н.* унѣаку = «завтра»); *н.* интлѣвак (вчера); *н.* вутѣт (зубы), но въ *у.* хутынкѣ, въ *в.* кыта = Wa. chutit, uutinka; *н.* антлѣвок (большой), срав. другую форму суффикса — *г*ок въ словѣ *н.* ситлѣгѣок (толстый), *н.* тавѣатына (довольно). Приведенные примѣры, которыми исчерпываются слова съ *в* въ глоссаріи г. Гондатти, не рѣшаютъ поставленнаго выше вопроса. Мы видимъ, что *в* всюду предшествуетъ либо гласному (причемъ отличіе между *в* и *w* не всегда можно уловить

¹⁾ Можетъ быть, иноземнымъ слѣдуетъ считать и названіе «муки», въ виду привоза этого продукта: *в.* *у.* ублава, *н.* эллавак.

неопытному слуху), либо согласному *j*. — Въ названіи поселка в. Нуука (сравн. *н.* Нубукак, *у.* Нубокак) вѣроятно б перешло въ *ū* или в *i* за-тѣмъ выпало, если только транскрипція *г.* Гондатти точна и имя не зву-читъ какъ Nūwuka (Нүүука).

Звукъ *m* въ анадырскихъ нарѣчіяхъ соотвѣтствуетъ не только *m* другихъ эскимосскихъ нарѣчій, какъ видно изъ выше приведенныхъ словъ, но и звуку *v* (спиранту *σ*): срав.: *σ.* тамлика (подбородокъ), *у.* тамлѣка, *н.* тамлѣ = tavdløq LWN; *σ.* кумлѣка, *у.* кумлѣка, *н.* кумлѣ (большой палецъ) = kuvdløq LCMW. Изрѣдка діалектически *m* чередуется съ *n*: *у.* мымырѣк (мальчигъ-подростокъ), *σ.* нукалпычрах, *н.* нувалпѣарак; *σ.* тумсиа *у.* тунуѣка (затылокъ); *σ.* ѹмка, *у.* унахѣнка, *н.* унѣт (усы); *σ.* алэмажакка, *у.* аланкока [м. б. аланкока] (безымянный палецъ); *σ.* сакѣмка, *у.* сакѣмака, *н.* чайнка [м. б. чайнка] (грудь). Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что *m* предпочитаетъ нарѣчіе Вутэань.

Переходимъ къ согласнымъ плавнымъ *r* *ř* и *l*.

Плавный *r* соотвѣтствуетъ тому же звуку другихъ эскимосскихъ нарѣчій: *у.* эрнѣка, *н.* эрнарá (сынъ) = erneq; *у.* *н.* эрѣхка (нога) = Wn. erukha, Ws. erukha; *н.* анѣарун (весло) = anguar (rok); *у.* таѣ-жрутыт [plur.] (браслетъ) = Wn. tajaanere (?); *у.* *н.* опынрэк (весна) = urenãq; *у.* тарѣб, *н.* тарѣбк (разсоль) = tarajoq.

Другой *ř*, произносимый, по словамъ *г.* Гондатти, «съ придыха-ніемъ», вѣроятно, близокъ къ картавому *r*, акустически напоминаю-щему звукъ *γ* (*ř*). Какъ и первый *r*, онъ соотвѣтствуетъ въ другихъ эскимосскихъ языкахъ звуку, выражаемому буквой *г*, хотя въ произно-шеніи обоихъ *r* и въ другихъ нарѣчіяхъ, вѣроятно, существуетъ различіе. Такъ, звукъ анадырскаго *ř* передается разными собирателями эскимос-скихъ словъ какъ *ř*, *gh*, *ch*, *x*, *ρ*, *g*. *Г.* Ринкъ (стр. 42), замѣчая, что *ř* произносится какъ глубоко-небный нѣмецкій *ch*, прибавляетъ не-ожиданно, что для его выраженія можетъ служить *r* [*ř* like a deeply palatal german *ch*; a simple *r* may also suffice]. Примѣры *ř* = *г*: *у.* *н.* арѣак (женщина) = arnaq; *у.* уѣѣрѣхка, *н.* уѣѣрѣ (братъ младшій) = LCM ujoquk, Ws. ojoaga; *σ.* ѣрыка (нога) = Wn. erukha. Въ записяхъ *г.* Гон-датти мы отмѣтили нѣсколько случаевъ діалекческаго чередованія *r* и *ř*, которые, если нѣтъ неточности или описокъ, указываютъ на близость обоихъ звуковъ. Срав.: *σ.* ѣрыка (нога), *у.* *н.* эрѣхка; *у.* сакѣрака (шуринъ), *σ.* сакѣр-чека, *н.* сакѣрака; *у.* карѣлан (перпа крылатая), *н.* кайрѣлэк; *н.* тангѣлрѣа (черный) *у.* тангѣлрѣ. — Въ словѣ *у.* *σ.* тарнрѣак (мальчикъ) = Ws. ten-пиhak, Wa. tapnojak — мы имѣемъ случай ассимиляціи *ř* передъ *n* и *m*. б. соотвѣтствія второго *ř* звукамъ *h* и *j*. Чередованіе *r* съ *j* (или несло-

говымъ і ?) можетъ быть наблюдается въ словахъ: *с.* кўрнах (олень) *у.* койнѣк; *с.* кўрах (рѣка) *у.* кѣйвук; *с.* корѣлхій *у.* койлѣик (оленный чукча). Близостью *р* къ *х* и *г* вѣроятно объясняются чередованія: *у.* уѣирак (камень) *н.* уѣихак (изъ уѣирак?) = *u*ja^hak (точноѣ *u*ja^hak?) LMCWns; *у.* кохлѣгях (штаны) = *q*ardlik (м. б. *q*ardlik?); *н.* итѣлок (луна) = *Wa.* iralliuk; *н.* итѣлекатѣк (звѣзда) = *Wa.* iralikatoch, eradlekatak.

Звукъ *l* въ анадырскихъ діалектахъ выражается г. Гондатти передъ согласнымъ постоянно черезъ *л* и въ видѣ *л* является въ его записи только передъ: *я*, *ю*, *е*, *ѳ*, *и*, изъ чего мы заключаемъ что въ нашихъ эскимосскихъ нарѣчїяхъ слышится обще-европейскій *l* средній между обоими русскими, открытымъ и закрытымъ. Только въ одномъ словѣ у г. Гондатти мы находимъ *л* передъ *ы*; *с.* канлѣра (волкъ) и въ виду того, что въ соответствующемъ словѣ *Ws.* kanagat* (wolf, Ринкъ стр. 118) нѣтъ *l* мы склонны видѣть въ передачѣ вутѣэнскаго слова г. Гондатти нѣкоторую неточность. Анадырскій *л* (этимъ знакомъ мы выражаемъ обще-европейскій *l*, такъ какъ устранили въ нашей транскрипциі такъ наз. іотированные гласные *я*, *ю*) соответствуетъ, съ одной стороны, *l* другихъ эскимосскихъ нарѣчїй: *н.* нуліака (жена) = *pu*liaq; *у.* таслѣхка, *н.* тахлѣка (рука) = *ta*leq; *н.* каблѣт (брови) = *C.* kabloot; *у.* атхлѣка, *н.* аткѣлннн (средній палець) = *Wn.* akolinek; *с.* йлхуа (лисица) = *Ws.* uliguik; *н.* улѣхак (песецъ) = *uk*leq (заяць). Но съ другой стороны, онъ соответствуетъ какому то особенному *l*, существующему въ гренландскомъ и нѣкоторыхъ другихъ эскимосскихъ нарѣчїяхъ и выражаемому г. Ринкомъ буквами *dl*. По его словамъ (стр. 41), *dl* произносится какъ англ. *tl* въ словѣ «softly»: «это только болѣе обостренный *l* послѣ согласнаго» [is merely an *l* sharpened after a consonant). Такое описаніе акустическаго свойства звука безъ наблюденія его артикуляціи слишкомъ недостаточно, и мы не можемъ себѣ составить о немъ надлежащаго понятія: можетъ быть, подобный *l* имѣемъ въ кавказскихъ языкахъ въ звукѣ нѣсколько напоминающемъ *tl* и представляющемъ цѣльный звукъ, а не группу. Какъ бы ни произносился гренландскій *dl* можно констатировать фактъ, что въ анадырскихъ нарѣчїяхъ ему соответствуетъ *л*; срав.: *с.* тамлика (подбородокъ), *у.* тамлѣка, *н.* тамлѣ = *ta*vdloq; *с.* кумлика, *у.* кумлѣка, *н.* кумлѣ (большой палець) = *ku*vdloq; *н.* махлѣк, *н.* маклѣк (лахтакъ) = *ma*gdliaq*; *с.* лу (домъ) = *ig*dlo; *у.* кохлѣгях (штаны) = *q*ardlik; *у.* *н.* кахлѣк (громъ) = *ka*gdleq; *у.* *н.* талѣмат (пятъ) = *ta*dlimat. Можетъ быть, особый *л* подобный гренландскому скрывается въ транскрипциі г. Гон-

датти подь буквами *тл* въ словахъ: *в.* утлинчикá (щека) = uluaq; *в.* útía (языкъ), срав. *у.* улúка, *н.* улú, Ws. ulu, ulju; *в.* ёкатлих (рыба) = eqaluk.

Переходимъ къ звуку *j*, отсутствующему въ транскрипци г. Гондатти. Анадырскій *j* соотвѣтствуетъ тому же звуку другихъ эскимосскихъ нарѣчій: *в.* жүх (человѣкъ), *у. н.* жүк = Wn. juk; *у.* ујұрахка (братъ младшій) *н.* ујұрý = LCM. цюгук; *у.* ујакók (шея), *н.* ујаконка, *в.* ујёкака = M. цјак; *у.* нұјака, *н.* нұјат (волосы) = пијаq; *у.* ујирак, *н.* ујихак (камень) = цјагаk; *у. н.* пинајут (три) = ringajog, ringajuat. Предположеніе возможнаго чередованія *j* съ *н* сдѣлано нами выше. Въ н у к а н с к и х ъ словахъ: укјуак (осень) и укјумé (зима) звукъ *j*, повидимому, отвѣчаетъ *с* въ нарѣчій у н ы н ъ: уксáк (осень), уксúк (зима); сравн. также *в.* íпјих (дождь) съ *у.* нэпсúк. Подтвердить это чередованіе можно аналогіей лабрадорскаго діалекта, въ которомъ, по словамъ Ринка (стр. 44) «*j* соотвѣтствуетъ не только гренландскому *j*, но и звуку *ss* (т. е. *ш*) нѣсколько смягченному».

Ограничивая этимъ свои наблюденія надъ отдѣльными звуками трехъ разсматриваемыхъ эскимосскихъ нарѣчій, скажемъ нѣсколько словъ объ исходахъ и началахъ словъ, насколько они уясняются матеріалами г. Гондатти. Относительно гренландскаго языка г. Ринкъ замѣчаетъ, что въ немъ не допускается группа согласныхъ ни въ началѣ, ни въ исходѣ слова. Относительно исхода этотъ законъ вполнѣ прилагается къ словамъ всѣхъ трехъ анадырскихъ нарѣчій: на группу согласныхъ въ исходѣ мы не нашли ни одного примѣра. Что касается начала словъ, то здѣсь мы встрѣтили исключенія, но въ самомъ ничтожномъ числѣ. Считаемъ не лишнимъ разсмотрѣть всѣ случаи: начальная группа *тл* встрѣтилась въ вутээнскомъ названіи «землянокъ, въ которыхъ прежде жили», «тлúбухъ»; если въ этомъ словѣ слогъ *лу* = слову *в.* лу (домъ), то въ *т* можно видѣть какую нибудь приставку, нарушившую законъ; начальная группа *нр* встрѣчается только въ заимствованныхъ названіяхъ табакерки: *в.* проткобсха, *у.* прúтку, *н.* прбткук, срав. чукот. проткобсхин, чѣмъ и объясняется нарушеніе закона; въ начальныхъ *мм* *у.* ммык (вода, море), срав. *н.* иммак, находимъ собственно не группу изъ двухъ разныхъ согласныхъ, но геминацію *м*, вызванную, повидимому, отпаденіемъ *и*; группа *ми* въ словѣ мна (я) во фразѣ: мна тамрénéкси = «я ѣмъ» вѣроятно объясняется выпаденіемъ гласнаго между *м* и *н*: срав. мн. ч. мыкыта = «мы»; такое же выпаденіе гласнаго можно предположить въ словахъ *в.*

трукусак, *у.* *трекусак* (звѣрь), если сопоставить ихъ съ *н.* *тарѣк*, и вѣроятно въ вутѣэскомъ странномъ начальномъ трифтонгѣ (!) слово «трѣхыхъ» (песецъ), если оно передано точно. Наконецъ для объясненія послѣдняго исключенія, отмѣченнаго нами, начального *нр* въ *у.* *нрѣана* (ѣмь), гдѣ имѣемъ, какъ будто, второй случай начального трифтонга, мы не имѣемъ никакихъ данныхъ: можетъ быть и здѣсь вопросъ разъяснился бы болѣе точной передачей. Впрочемъ, нельзя оставить безъ вниманія того обстоятельства, что, въ обоихъ случаяхъ, начальныхъ трифтонговъ за первыми согласными слѣдуетъ плавный *р* (можетъ быть слоговой ?)¹⁾.

Далѣе, въ *пренландскомъ*, по словамъ Ринна, слово не можетъ начинаться согласными *l*, *г*, *g*, *v*, *гng* или *ng* (*н*), всѣ же прочіе согласные и всѣ гласные допускаются въ началѣ слова. Изъ этого закона въ нашихъ нарѣчіяхъ мы находимъ исключенія, но въ ничтожномъ числѣ, именно, есть нѣсколько словъ, начинающихся согласными *л*, *р* и *в*. Рассмотримъ эти случаи. Звукомъ *л* начинаются: *в.* *лу* (домъ), но форма этого слова въ другихъ нарѣчіяхъ *igdlu* показываетъ, что оно раньше начиналось гласнымъ *i*; на отпаденіе гласнаго въ *в.* словахъ: *ланá* (онъ), *лакá* (они), повидимому, указываютъ формы этихъ мѣстоименій въ нарѣчіяхъ *у.* и *н.*: *элтна*, *элснйт*; можетъ быть, отпаденіемъ слога объясняется начальный *л* въ *в.* *лѣх-тыбалах* (толстый), если это слово родственно съ *у.* *слѣх-ылѣрэ* и *н.* *ситлуг-ѣк*. Этими словами, и притомъ принадлежащими только нарѣчію *вутѣэнъ*, ограничиваются случаи начального *л*. Начальный *р* имѣемъ въ нѣкоторыхъ словахъ, заимствованныхъ съ чукотскаго, каковы: *в. н.* *раулэна* (бѣлка), *у.* *раулэн*, срав. чукот. *раулэн*; *н.* *рѣсэтвуалá* (ножь мужской), ср. чукот. *рѣсэтвуал*; *у.* *рѣпа*, *н.* *рѣпэ* (молотокъ), чук. *репѣна*; *в.* *рѣлѣкѣва* (кольцо); чукот. *рѣлѣкѣвун*; *н.* *Рамáгыла* (сидячій чукча), чукот. *Рамáлган*; *у.* *Русиманѣй*, *н.* *Русигмит* (Русскій). Можетъ быть, заимствованное и слово *у.* *ратамирак* (ситцевая куклянка). Наконецъ послѣднее извѣстное намъ слово съ начальнымъ *р* названіе «передовой собаки въ нарѣчѣ» *ралилѣгáвы* въ нарѣчій *нууканъ*. Въ виду того, что слова на *р* почти всѣ заимствованныя, можно думать, что такое начало было прежде чуждо *анадырскимъ* нарѣчіямъ, какъ и *американскимъ эскимосскимъ*. Для начального *в* имѣемъ только три случая: *в.* *вуáлкалѣрѣгѣка* (борода), срав. чукот. *вуáлкалѣхѣрѣгѣт*, *в.* *вутлáхтах* (нитка) и *в.* *вулѣгнáлѣга* (шкура (пыжика голаго), срав. чукот. *вулѣгнáлѣгын*, всѣ три только въ нарѣчій

¹⁾ Въ *у.* *слѣхылѣрэ* (толстый) начальная группа объясняется позднимъ выпаденіемъ гласнаго послѣ *с*; срав. *н.* *ситлугѣк*.

вутээнъ и въ заимствованныхъ словахъ. Итакъ обще-эскимосскій законъ начала словъ былъ обязательнъ и для анадырскихъ нарѣчій. Что касается исхода словъ, то, кромѣ гласныхъ, въ немъ допускаются, по словамъ Ринка, только глухіе согласные *q*, *k*, *p* и *t* (стр. 43). Въ подавляющемъ большинствѣ словъ находимъ тоже и въ анадырскихъ нарѣчіяхъ, но существуютъ и исключенія: такъ, мы выше видѣли, что въ нарѣчій *с*. нерѣдко является конечный *x*, вмѣсто *k*. другихъ нарѣчій, которымъ также въ отдѣльныхъ случаяхъ не чуждъ исходъ на *x*: напр. *у*. лахліахъ (гусь-назарка), *н*. ла́клак [нѣтъ ли тутъ описки или ослышки у г. Гондатти?]; *у*. акб́тахъ (весло рулевое) *с*. аќтахъ [въ *у*. мы ожидали бы акотак]; *у*. и́ѳѳаккотахъ (весло носовое), *у*. ан́ѳѳуахъ (вельботъ); *у*. ан-син́ахъ (мышь), *с*. ансин́ахъ [въ *у*. ожидали бы ансинак]. Эти примѣры уныиискаго конечнаго *x* представляются намъ сомнительными. Въ нарѣчій *н*. имѣемъ конечный *x* только въ заимствованномъ съ чукотскаго слова э́вѳѳѳахъ (важенка дикая) = чук. э́вѳѳѳахъ. Затѣмъ встрѣчается, хотя не часто, исходъ на носовые *м* и *н*. Исходъ на *п* встрѣтился намъ только въ *н*. й́лпр (островъ), заимствованномъ съ чукотскаго «иларъ»; исходъ на *г* въ *н*. ја́кѳрагъ (аутка), гдѣ можно подозрѣвать описку изъ *г*. Такимъ образомъ и законъ исхода словъ, если не вполнѣ, то большей частью выдержанъ въ анадырскихъ эскимосскихъ нарѣчіяхъ.

Мы уже сказали выше, что для заключеній о мормологіи матеріалы г. Гондатти почти не даютъ данныхъ. Отмѣтимъ то немного, чѣмъ можно воспользоваться. Признакомъ множ. ч., по Ринку (стр. 50) служить согласный *t*. Тотъ же суффиксъ, для точнаго опредѣленія котораго у насъ нѣтъ данныхъ, является повидимому въ анадырскихъ нарѣчіяхъ: напр., *н*. каб́лутъ (брови) = *С*. kabloot (brows); *н*. вутѳ́тъ (зубы), *с*. кы́та = *Wa*. chutit; *н*. нын́ратъ (кости) = *Ws*. nunokut, nenoeet (bones); *у*. кума́гытъ (оводъ оленій) ср. *н*. кума́къ (един. ч. ?); *н*. ун́ытъ (усы), *у*. Ан́ѳѳѳагытъ (американецъ) ср. *с*. Ан́ѳѳѳагытъ (един. ч. ?) и друг.

Личныя мѣстоименія 1-го лица значительно расходятся въ трехъ нарѣчіяхъ: *с*. миа (я), *у*. хуана́, *н*. у́й (м. б. у́йи ?); изъ этихъ формъ вторую (*у*. хуана) не трудно сблизить съ гренланд. uvanga. Во множ. числѣ въ этихъ формахъ является, повидимому, суфф. *t* съ какими то добавленіями: *с*. мыкы́та (мы), *у*. хуанку́та, *н*. уанку́та. Мѣст. 2-го лица почти тождественно во всѣхъ анадырскихъ діалектахъ, *с*. э́лпѳъ (ты), *у*. э́лпѳъ, *н*. э́лпѳъ (въ гренландск. ivdlit); множ. образуется суффиксомъ—*си*: *с*. у. *н*. э́лписѳъ (вы). Для 3-го лица служить указат. мѣ-

стоименіе: *с.* ланá (онъ), *у. н.* элтна́; причемъ во множ. въ нарѣчіяхъ *у. и н.* находимъ обычный суф. т: *у. н.* элснѣт (они), въ нарѣчіи же *с.* какой то другой суффиксъ: *с.* лакé (они).

Что касается спряженія, то въ таблицѣ г. Ринка (стр. 54) для 1-го лица ед. ч. изъявительнаго наклоненія показанъ исходъ — *шга*, которому, можетъ быть, соотвѣтствуетъ — ана (изъ *на*) въ нарѣчіи *у.*: *хуанá нрлáна* (я ѣмъ); исходъ этого лица въ обоихъ другихъ нарѣчіяхъ не представляетъ ничего сходнаго. Исходу — *ugut* для 1-го л. мн. ч. соотвѣтствуетъ въ нарѣчіи *у.* — *укат*, въ *н.* — *укут*. Гренландскому исходу 2-го л. ед. ч. изъяв накл. — *utit*, можетъ быть, отвѣчаетъ въ *с.* — *ыты* (или — *тыты*?). Исходъ того же лица во мн. ч. въ трехъ нарѣчіяхъ почти тождественъ: *с.* *у.* — *ыси*, *н.* — *иси*: въ гренл. — *use*. Исходу 3 л. ед. ч. — *оq* соотвѣтствуютъ: *с.* — *ых*, *у.* — *ук*, *н.* — *ок*; исходу множ. ч. 3 л. гренланд. — *ut* отвѣчаютъ: *у.* — *ут*, *н.* — *ут*; въ нарѣчіи *с.* совершенно другой исходъ.

Вообще изъ немногихъ морфологическихъ данныхъ можно сдѣлать заключеніе, что нарѣчіе вутээнъ значительно расходится съ обоими другими, которыя довольно близки между собою.

Переходимъ къ вопросу о взаимномъ отношеніи анадырскихъ эскимосскихъ нарѣчій.

Просматривая списокъ словъ г. Гондатти, мы немедленно убѣждаемся, что въ словарномъ отношеніи нарѣчія *у. и н.* ближе между собою, чѣмъ оба они съ нарѣчіемъ *в.* Около 40 словъ въ обоихъ нарѣчіяхъ тождественны ¹⁾; а въ значительномъ числѣ случаевъ различіе между ними только въ удареніи. Изъ послѣднихъ отмѣтимъ: *у.* са́кка *н.* са́кыка́ (тесть), *у.* кахка́ка, *н.* кахкака́ (макушка), *у.* нано́к, *н.* на́нок (бѣлый медвѣдь), *у.* а́хбок, *н.* ахбо́к (китъ), *у.* ла́хлáх, *н.* ла́кляк (гусь-назарка), *у.* а́нják, *н.* а́нják (байдара), *у.* хо́хкак, *н.* хохка́к (свинецъ), *у.* ча́бик, *н.* ча́бик (ножь), *у.* чу́нак, *н.* чуна́к (бусы), *у.* сико́к, *н.* сико́к (игла), *у.* кэ́йпак, *н.* кэ́йпак (нитка), *у.* ты́как, *н.* тыка́к (наперстокъ), *у.* аме́к, *н.* аме́к (шкура стараго оленя), *у.* ано́ка

¹⁾ Сравни. въ таблицахъ г. Гондатти слова: человекъ, женщина, мужъ, дѣвочка, мальчикъ, племянникъ, зять, молоко, нога, носъ, олень, быкъ дикій, важенька, собака, нерпа-мандарка, рыба, горбуша, морская капуста, дрова, лахтачья кожа, громъ, калъ, огонь, корень, ночь, жупанъ, весна, Ратманова остр., Лаврентія остр., хорошо, ты, онъ, вы, они, одинъ, два, три, пять.

н. анокó (вѣтеръ), *у* нунна́, *н.* нунна́ (земля) и друг. Въ большинствѣ случаевъ, какъ будто, *н.* предпочитаетъ удареніе на конечномъ слогѣ. Затѣмъ въ значительномъ числѣ случаевъ (до 30) однозначачія слова нарѣчій *у.* и *н.* родственны между собою по корню и по звуковому составу ближе между собой, чѣмъ со словами нарѣчія *в.* Но при этихъ чертахъ спеціального родства нельзя не напомнить и нѣкоторыхъ фонетическихъ отличій обоихъ нарѣчій. Ограничимся лишь наиболѣе выдающимися, отмѣченными нами выше: а) случаи, гдѣ унынскому *с* соответствуетъ въ нарѣчій *н.* звукъ *х*, иногда исчезающій: срав. *у.* таслиха *н.* тахлика; *у.* каслика *н.* калик; б) случаи, гдѣ унынскому *и* соответствуетъ въ нуукамск *э*: *у.* умілик (начальникъ), *н.* умэлэк; *у.* кик *н.* кэк (лѣто); *у.* илүлика, *н.* илүлэк (куклянка нижняя); *у.* унахсѣв, *н.* унахсэк (наносный лѣсъ); в) случаи, гдѣ въ *у.* является *с* въ соответствіи съ нууканскимъ *ч*: *у.* асáга *н.* ачикá (тетка), *у.* сакíмака *н.* чайнка (грудь), *у.* сѣмна *н.* чѣмнак (быкъ домашній), *у.* колмýси *н.* хулүмчи (котель), *у.* стáмат, *н.* чытáмат (четыре) и друг. Въ словообразованіи отмѣтимъ, что въ нѣсколькихъ случаяхъ въ нарѣчій *у.* находимъ суффиксъ-ка, отсутствующій въ *н.*: *у.* аппáка *н.* апí (дѣдъ), *и.* аттакá *н.* аттí (отець), *у.* улүка, *н.* улү (языкъ), *у.* тамлүка *н.* тамлү (подбородокъ), *у.* туска *н.* туже (плечо), *у.* кумлүка *н.* кумлү (большой палець) и друг.

Что касается нарѣчія Вутээнъ, то въ лексическомъ отношеніи оно, повидимому, ближе къ нарѣчію Унынъ, чѣмъ къ нарѣчію Нууканъ. Мы нашли большее сходство нарѣчія *в.* съ *у.* въ слишкомъ 30 словахъ ¹⁾, между тѣмъ, какъ съ нарѣчіемъ *н.* оно сближается только въ 5—6 словахъ, изъ которыхъ нѣкоторыя равно заимствованы съ чукотскаго. На нѣкоторыя спеціальныя фонетическія особенности вутээнскаго нарѣчія (напр. *х* вмѣсто *к*) было указано выше. Во всякомъ случаѣ *в.*, *у* и *н.* не могутъ считаться только говорами одного нарѣчія. Это—говоры, уже настолько разошедшіеся въ фонетическомъ, морфологическомъ и лексическомъ отношеніи, что къ нимъ можетъ быть примѣненъ терминъ нарѣчій или діалектовъ одного языка. Если мы примемъ во вниманіе, что число словъ, записанныхъ г. Гондатти (кромѣ числительныхъ)

¹⁾ Срав. въ таблицахъ г. Гондатти слова: старикъ, ребенокъ, дѣдушка, бабушка, мать, дочь, грудь, груди женскія, брови, щена, звѣрь, дикій баранъ, мышь, птица, весло носовое, пароходъ, пологъ, аутка, моржовая кожа, штаны оленьи, кожаные торбасы, оленьи торбасы, мука, спички, чай, вода, волна, мысъ, островъ, озеро, нѣтъ, американецъ.

не превышает 360, что слова эти наиболее употребительны бытовые и что во множествѣ случаевъ корневого родства слова трехъ нарѣчій значительно различаются въ суффиксахъ, что, наконецъ, есть немало однозначныхъ словъ неродственныхъ другъ другу во всѣхъ трехъ нарѣчьяхъ, то убѣдимся въ правдивости утвержденія г. Гондатти, что вутээнцы не понимаютъ нарѣчія унынцевъ, а послѣдніе нууканцевъ.

Въ заключеніи скажемъ нѣсколько словъ о замѣтномъ вліяніи чукотскаго языка на анадырскія эскимосскія нарѣчія. Вліяніе это объясняется численнымъ преобладаніемъ чукчей надъ эскимосами въ Анадырскомъ округѣ и, повидимому, бѣльшей культурностью первыхъ. Мы привели выше показанія г. Гондатти, что для взаимныхъ сношеній анадырскіе эскимосы разныхъ поселковъ пользуются чукотскимъ языкомъ. Немудрено, что при такихъ условіяхъ могли войти въ оборотъ эскимосовъ чукотскія слова и даже цѣлыя фразы изъ повседневныхъ сношеній. Такъ, на примѣръ, во всѣ эскимосскія нарѣчія вошли чукотскія общія обращенія: «прощай», «благодарю»: ч. «тагѣм» и «вуилинѣкаун». Общихъ всѣмъ тремъ нарѣчіямъ чукотскихъ словъ, по нашему счету, оказывается 16. Интересно, что, кромѣ названій нѣкоторыхъ культурныхъ предметовъ, каковы: молотокъ, остолъ, гребень, трубка, табакерка, сахаръ, табакъ, и нѣкоторыхъ названій животныхъ (олень — быкъ домашній, бѣлна, куница, рѣчной бобръ), эскимосы заимствовали у чукчей даже нѣкоторыя названія родства, каковы: внукъ (ч. элтлувокай, в. элтыка, у. элтүвока, н. элторака), свояки (ч. такалѣгин, в. такалѣгын, н. такалѣгика). Бѣльшее число чукотскихъ заимствованныхъ словъ находимъ въ нарѣчій вутээнцевъ (по нашему счету 37) наименьшее число въ нарѣчій унынцевъ (21). Число чукотскихъ словъ въ трехъ эскимосскихъ нарѣчьяхъ доходитъ до 60.

Резюмируя выводы по главнымъ вопросамъ, рассмотрѣннымъ нами въ изслѣдованіи, можемъ выставить слѣдующія положенія:

1. Эскимосскія нарѣчія Анадырскаго округа представляютъ специальное родство съ эскимосскими нарѣчіями западной Америки (Аляски).
2. Говоры Вутээнъ, Унынъ и Нууканъ настолько различаются

другъ отъ друга въ фонетическомъ, морфологическомъ и лексическомъ отношеніи, что могутъ быть названы нарѣчіями.

3. Изъ этихъ нарѣчій Уныинское и Нууканское болѣе близки между собой, чѣмъ каждое изъ нихъ съ нарѣчіемъ Вутээнскимъ.
4. Въ лексическомъ отношеніи на всѣ три нарѣчія (особенно на нарѣчіе в.) оказалъ значительное вліяніе чукотскій языкъ.

Всес. Миллеръ.

Гунгербургъ.

25 іюня 1897 года.

Отчетъ члена-сотрудника С. Рыбакова о поѣздѣ къ киргизамъ лѣтомъ 1896 по порученію Императорскаго Географическаго Общества.

Часть 1-я: Общія наблюденія надъ современнымъ бытомъ киргизъ.

По порученію Императорскаго Географическаго общества, я весною 1896 года отправился въ киргизскую степь съ цѣлью собранія памятниковъ поэтическаго и музыкальнаго творчества киргизъ. Въ началѣ мая я пріѣхалъ въ Оренбургъ. Я былъ на рубежѣ Европы и Азіи, и самая фізіономія города говорила, что здѣсь встрѣчаются два міра.

I. Предварительныя впечатлѣнія.

Прежде, чѣмъ пріѣхать въ Оренбургъ, мнѣ пришлось побывать на сѣверѣ Россіи — въ г. Вологдѣ. Изъ этого края путешественникъ выноситъ цѣльное впечатлѣніе: коренная, старинная Русь царитъ всюду, ничѣмъ не нарушаемая; постройки однообразныя, деревянныя, какъ издавна по всей Руси; среди нихъ церкви и церкви разнообразной, нерѣдко красивой архитектуры, — ничего другого, никакихъ постороннихъ чужихъ впечатлѣній... Деревянная и святая Русь господствуетъ здѣсь безраздѣльно.

Иной рядъ впечатлѣній сообщаетъ путешественнику г. Оренбургъ. Отъ желѣзнодорожнаго вокзала шоссированная дорога проводитъ въ улицы города, и путникъ встрѣчаетъ здѣсь новые каменные дома, сады направо и налево, широкія улицы, усаженные аллеями. Впечатлѣніе новаго города, по своему происхожденію относящагося къ недалекой эпохѣ, — путникъ получаетъ тотчасъ же: одни казенныя огромныя зданія, напр., пятиэтажныя кадетскіе корпуса, предназначенныя для военныхъ воспитанниковъ всей средней Азіи, говорятъ о современной почти эпохѣ.

О господствующей христіанской націи свидѣлствуютъ церкви,

но не столь уже многочисленныя и не такія древнія, какъ напр., въ Вологдѣ, почему съ ними не связано почти никакихъ преданій.

Но что сообщаетъ особенную характерность городу, вносить совершенно новый, оригинальный тонъ въ сумму впечатлѣній отъ него, — это стройно высящіяся башни или минареты мечетей съ гордо поднятой луной.

Когда дорога отъ вокзала, проходя мимо расположенныхъ направо и налево тѣнистыхъ садовъ — Караванъ-Сарая, душистаго парка, губернаторскаго сада, приближается къ новому красивому православному собору, взоръ невольно приковывается неожиданнымъ зрѣлищемъ: налево отъ дороги гордо и изящно возвышается надъ садами тонкая бѣлоснѣжная колонна минарета Каравансарайской мечети, — лучшей въ городѣ, и однимъ своеобразнымъ видомъ своимъ открываетъ передъ свѣжими чувствами цѣлый новый міръ, міръ мусульманской Азіи, которая отсюда начинается, — міръ полный особаго содержанія, настроенія, грезъ и поэзіи. Этотъ изящный, своею луною теряющійся въ небесахъ минареть, какъ бы исполненъ меланхолической мечты или думы, въ которой сквозить скорбь о настоящемъ и надежда на будущее.

Черезъ нѣсколько сажень далѣе передъ взорами раскрывается покойный, величавый, превосходной архитектуры, православный соборъ, — представитель другого міра, съ которымъ столь непримиримъ и отъ котораго такъ сильно отличенъ міръ мусульманства.

Населеніе города не менѣе смѣшанно; здѣсь встрѣчаются и русскіе и татары и башкиры и киргизы и мордва и пр.

Здѣсь, на Оренбургской площади, путникъ воочію видитъ встрѣчу двухъ міровъ — міра Европы, христіанства и міра азіатскаго ислама, — и это совпадаетъ и съ географическимъ сосѣдствомъ Европы и Азіи: городъ лежитъ на правой сторонѣ р. Урала, а тотчасъ за рѣкой, на лѣвой сторонѣ, географически уже начинается Азія.

Запасшись необходимыми справками въ Оренбургѣ въ Тургайскомъ Областномъ Правленіи, я въ сопровожденіи переводчика-ученика Оренбургской киргизской учительской школы (Юсунова) въ 20-хъ числахъ мая выѣхалъ въ Тургайскую и Уральскую Области къ киргизамъ.

Киргизскій народъ занимаетъ громадную территорію Азіатскаго материка приблизительно между 55° и 40° сѣв. широты и 20° и 56° восточной долготы, которая составляетъ такъ называемую Арало-каспійскую впадину, извѣстную у Персовъ подъ названіемъ Турана.

Границами этой территоріи можно принять: на сѣверѣ — часть Алтайскихъ горъ, рѣку Иртышъ приблизительно до Омска, отсюда

линію до р. Тобола (при Звѣриноголовской ставицѣ Оренб. губ.), на западѣ — Тоболь, рѣки Уй и Уралъ въ Оренб. губ. почти до Оренбурга (до Нѣжинскаго поселка въ 18 в. отъ Оренбурга), отсюда граница переходитъ р. Уралъ и идетъ по рѣчкамъ Бердянкѣ, Курали, Илеку до устья послѣдняго и затѣмъ опять по р. Уралу до Каспійскаго моря; на югѣ съ киргизами граничатъ Аральское море, земли Турмень, Хивинцевъ, Бухара, Коканъ, на востокъ — Китайскія владѣнія. На югѣ и юго-востокѣ Киргизскія земли обрамляютъ слѣдующіе горные хребты: Алтайскія горы, хребты Нарымскій, Таргоботайскій, горы Ала-Тау, хребты Тянь-Шань, Кашгаръ-Даванъ и къ сѣверу отъ р. Сыръ-Дарьи — хребты Каратау и Александровскій.

Вся Киргизская территорія въ административномъ отношеніи входитъ въ составъ слѣдующихъ областей: Уральской, Тургайской, Сыръ-Дарьинской, Ферганской, Семирѣчинской, Акмолинской и Семипалатинской.

Тургайская и Уральская области въ частности занимаютъ площади — первая въ 400,830 кв. верстъ, съ населеніемъ въ 386,300 душъ; вторая въ 460,000 кв. верстъ, съ населеніемъ до 500,000 душъ. Тургайская область почти исключительно населена киргизами-кочевниками, осѣдлыхъ русскихъ числится только 29,502 души. Въ Уральской области кромѣ киргизъ живутъ русскіе крестьяне и казаки.

Киргизы называютъ себя: «казакъ» и это очень странно слышать русскому человѣку, привыкнушему думать, что названіе казаки существуетъ только у русскихъ, тогда какъ цѣлое огромное племя съ поконъ вѣка называетъ себя этимъ именемъ и мы, русскіе, неправильно называемъ ихъ киргизы, взявъ это имя отъ одного племени, составляющаго лишь часть киргизскаго народа, живущаго близъ Алтайскихъ горъ у Китайской границы и называемаго Кара-Киргизы или Буруты.

Мой путь среди киргизъ имѣлъ слѣдующее направленіе: изъ Оренбурга я выѣхалъ на Илецкую Защиту, знаменитую соляными копами, отправился на юго-востокъ въ гор. Актюбинскъ Тургайской области; проживъ, нѣсколько дней въ этомъ послѣднемъ, я направился на югъ въ г. Темиръ, Уральской области, извѣстный обширной ярмаркой для киргизъ. Изъ Темира я поѣхалъ на востокъ къ Мугоджарскимъ горамъ, считающимся продолженіемъ Уральского хребта въ Азіатскихъ степяхъ. Начиная отъ Темира я уже простился съ дорогами и ѣхалъ прямо степью, пролагая свой путь; приблизительно верстъ 150 пришлось ѣхать до Мугоджарскихъ горъ, путешествовать въ нихъ въ разныхъ направленіяхъ, и затѣмъ продолжать путь изъ Мугоджаръ па сѣверо-востокъ все тѣмъ же полемъ безъ дорогъ по направленію къ селенію Карабутахъ, лежащему

на почтовомъ трактѣ къ Ташкенту. Такъ какъ въ этихъ мѣстахъ обыкновенно никто не проѣзжаетъ, то въ направленіи пути пришлось быть въ зависимости отъ киргизъ, которые изъ своихъ соображеній удлиняли путь и вмѣсто 80—100 верстъ отъ Мугоджаръ къ Карабутаку провезли меня верстъ 150.

Изъ Карабутака я ѣздилъ въ разныхъ направленіяхъ по киргизскимъ кочевкамъ на рѣкѣ Иргизѣ и соленыхъ озерахъ.

По возвращеніи въ Карабутакъ направился по тракту къ Актюбинску и останавливался въ разныхъ аулахъ въ сторонѣ отъ дороги.

Провелъ вторично нѣсколько дней въ этомъ городѣ, затѣмъ на обратномъ пути къ Илецкой Зацитѣ останавливался какъ вдоль тракта, такъ и въ сторонѣ. Между прочимъ, въ окрестностяхъ Илецкой Защиты знакомился съ бытомъ киргизъ, находящихся уже подъ сильнымъ русскимъ вліяніемъ, что выражается въ хорошемъ знаніи русскаго языка, появленіи въ домашнемъ обиходѣ вещей русскаго издѣлія, напр., вилокъ, тарелокъ, знаніи русскихъ пѣсенъ и мелодій, употребленіи некиргизскихъ музыкальныхъ инструментовъ: гитары, скрипки, гармоніи и т. п.

Въ Оренбургъ возвратился отъ села Григорьевки русскими хуторами и нѣмецкими колоніями.

II. Русская власть въ степи.

Когда я весною выѣзжалъ изъ Оренбурга въ киргизскія степи, я думалъ, что въ ихъ необъятномъ просторѣ затеряется вскорѣ вліяніе русской власти и я останусь внѣ ея покровительства, а знойное степное солнце испечетъ меня.

Но я ошибался.

На всемъ пространствѣ степей, даже въ самыхъ глухихъ закоулкахъ, не переставало ощущаться присутствіе власти, крѣпкой, сильной и правильной административной организаціи; области раздѣлены на уѣзды, а уѣзды на волости; высшіе представители власти въ степи — уѣздные начальники — генераль-губернаторы въ миниатюрѣ и облечены большими полномочіями: они и уѣздные исправники и головы, и завѣдуютъ хозяйственною частью и имѣютъ право ареста до 7 дней.

Уѣздный начальникъ для киргизъ — власть, съ которой шутить нельзя и къ которой они относятся съ почтеніемъ; въ волостяхъ существуютъ должности волостного управителя и при немъ волостного писаря, въ аулахъ — аульные старшины; должности волостного управителя (бо-

лысь, *какъ произносятъ киргизы) и аульныхъ старшинъ занимаютъ киргизы по выборамъ; волостными писарями бывають обыкновенно русскіе, при чемъ въ Тургайской области въ волостяхъ ближе къ центру управленія—Оренбургъ и вообще въ тѣхъ, въ которыхъ русское населеніе значительно, — волостные писаря нанимаются самыми волостными управителями; въ далекихъ же горныхъ волостяхъ въ Иргизскомъ и Тургайскомъ уѣздахъ волостные писаря назначаются и получаютъ жалованіе отъ казны и имѣютъ полномочія и даже нѣкоторое политическое значеніе: въ этихъ, совершенно лишенныхъ русскаго населенія волостяхъ съ дикимъ, незнающимъ удержу населеніемъ, волостные писаря представляютъ единственную русскую власть; безъ нихъ русское вліяніе совершенно замерло бы въ такихъ далекихъ и дикихъ мѣстахъ степи. Но, конечно, въ такихъ глухихъ мѣстахъ не безъ того, что писаря злоупотребляютъ своимъ вліяніемъ и эксплуатируютъ населеніе.

Съ водвореніемъ русской власти послѣдовало умиротвореніе киргизской степи, въ которой волненіе не прекращались въ теченіе болѣе чѣмъ столѣтія со времени принятія киргизами русскаго подданства.

Въ 1732 г. киргизы такъ называемой Малой Орды, по почину ихъ хана Абуль-Хаира, а вслѣдъ за ними въ 1740 г. киргизы Средней Орды приняли русское подданство. Это принятіе было въ сущности дѣломъ расчета Абуль-Хаира: такимъ путемъ онъ надѣялся упрочить ханское достоинство въ своемъ родѣ на вѣчное время; и дѣйствительно, русскіе въ теченіе цѣлаго столѣтія выбирали хановъ изъ рода Абуль-Хаира, поступая въ этомъ случаѣ вопреки народнымъ обычаямъ. Ханы и ихъ органы—султаны были очень непопулярны среди народа за поборы и злоупотребленіе властью.

Особенно усиливалось неудовольствіе въ народѣ на правителей съ тѣхъ поръ, какъ въ 1824 году ханское достоинство среди Оренбургскихъ киргизъ было уничтожено; степь была раздѣлена на три части; управленіе каждой частью было ввѣрено особому старшему султану, иначе султану-правителю. Султанамъ дана неограниченная власть и право наказывать подвѣдомственныхъ имъ киргизовъ за грабежи на линіи, для чего каждому изъ нихъ былъ приданъ отрядъ въ 200 казаковъ. Этотъ отрядъ далъ возможность султанамъ только преслѣдовать своихъ личныхъ враговъ, нисколько не обезпечивая нашихъ границъ и не водворяя спокойствія въ степи (Л. Костенко. Средняя Азія. Спб. 1870, стр. 111).

Султаны на глазахъ народа становились все болѣе непопулярными и не имѣли никакого авторитета, возбуждая лишь смуты своимъ корыстолюбіемъ и честолюбіемъ; противоположность между султанами и на-

родомъ сказалась и въ томъ, что все населеніе дѣлилось у нихъ на два разряда: на бѣлую кость, къ которой принадлежали ханы и султаны, и черную кость—простой народъ. Лишь немногіе выдающіеся и радѣвшіе о народныхъ интересахъ султаны благодарно вспоминались народной памятью; одинъ за другимъ возникали бунты и появлялись мятежники, напр., въ 1837 г. султанъ Каипъ, къ которому вскорѣ присоединились два батыра: Исетай и Джуламанъ со своими шайками, въ 1838 г. и далѣе въ 40-хъ годахъ султанъ Касымъ и особенно сынъ его Кенесары.

Неспокойствіе въ степи продолжалось до времени введенія въ дѣйствіе «Временнаго положенія объ управленіи въ областяхъ Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семиналатинской» 1866 г., когда управленіе степью перешло непосредственно въ русскія руки, и ненавистное для народа правленіе султановъ было отмѣнено.

Съ 70-хъ годовъ въ степи водворилось полное спокойствіе, послѣ того, какъ киргизы увидѣли, что русскіе внесли лучшее управленіе, порядокъ, прекратили взаимныя распри ихъ изъ-за честолюбія правителей, положили конецъ поборамъ властей и обезпечили для каждого спокойное существованіе,—словомъ, проявили тѣ качества, благодаря которымъ они въ связи со своею военною силою пользуются такимъ престижемъ во всей средней Азіи.

Поэтому-то къ каждому русскому въ степи киргизы чувствуютъ особое почтеніе какъ представителю высшаго, лучшаго порядка вещей, а если проѣзжающій заручится предписаніемъ отъ уѣзднаго начальника, то можетъ рассчитывать прямо на почетный и широкій пріемъ; предписаніе или открытый листъ отъ губернатора менѣе дѣйствительны: я имѣлъ открытые листы и отъ Императорскаго Географическаго Общества изъ Петербурга и отъ Тургайскаго губернатора, но они не производили такого дѣйствія, какъ предписанія уѣздныхъ начальниковъ, близкой и осязательной для киргизъ власти.

Такимъ образомъ крѣпкая русская власть уже водворилась среди кочевниковъ.

III. Характеръ степи лѣтомъ 1896 года.

Отправляясь въ степь, я съ нѣкоторою опасливостью относился къ лѣтнему степному солпцу, наслышавшись и начитавшись о его знойности.

Но исключительное лѣто 1896 года, изобильное дождями спасало

меня отъ знойности южнаго солнца, а богатый травяной покровъ, вопреки обыкновенію все почти лѣто державшійся на поляхъ, сообщалъ степи оживленіе и избавлялъ путешественника отъ тѣхъ унылыхъ и тяжелыхъ впечатлѣній, какія выносятся изъ степи въ сухія, знойныя лѣта, когда всякая травяная растительность выгораетъ, земля чернѣетъ, и остается лишь высокій жесткій ковыль, а раскаленное солнце немилосердно палить, и негдѣ скрыться отъ него и нечѣмъ умѣрить его огненное дыханіе.

Благодаря многоснѣжной зимѣ и обильнымъ дождямъ на рѣкахъ было большое половодье, и во второй еще половинѣ мая я переправлялся на паромѣ черезъ рѣку Илекъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно переѣзжаютъ бродомъ. Изъ Оренбурга я выѣхалъ въ почтовомъ экипажѣ и сдѣлалъ ошибку, какъ послѣ увидѣлъ, что не запасся собственнымъ экипажемъ. Пока ѣхалъ я по почтовымъ трактамъ (до гор. Актюбинска, Тургайской обл. и гор. Темира Уральской обл.), на которыхъ установлены станціи съ 3-мя парами лошадей, однимъ тарантасомъ и одной телѣгой, я еще кое-какъ могъ получать экипажъ, да и то не всегда: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ передъ моимъ приѣздомъ проходила почта и увозила тарантасъ, такъ что или приходилось ѣхать въ телѣгѣ или дожидаться возвращенія экипажа. Но когда отъ города Темира я взялъ направленіе на востокъ къ Мугуджарскимъ горамъ и приходилось ѣхать прямо полемъ, гдѣ не предстояло встрѣтить никакихъ станцій, мнѣ посоветовали въ городѣ непременно приобрести экипажъ. Съ трудомъ розыскалъ я и купилъ послѣдній у одного Оренбургскаго татарина, приѣхавшаго въ гор. Темиръ на ярмарку, запасся и своею упряжью и не сожалѣлъ: въ южныхъ волостяхъ Тургайской и Уральской областей киргизы до сихъ поръ не усвоили никакого способа передвиженія, какъ только верхомъ, и ни экипажей, ни упряжи, ни обѣзжанныхъ лошадей тамъ и въ поминѣ нѣтъ.

Въ первое время, когда я ѣхалъ отъ Оренбурга въ открытыхъ почтовыхъ экипажахъ, я чувствовалъ удручающее вліяніе степного солнца: лицо сильно краснѣло, кожа трескалась, чувствовалось общее ослабленіе организма и тяжесть въ головѣ; безъ покрытія головы и лица чѣмъ нибудь бѣлымъ нельзя было и думать ѣхать: солнце начинало къ полудню прямо жечь.

Но когда я продолжалъ путешествіе въ собственномъ крытомъ экипажѣ, тогда условія путешествія перемѣнились: бѣлый парусинный верхъ своеобразнаго татарскаго экипажа и въ самый полдень обезпечивалъ тѣнь и укрывалъ отъ солнца, не лишая благъ вѣтерка; впро-

чемъ и самое солнце истекшаго лѣта 1896 года не было такъ жгуче, какъ обыкновенно, и перепадавшіе дожди смѣняли полдненную духоту живительной прохладой, при чемъ какъ-то случалось такъ, что дожди чаще всего бывали по сторонамъ нашего пути, и намъ представлялись случаи любоваться живописными картинами степного неба во время дождя: большія дождевыя облака то направо, то налѣво, то впереди ходятъ по простору степного неба, во всей своей цѣлости раскрытаго для взора, и оживаютъ и точно разукрашиваются при блистаніи молній и раскатахъ грома. А дождь полосами такъ и леть по сторонамъ.

IV. Станціи — кибитки.

Что прежде всего бросается въ глаза ѣдущему изъ Оренбурга, когда онъ оставляетъ предѣлы Оренбургской губерніи около Илецкой Защиты и вступаетъ въ настоящія земли киргизъ, — это своеобразныя станціи на трактахъ — тѣ же киргизскія кибитки, отличающіяся лишь тѣмъ, что внутри ихъ ставятся стулъ и столъ для проѣзжающихъ. Кромѣ станціонной кибитки и развѣ еще навѣса для лошадей и экипажей на такихъ станціяхъ ничего нѣтъ, и онѣ одиноко стоятъ въ степи. Тракты и станціи учреждены стараніями, конечно, русской администраціи. Дороги въ степи прекрасныя, ровныя, конечно, не оттого, что ихъ устраиваютъ, а оттого, что поверхность ровная и грунтъ твердый.

Проѣздъ въ киргизскихъ областяхъ дешевый — $1\frac{1}{2}$ коп. съ версты и лошади, что особенно замѣтно по сравненію съ сосѣдней Оренбургской губерніи, гдѣ берутъ по 4 коп. съ версты. Это на томъ основаніи, что въ киргизскихъ степяхъ прокормъ лошадей дешевый, тогда какъ въ сосѣднихъ русскихъ губерніяхъ кормъ, напр., овесъ дорогой; но говорятъ, что это не соответствуетъ дѣйствительности, и въ Оренбургской губерніи могли бы возить дешевле.

Илецкая Защита (въ 60 в. отъ Оренбурга) — послѣдняя русская станція; слѣдующая станція по тракту въ гор. Актюбинскъ въ 21 верстѣ — Кызыль-Жаръ (Красный Яръ) уже киргизская и представляетъ одну, двѣ кибитки въ степи. Такимъ образомъ станціи первыя знакомятъ путешественника съ обычнымъ жилищемъ киргиза — кибиткой, которую они называютъ *үй* (домъ) и которая не разъ была описана другими путешественниками. Скажу только, что кибитка, тоже, что у башкиръ кошъ, представляетъ легкую куполообразную (уык-куполъ) по-

стройку изъ деревянныхъ рѣшетокъ (керегѣ), покрытыхъ войлокомъ или кошмами (туырлык), съ одною дверью (есык) изъ войлока и наверху съ отверстіемъ (шанграк-кругъ наверху); противъ двери находятся сундуки (сандык) съ имуществомъ, а около нихъ почетныя мѣста для гостей на разосланныхъ коврахъ (клем); по сторонамъ отъ входа — всякаго рода утварь, между прочимъ, принадлежности для приготовления кумыса, а также кровати; послѣднія распространены почти повсемѣстно въ степи. Между тѣмъ А. Левшинъ, напечатанный въ 1832 г. «Описаніе киргизъ—казачьихъ орды и степей» въ трехъ частяхъ, описывая кибитку, о кроватяхъ не упоминаетъ, а говоритъ только: «На полу (разумѣется земляномъ), устланномъ коврами, или войлоками, стоять большія чаши, котлы, деревянныя изголовья, на которыя кладутъ подушки, и особаго рода ящики (съ разными украшеніями), въ коихъ держатъ мѣшки, наполненные кумысомъ». (Часть 3-я, стр. 21).

Такимъ образомъ до 30-хъ годовъ кроватей у киргизъ не было, а существовали только изголовья, слѣдовательно, распространение кроватей у киргизъ надо отнести ко времени послѣ 30-хъ годовъ, несомнѣнно, подъ вліяніемъ русскихъ. Также къ нововведеніямъ послѣдняго времени относится появленіе даже швейныхъ машинъ въ киргизскихъ кибиткахъ, но правда, только въ волостяхъ, недалекихъ отъ Оренбурга и другихъ русскихъ городовъ.

Киргизская кибитка — это подобіе той же степи и небеснаго купола, высящагося надъ ней; такое сравненіе само собою напрашивается и особенно рѣзко бросилось оно мнѣ въ глаза, когда я при первыхъ знакомствахъ съ киргизской жизнью вышелъ однажды ночью изъ кибитки наружу и взглянулъ на блиставшее звѣздами небо и ровную какъ поле кибитки темную степь, надъ которой возвышался такой величавый куполь, какъ небесный сводъ; кибитка — подобіе вселенной, какъ она раскрывается въ степи, и можетъ быть кочевники создали ее, подражая мірозданію, которое постоянно было передъ ихъ глазами.

Подобіе увеличивается, когда въ старой кибиткѣ дырявая крыша ея блещетъ звѣздами, и когда дождь идетъ и внутри самой кибитки, какъ это пришлось мнѣ испытать на одной станціи ночью.

V. Киргизскія орды и роды.

Мое путешествіе имѣло мѣсто въ земляхъ такъ наз. бывшихъ Малой и Средней киргизскихъ орды. Дѣло въ томъ, что киргизы раздѣлялись до водворенія русскихъ порядковъ на три орды: Большую,

Среднюю и Малую; первая занимала восточное положение и граничила съ Китаемъ, Коканомъ, Ташкентомъ и Бухарою; Средняя орда размѣщала свои кочевья отъ Аральскаго моря на сѣверъ къ рѣкамъ Ишиму и Тоболу; Малая орда занимала земли между Мугоджарскими горами, Каспійскимъ моремъ, рѣкою Ураломъ и Оренбургомъ. Будучи ближе, чѣмъ другія орды, къ русскимъ, она больше всего имѣла сношенія съ послѣдними и подвергалась ихъ вліянію, особенно въ новѣйшее время.

Орды киргизскія раздѣлялись на роды, и родовое начало у киргизъ очень сильно до настоящаго времени: хотя русское правительство старается ослабить его, но и теперь еще случаются большія волненія, ссоры между родами; даже изъ-за частныхъ ссоръ цѣлыя роды считаютъ своею обязанностью вступить за своего обиженнаго или замѣшаннаго въ ссорѣ сочлена и устраиваютъ иногда цѣлыя сраженія, при чемъ бываетъ много убитыхъ.

Киргизъ — вольный сынъ степей и до сихъ поръ не знаетъ еще удержа своимъ порывамъ особенно въ волостяхъ, далекихъ отъ русской власти. Киргизъ во всемъ обязанъ степи, ея живетъ и движется, поэтому не знаетъ и не хочетъ знать другой зависимости.

VI. Скотоводство.

Главный источникъ существованія для него — скотоводство, которое существуетъ впрочемъ почти безъ всякихъ заботъ со стороны киргиза; скотъ самъ множится, самъ питаетъ себя не только лѣтомъ, но и зимою, самъ оберегаетъ себя, на сколько можетъ, отъ лютой вьюги, все даетъ киргизу и ничего не требуетъ отъ него.

Въ стадахъ все богатство киргиза, поэтому весь строй его жизни приуроченъ къ условіямъ существованія скота; между прочимъ послѣдній долженъ пастись, переходить съ мѣста на мѣсто, отъ этого-то киргизъ создалъ себѣ такое легкое удобопереносимое жилище, какъ кибитка.

Для поддержанія благосостоянія необходимо, чтобы киргизъ могъ пользоваться приплодомъ, какъ процентами съ основнаго капитала, если же онъ начнетъ расходовать самую стада, основной капиталъ, онъ быстро будетъ бѣднѣть, скотъ скоро исчезнетъ, и киргизу останется идти въ вѣчную кабалу къ какому нибудь богачу.

Такъ какъ киргизъ не заботится о скотѣ, то у послѣдняго является много враговъ, которые могли бы быть менѣе страшны, если бы че-

ловѣкъ прилагалъ какое нибудь стараніе объ источникѣ своего существованія.

Однимъ изъ самыхъ страшныхъ враговъ скотоводства среди киргизъ являются суровыя зимы и мятели или бураны.

Такъ какъ климатъ въ киргизскихъ степяхъ континентальный, то при нестерпимомъ зноѣ лѣтомъ, особенно въ горныхъ частяхъ, зимы бывають нерѣдко суровы, многоснѣжны и буранны.

Всѣ пастбища покрываются твердымъ глубокимъ снѣгомъ, который плотно придавливаетъ къ землѣ обледѣлыя травы и такимъ образомъ лишаетъ скотъ возможности «тебеневать». Въ поясненіе этого слова надо сказать, что скотъ самъ добываетъ себѣ пищу зимою, выбивая копытомъ изъ-подъ снѣга траву. Пастба скота на снѣжныхъ поляхъ и называется тебеневкой.

Напрасно лошади, разгребая снѣгъ, стучать копытами, — ледяной покровъ не поддается, ... говоритъ г. Полферовъ въ книгѣ «Земледѣліе въ Тургайской области». Потери скота въ это время достигаютъ иногда ужасающихъ размѣровъ. Такъ по отчету Тургайскаго военнаго Губернатора, въ зиму 1870—1880 гг. въ тургайскихъ степяхъ отъ гололедицы, бурановъ и глубокихъ снѣговъ погибло 1.528,679 головъ разнаго скота изъ общаго количества 3,652,737, т. е. почти 50%.

Лишь въ послѣднее время стараніями Тургайскаго областного правленія въ области стали производиться обязательныя заготовки сѣна, и положеніе скотоводства теперь болѣе обезпечено; вмѣстѣ съ тѣмъ для скота начали дѣлать изгороди и прикрытія отъ бурановъ. Надо сказать, что до настоящаго столѣтія киргизы даже для себя не устраивали зимовокъ и землянокъ, въ которыхъ они живутъ теперь зимою, а круглый годъ кочевали все въ тѣхъ же легкихъ и доступныхъ для бурановъ кибиткахъ, и зимою лишь прикрывали ихъ двойнымъ рядомъ войлока и засыпали снѣгомъ; но случалось, что порывы бурана сносили кибитку съ мѣста, и все населеніе ея съ малыми ребятами оставалось въ открытой степи на произволъ жестокаго вѣтра.

Кибитка вообще не выносить сильнаго вѣтра, и мнѣ лѣтомъ приходилось видѣть тревогу киргизъ, когда надвигались огромныя грозовыя тучи и налетали предвѣстники бури: киргизы въ торопяхъ бѣгали вокругъ кибитокъ и прикрѣпляли ихъ веревками къ запаснымъ коламъ вокругъ.

Стада для киргизъ такимъ образомъ въ смыслѣ заботъ обходятся почти ни во что, и въ степи говорятъ, что одинаково стоитъ содержать одну лошадь или цѣлый табунъ, т. е. ничего не стоитъ, пока

раздольная степь одинаково въ состояніи обезпечить и одну лошадь и цѣлыя табуны.

Киргизы содержатъ и разводятъ слѣдующихъ животныхъ: лошадей, крупный рогатый скотъ, верблюдовъ, овецъ и козъ. Лошадь и верблюдъ оказываютъ наиболѣе услугъ киргизу, они доставляютъ ему главныя перевозочныя средства; лошади неважной породы, но выносливы. Порода не улучшается оттого, что киргизы слишкомъ рано, на 3-мъ году, начинаютъ ими пользоваться, ѣздить верхомъ, возить тяжести.

Лошадь по уму ставится обыкновенно выше, чѣмъ верблюдъ, послѣднее животное считается глупымъ увальнемъ. Но если лошадь умнѣе, то верблюдъ безспорно способнѣе: въ тѣхъ случаяхъ, когда лошадь выбьется изъ силъ, отказывается служить, верблюдъ преспокойно продолжаетъ работу или везетъ на себѣ и въ телѣгѣ огромныя тяжести какъ ни въ чемъ не бывало, и такъ послушно, спокойно идетъ себѣ по степи часто безводной, гордо и высоко неся свою голову и поглядывая по сторонамъ взоромъ, исполненнымъ нѣкоторой трагичности. Собственно особенной глупости верблюдъ не обнаруживаетъ, и только то, что онъ вообще порядочный увалень, хотя въ экстренныхъ случаяхъ можетъ бѣжать и очень быстро, и что онъ такъ всецѣло преданъ себя къ услугамъ человѣка и такъ послушно исполняетъ всѣ его требованія, что онъ менѣе опрятенъ и благообразенъ, чѣмъ лошадь, — эти обстоятельства, вѣроятно и составили ему репутацію болѣе глупаго животного сравнительно съ лошадыю. Между тѣмъ верблюдъ въ степи незамѣнимый спутникъ человѣка.

О скотоводствѣ въ Тургайской области составлена цѣлая обстоятельная книга г. А. И. Добромысловымъ и издана въ Оренбургѣ Тургайскимъ Статистическимъ Комитетомъ въ 1895 г.

Такъ киргизъ главныя средства существованія получаетъ отъ скота, но нисколько не трудясь для этого, а все получая даромъ, живетъ жизнью праздною.

VII. Земледѣліе.

Другой источникъ существованія у киргизъ — это земледѣліе, но имъ занимается лишь нѣкоторая часть киргизскаго племени преимущественно въ сѣверныхъ волостяхъ Тургайской и другихъ областей, тамъ, гдѣ оказывается плодородная земля.

Въ Приаральскихъ и Прикаспійскихъ пескахъ едва ли когда будутъ

заниматься киргизы земледѣлемъ, и кочевой образъ жизни надолго останется для нихъ единственно подходящимъ образомъ жизни. Но вообще говоря, киргизы, какъ это ни будетъ неожиданно, можетъ быть, для многихъ, не смотря на то, что кочевники, уже давно занимаются земледѣлемъ и обнаруживаютъ къ этому занятію большія склонности.

Возникновеніе земледѣлія среди киргизъ Тургайской области имѣетъ двоякій источникъ: земледѣліе появилось, во-первыхъ, подъ вліяніемъ, русскихъ, во-вторыхъ, но собственному почину киргизъ тамъ, гдѣ о русскомъ вліяніи не могло быть и рѣчи.

Подъ русскими вліяніями, со времени водворенія въ тургайскихъ степяхъ русскихъ поселенцевъ, земледѣльческая дѣятельность между кочевниками стала замѣтно развиваться въ двухъ сѣверныхъ уѣздахъ области—Актюбинскомъ и Кустанайскомъ, гдѣ мѣстныя условія ей благопріятствовали.

Тургайская область 50-ю параллелью дѣлится на двѣ рѣзко отличающіяся одна отъ другой части—на сѣверную съ двумя уѣздами—Актюбинскимъ и Кустанайскимъ, и южную — съ уѣздами Тургайскимъ и Иргизскимъ.

Сѣверная часть области, благодаря отрогамъ Урала, носящимъ здѣсь названіе Мугоджарскихъ и Губерлинскихъ горъ, представляется возвышенной, съ большимъ числомъ рѣчекъ и озеръ, берега которыхъ покрыты тальникомъ или камышемъ. Общій видъ ея не такъ однообразенъ, какъ въ другихъ мѣстахъ средне-азиатскихъ степей: почва состоитъ преимущественно изъ глины и песку, покрытыхъ пластомъ чернозема, который ближе къ Оренбургской губ., составляющей сѣверо-западную границу области, дѣлается толще, и по мѣрѣ приближенія къ югу совсѣмъ исчезаетъ.

Съ 70-хъ годовъ текущаго столѣтія, т. е. со времени появленія русскихъ поселенцевъ, и начинается собственно развитіе въ степи земледѣльческой промышленности. Русскіе скоро разсѣялись по ауламъ и, выбирая болѣе удобныя для земледѣлія мѣста, стали производить усиленныя распашки земель, вызывая подражаніе со стороны киргизъ. И киргизы съ такимъ усердіемъ занялись новой промышленностью, что являются теперь даже болѣе значительными землепашцами по количеству засѣваемой земли, чѣмъ русскіе.

Изъ всеподданнѣйшаго отчета Тургайскаго губернатора за 1894 г. можно видѣть, что въ этомъ году собрано хлѣба на пашняхъ русскихъ 2.258,241 пудъ, а на киргизскихъ пашняхъ 6.051,363 пуда, т. е. почти въ три раза болѣе, хотя это не говоритъ еще объ обезпеченіи хлѣбомъ всего киргизскаго населенія, такъ какъ на одну русскую семью прихо-

дится пудовъ собраннаго хлѣба 383, а на кибитку киргизскую 86,1 пуда, тѣмъ не менѣе въ Кустанайскомъ, по крайней мѣрѣ, уѣздѣ самыя крупныя земледѣльцы-киргизы, и лучшею пшеницею считается киргизская. Въ интересахъ истины надо сказать, что киргизы не самостоятельно обрабатываютъ пашни, а съ помощью все тѣхъ же русскихъ поселенцевъ, которые изъ-за нужды идутъ къ нимъ часто въ работники или обрабатываютъ землю изъ-полу, при чемъ зерно обыкновенно киргизское, а трудъ—русскій. Надобно къ этому добавить, что сильно эксплуатируютъ киргизы-богачи нужду и бѣдность русскихъ поселенцевъ.

Въ южной части области земледѣліе, напротивъ, возникло самостоятельно, по почину киргизъ.

По этому поводу рассказываютъ трогательную исторію, какъ одинъ киргизъ по имени Сеить-Куль претерпѣлъ большія страданія изъ-за идеи водворить земледѣліе среди соплеменниковъ (см. статью Сейдалина 2-го въ «Запискахъ Оренбургскаго Отдѣла Императ. Географ. Общ.», 1870 г.).

Киргизъ Сеить-Куль изъ Кипчагскаго рода, жившій отъ 1770 г. по 1830 г. былъ настоящимъ пионеромъ хлѣбопашества между киргизами въ бассейнѣ рѣки Тургая. По преданію онъ отличался умомъ и предприимчивостью и съ дѣтства поражалъ своею изобрѣтательностью. Онъ не мирился съ зависимостью своего племени отъ чужеземнаго народа и задался мыслью сдѣлать свой народъ независимымъ. Когда онъ искалъ въ глубинѣ Азіи свободныхъ мѣстъ для своего народа, онъ былъ пораженъ благосостояніемъ осѣдлыхъ жителей посѣщенныхъ имъ странъ благодаря занятію главнымъ образомъ земледѣліемъ, которое онъ и рѣшилъ ввести среди своихъ соплеменниковъ. Первые опыты увѣнчались успѣхомъ. Сеить-Куль основалъ нѣчто въ родѣ земледѣльческой колоніи и бодро отстаивалъ ее отъ нападенія кочевниковъ, занимавшихся взаимнымъ грабежемъ. Число его послѣдователей увеличивалось, а чтобы положить прочное основаніе осѣлости, въ которой Сеить-Куль видѣлъ залогъ благополучія для киргизъ, онъ задумалъ устроить поселеніе въ видѣ торговаго рынка для сбыта продуктовъ земледѣлія. Но преждевременная смерть помѣшала ему исполнить этотъ планъ. Сеить-Куль былъ убитъ мятежниками во время намаза, молитвы. Онъ могъ избѣжать опасности, но не хотѣлъ нарушить молитву, считая такой поступокъ малодушнымъ. Вотъ какой замѣчательный человѣкъ, носитель культуры появлялся среди киргизъ.

Его послѣдователи мысль о поселеніи оставили, но земледѣліемъ продолжали заниматься, и оно не прекращается въ бассейнѣ р. Тургая и до настоящаго времени, хотя, по первобытности своей и ограниченности мѣстностей удобныхъ для хлѣбопашества, нуждается во многихъ улуч-

шеніяхъ. Но безспорно, оно возникло и существуетъ внѣ всякихъ русскихъ вліяній.

О земледѣліи у киргизъ упоминаетъ и Левшинъ въ соч. «Описаніе киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей. Спб. 1832. (Ч. 3-я, стр. 199), не отмѣчая при этомъ никакихъ русскихъ вліяній. Хотя онъ говоритъ, что хлѣбопашествомъ занимается весьма малая часть сего народа, но вмѣстѣ прибавляетъ, что въ Большой ордѣ земледѣльцевъ много, особенно въ той ея части, которая кочуетъ около Ташкента и Туркестана.

VIII. Къ вопросу о русскихъ вліяніяхъ въ земледѣліи киргизъ.

Тотъ же авторъ приводитъ другое свидѣтельство, что въ XVIII стол. у киргизъ было земледѣліе,—свидѣтельство, устанавливающее уже русское вліяніе. Онъ сообщаетъ, что около 1764 г. «Султанъ (впослѣдствіи ханъ) Средней киргизской орды Аблай просилъ правительство русское о присылкѣ къ нему 10 человѣкъ хлѣбопашцевъ, которые бы могли выучить земледѣлію его киргизовъ. Екатерина повелѣла сію просьбу исполнить, взявъ однакожъ отъ Аблая надежныхъ аманатовъ, которые бы могли обезпечивать свободу посланныхъ къ нему Россіянь» (Тамъ же часть 2-я, стр. 243).

Такимъ образомъ въ болѣе южныхъ мѣстностяхъ киргизскихъ степей земледѣліе развивалось подъ вліяніемъ средне-азиатскихъ народовъ: сарговъ, таджиковъ, хивинцевъ и др. и съ точки зрѣнія русскихъ имѣло самостоятельное происхожденіе, въ сѣверныхъ уѣздахъ получило толчекъ и жизненную силу подъ русскими вліяніями.

Для тѣхъ, кто склонны отрицать положительное значеніе русскихъ вліяній въ этихъ мѣстностяхъ и признавать за киргизскимъ земледѣліемъ лишь естественное-историческое, органическое развитіе, можно привести рядъ фактовъ, которые значительно ослабляютъ правдоподобность этой точки зрѣнія.

Въ сѣверныхъ уѣздахъ Тургайской области еще недавно, 25 или 30 лѣтъ тому назадъ, киргизы не знали никакихъ сельско-хозяйственныхъ работъ; но въ 70-хъ годахъ текущаго столѣтія появились первые русскіе поселенцы въ Кустанайскомъ уѣздѣ Тургайской области, и съ этимъ временемъ совпадаетъ начало земледѣлія у киргизъ; если указываютъ на то, что киргизское земледѣліе развивается преимущественно въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ нѣтъ русскихъ поселенцевъ, то это не отрицаетъ вліянія русскихъ переселенцевъ, потому что все это совершается

въ одной и той же мѣстности; нѣкоторые утверждаютъ, что русскіе переселенцы не могли оказывать положительнаго вліянія на земледѣліе киргизъ, потому что вносили только хищническіе приемы обработки земли, беспорядочно засѣвали участки земли тамъ и сямъ, не заботились объ удобреніи ихъ, истощали въ конецъ и затѣмъ бросали и такимъ образомъ дѣлали бесплодными большія площади земли; эти же приемы обработки усваивались будто бы и киргизами; но и это обстоятельство не имѣетъ убѣдительной силы по занимающему насъ вопросу: ведя хищническое хозяйство, переселенцы во всякомъ случаѣ приносили съ собой знаніе лучшихъ приемовъ и способовъ обработки земли, которые отсутствовали у киргизъ; затѣмъ хищничество въ земледѣльческомъ хозяйствѣ нельзя ставить всецѣло въ вину переселенцамъ, — оно въ значительной степени обусловливается характеромъ края, столь изобилующаго хорошими свободными землями, такъ что каждый могъ пахать, гдѣ и сколько хотѣлъ: какая надобность переселенцамъ удобрять землю, когда она и безъ того хорошо родитъ и когда всякій участокъ земли можно замѣнять другимъ, свѣжимъ? Хищническими инстинктами въ хозяйствѣ увлекаются здѣсь не только русскіе крестьяне, но и праславленные культуртрегеры-нѣмцы: мнѣ извѣстны около нѣкоторыхъ уѣздныхъ городовъ Оренбургской губ. заимки нѣмцевъ-докторовъ, которые, засѣвая 200 и болѣе десятинъ, и не думали заниматься удобреніемъ земли, а лѣтъ черезъ 4 — 5 мѣняли заимки на новыя; также нѣмцы-колонисты вблизи Оренбурга и Тургайской области, переселившіеся туда изъ Херсонской губ. и купившіе большое число десятинъ земли въ собственность, говорили мнѣ (лѣтомъ 1896 г), что не удобряютъ земли, хотя она ихъ собственная: зачѣмъ-де удобрять землю, когда она и такъ родитъ, да и нѣтъ возможности удобрять ее при большомъ числѣ засѣваемыхъ десятинъ.

Такимъ образомъ обвиненіе русскихъ поселенцевъ въ хищничествѣ при воздѣлываніи степей Тургайской области въ значительной степени ослабляется, и самое хищничество несомнѣнно исчезнетъ, когда будетъ осуществлено въ этомъ краѣ надлежащее поземельное устройство, тѣмъ болѣе, что хищническіе инстинкты не коренятся въ самой природѣ русскихъ переселенцевъ, а вызываются условіями страны.

Подъемъ киргизскаго земледѣлія объясняютъ вліяніемъ голодныхъ годовъ — такъ наз. к у я н ж и л о в ъ, повторяющихся каждыя 11 — 12 лѣтъ; по общимъ наблюденіямъ (между прочимъ, по свидѣтельству Тургайскаго военнаго губернатора въ «Обзорѣ за 1882 г.) земледѣліе стало развиваться быстрыми шагами со времени гибельныхъ для

киргизскаго скотоводства 1879 и 1880 г.; на этомъ основаніи нѣкоторые прямо признають, что только куянжилъ 1879—1880 г. вліялъ на развитіе земледѣлія у киргизъ независимо отъ русскихъ вліяній, но забываютъ при этомъ, что куянжилы были постоянно и прежде, но до появленія въ краѣ русскихъ земледѣльцевъ не содѣйствовали возникновенію и усиленію киргизскаго земледѣлія; прежде эти куянжилы не убѣждали киргизъ въ шаткости благосостоянія, основаннаго на скотоводствѣ, но именно примѣръ русскихъ поселенцевъ могъ показать обѣднѣвшимъ послѣ голоднаго года киргизамъ, что и при ничтожномъ количествѣ скота, съ двумя-тремя лошадьми или быками можно еще существовать, если обратиться къ земледѣлію; напротивъ, оставаясь съ такимъ числомъ скота при скотоводческомъ образѣ жизни, приходилось переходить въ разрядъ бѣдняковъ — байгушей или джатаковъ. Куянжилъ 1879—80 гг., мнѣ кажется, могъ явиться побужденіемъ къзанятію земледѣліемъ только въ связи съ примѣромъ земледѣльческаго образа жизни русскихъ поселенцевъ.

Русское вліяніе связывается также въ томъ обстоятельствѣ, что, какъ удостовѣряетъ Военный Губернаторъ Тургайской области (Обзоръ за 1885 г), киргизы Илецкаго (Актюбинскаго) уѣзда избытокъ хлѣба, особенно проса, доставляютъ на продажу въ Оренбургъ и приливенныя селенія». Земледѣліе у киргизъ этого сосѣдняго съ Оренбургомъ уѣзда, далеко превышая личную потребность киргизъ въ хлѣбѣ, развилось благодаря близости такого крупнаго мѣста сбыта, какъ Оренбургъ. Вообще замѣчено, что земледѣліе стоитъ на болѣе высокой у киргизъ тѣхъ волостей, которыя сосѣдять съ русскими волостями, напр., по западной границѣ Кустанайскаго уѣзда, прилегающей къ Казачьимъ землямъ Оренбургской губ.

Вліянія русскихъ поселенцевъ нельзя не признать и въ томъ, что киргизы почти повсемѣстно пахутъ уже не старыми киргизскими плугами (тисъ), а тѣми же сабанами, какими пахетъ окрестное русское населеніе, хотя при этомъ нельзя забывать, что много содѣйствовала распространенію среди киргизъ усовершенствованныхъ сельско-хозяйственныхъ орудій сама областная администрація, которая въ 1890 г. приобрѣла на остатки отъ земскаго сбора сѣнокосилку для ознакомленія киргизъ съ этого рода машинами; этотъ опытъ имѣлъ блестящій успѣхъ: уже въ началѣ 1893 г. у киргизъ Буртинской волости (близь Оренбурга) было до 30 собственныхъ сѣнокосилокъ; кромѣ того 28 сѣнокосилокъ приходилось на другія волости Кустанайскаго и Актюбинскаго уѣздовъ; въ томъ же году Областное Правленіе приобрѣло для

раздачи киргизамъ еще 43 сѣнокосилки на средства Особого Комитета.

Киргизы привыкають постепенно готовить землю къ посѣву съ осени; начали сѣять высокіе сорта хлѣба, напр., полтавскую пшеницу, тогда какъ раньше они сѣяли только просо; качество и наливъ киргизской пшеницы улучшился замѣтно со времени переселенія въ область русскихъ, которые принесли съ собою лучшіе сорта хлѣбовъ—полтавскую пшеницу, кубанку; богатые киргизы охотно покупають разнаго рода сельско-хозяйственныя машины: плуги, молотилки и т. п.

Этихъ и подобныхъ данныхъ, которые можно найти въ «Обзорахъ» Тургайской области (прилож. ко Всеподданн. отчетамъ Тург. военн. Губернатора за разные годы), — достаточно, мнѣ кажется, для того, чтобы признать, что возникновеніе и развитіе киргизскаго земледѣлія въ сѣверныхъ уѣздахъ Тургайской области происходило подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ русскихъ и въ томъ числѣ переселенцевъ, а теорію естественно-историческаго, органическаго развитія земледѣлія у киргизъ можно повидимому, безъ ущерба замѣнить теоріей вліяній—среднеазиатскихъ въ южныхъ частяхъ киргизской степи и — русскихъ въ сѣверныхъ.

IX. Перерожденіе кочеваго быта подъ вліяніемъ земледѣлія.

Развитіе земледѣлія у киргизъ явно влечетъ за собою значительныя измѣненія въ формахъ ихъ быта: по мѣрѣ усиленія земледѣльческихъ занятій сокращаются кочевые навыки и обыкновенія.

Увеличеніе площади посѣвовъ неизбѣжно стѣсняетъ свободу скотоводства и устанавливаетъ извѣстныя границы для пастбищъ. Скотъ, бывшій прежде безъ призора, поручается теперь пастухамъ.

Наличность пашни или сѣнокосныхъ угодій, находящихся большею частію около зимовочныхъ стойбищъ (кстау), волей-неволей привязываетъ киргиза къ данному мѣсту и не позволяетъ ему совершать дальнія перекочевки: въ іюль — августъ ему надо снимать посѣвъ, а если онъ откочуетъ на дальнее разстояніе, то онъ не успѣетъ вернуться къ жнитву.

Постепенно увеличивающаяся прикрѣпленность къ опредѣленному мѣсту выдвигаетъ вопросъ о землепользованіи и установленіи границъ владѣнія землею, — явленіе, относящееся уже къ области земледѣльческаго быта, которое сопровождается нерѣдко тяжбами, драками и ссо-

рами между владѣльцами и посторонними киргизами; раньше была въ обычаѣ даровая пастба скота на чужихъ земляхъ, а въ настоящее время происходятъ изъ-за этого постоянныя недоразумѣнія, особенно въ неурожайные годы, и ведутъ къ вмѣшательству администраціи (Добромысловъ. Скотоводство въ Тургайской области Оренб. 1895 г. стр. 20).

Съ развитіемъ земледѣлія кочевки теряютъ свой первоначальный характеръ, и киргизы-земледѣльцы уже не кочуютъ далѣе 40—50 верстъ отъ своихъ кстау (зимовокъ). Въ Иргизскомъ, напр., уѣздѣ сами киргизы отрешиваются отъ названія кочевниковъ и не разъ говорили мнѣ, что кочевники — это тѣ, которые прикочевываютъ въ ихъ мѣста верстъ изъ-за 500—600 изъ Сыръ-Дарьинской области, Хивы и пр., а они-де сами—осѣдлые, дальше 10—15 верстъ не уходятъ отъ своихъ зимовокъ.

Это обстоятельство вмѣстѣ съ тѣмъ имѣло вліяніе на сокращеніе численности скота у киргизъ: прежнихъ обширныхъ пастбищъ уже не могло быть при наличности пашень и невозможности откочевывать далеко отъ зимовокъ, поневолѣ приходится сокращать скотъ и вмѣстѣ въ большей степени заботиться о его пропитаніи, чѣмъ раньше, когда онъ самъ кормился на просторѣ зимнихъ полей, выкапывалъ изъ-подъ снѣгу траву, «тебеневаль»; эти заботы о пропитаніи повели къ развитію сѣнокошенія, которое появилось у киргизъ въ значительныхъ размѣрахъ недавно, — около 15—20 лѣтъ тому назадъ, и очень привилось у нихъ, какъ я выше упоминалъ объ этомъ. Чѣмъ болѣе будетъ развиваться сѣнокошеніе, тѣмъ больше будетъ возможности киргизу держать скотъ зимою около своихъ жилищъ и тѣмъ сильнѣе станетъ сокращаться значеніе тебеневокъ.

Такимъ образомъ киргизы постепенно осѣдаютъ и прикрѣпляются къ землѣ, и этотъ процессъ совершается тѣмъ рѣшительнѣе, чѣмъ болѣе занимаются земледѣліемъ киргизы.

Въ настоящее время киргизы являются и земледѣльцами, и скотоводами, но съ теченіемъ времени земледѣльческій элементъ въ ихъ бытѣ несомнѣнно получитъ перевѣсъ.

Киргизы обнаруживаютъ явную способность къ земледѣлію, и во всякомъ случаѣ гораздо большую склонность, чѣмъ, напр., башкиры, которые жили дольше и въ болѣе близкомъ сосѣдствѣ съ русскими, но до сихъ поръ почти не занимаются земледѣліемъ.

При наличности этой склонности они могутъ менѣе болѣзненно перейти въ послѣдствіи отъ кочеваго быта къ осѣдлому и цѣликомъ усвоить себѣ земледѣльческую культуру. Что киргизы могутъ быть хорошими земе-

дѣльцами, это показываетъ опытъ нашихъ миссій, при которыхъ крещенные киргизы съ успѣхомъ занимаются земледѣліемъ.

Извѣстный путешественникъ г. Носиловъ, лѣтомъ 1895 г. бывшій въ киргизской степи (въ Акмолинской области) и написавшій въ «Новомъ Времени» № 7163 статью «Киргизская сельско-хозяйственная школа изъ поѣздки на Алтай», высказываетъ мысль, что уже наступила пора, когда киргизу приходится оставлять кочевой образъ жизни и приспособляться къ осѣдлому подѣ вліяніемъ главнымъ образомъ переселенческаго движенія русскихъ на востокъ; онъ говоритъ: «Киргизъ все больше и больше съ приходомъ сюда русскихъ выбивается изъ скотоводства въ бѣдняки, все больше и больше нуждается въ осѣдлости, чтобы пропитать себя коровой, полемъ, огородомъ. Онъ массой идетъ въ работники; онъ цѣлыми зимовками живетъ около каждаго казачьяго поселка, дожидаясь работы; у него нѣтъ ни земли, ни стада, никакихъ средствъ къ жизни; онъ составляетъ жалкій опасный пролетаріатъ, рядомъ съ богатствомъ русскаго поселенца».

Г. Носиловъ слишкомъ обобщаетъ это явленіе, и для Тургайской области по крайней мѣрѣ не наступило еще изображаемой имъ поры: русскіе поселенцы заняли только сѣверныя сравнительно небольшія площади области; не киргизы находятся у нихъ въ кабалѣ, а они скорѣе, они именно живутъ около аула и ждуть отъ киргиза работы; затѣмъ въ южныя волости Тургайской и Прикаспійскіе пески Уральской области, русскій поселенецъ, вѣроятно, вовсе не пойдетъ, между тѣмъ киргизы огромными массами могутъ по прежнему спокойно кочевать въ необъятныхъ пескахъ, уже давно приспособившись жить въ нихъ.

Но вообще говоря, Тургайская и Уральская области способны къ земледѣльческой культурѣ въ большей степени, по нѣкоторымъ признакамъ, чѣмъ это думаютъ нѣкоторые изъ мѣстныхъ жителей.

Х. Торговля.

Торговля среди киргизъ пока не имѣетъ значительныхъ размѣровъ и сосредоточивается главнымъ образомъ въ рукахъ татаръ, которые въ безчисленномъ количествѣ распространяются въ степи въ качествѣ мелкихъ кочующихъ торговцевъ. Развѣзжая въ своеобразныхъ экипажахъ — они занимаются попутно и магометанской пропагандой. Татары извѣстны у киргизъ подѣ именемъ Ногай и не пользуются особеннымъ расположеніемъ за частые обманы и надувательства покупателейъ.

Торговля въ степи бываетъ трехъ родовъ: постоянная въ городахъ и осѣдлыхъ пунктахъ; временная, по преимуществу мѣновая, въ киргизскихъ аулахъ и періодическая или ярмарочная.

Мѣновая торговля въ мѣстахъ расположенія ауловъ производится отчасти бухарскими евреями и главнымъ образомъ мелкими торговцами изъ татаръ Оренбургскихъ, Уфимскихъ и Казанскихъ.

По словамъ г. военнаго губернатора Тургайской области во всеподданѣйшемъ отчетѣ за 1894 г., торгующіе со степью торговцы привозятъ въ степь различные русскіе и азіатскіе товары низкаго качества, какъ-то: халаты, азіатскія матеріи, сушеные фрукты и ягоды, дрянной чай, сахаръ, ситецъ, различныя желѣзныя и чугуныя издѣлія и другіе предметы киргизской потребности.

Основанія подобной торговли заключается въ промѣнѣ русскихъ и азіатскихъ товаровъ по дорогой цѣнѣ на обезцѣненный киргизскій товаръ — скоть, продукты скотоводства и киргизскія издѣлія съ кредитомъ на различные сроки.

Имѣя въ виду съ одной стороны простоту и довѣрчивость киргизовъ, а съ другой — алчность пристрастныхъ въ дѣлѣ наживы торговцевъ, становится понятнымъ: сколь выгодна подобная торговля для послѣднихъ и сколь убыточна и даже раззорительна она для первыхъ» (стр. 27).

Таковъ официальный отзывъ о торговцахъ татаряхъ.

Мошенническими продѣлками они отличаются на каждомъ шагу, и мнѣ не разъ приходилось видѣть, какъ трусили татары, когда я, напр., указывалъ имъ, что они вѣшаютъ товары на безмѣнахъ, употребленіе которыхъ въ степи запрещено податными инспекторами, — и какъ просили не выдавать ихъ; или встрѣтившись однажды съ такими кочующими торговцами, я захотѣлъ сфотографировать видъ на ихъ походную телѣгу — лавку и пока занимался этимъ, татары, по словамъ моего спутника, дрожали и не смѣли тронуться съ мѣста: причиной этого было то, что они приняли меня за ветеринарнаго врача, а на ихъ лавкѣ снаружи были развѣшаны сырыя кожи, что строго запрещается санитарными правилами; они вообразили, что я остановился, чтобы оштрафовать ихъ, а когда этого не оказалось, они съ нескрываемою радостью простились со мною, выражая горячія пожеланія благополучнаго пути, и поспѣшно поѣхали дальше.

Въ предѣлахъ посѣщенныхъ мною областей существуетъ нѣсколько ярмарокъ мѣстнаго значенія, но одна ярмарка, въ г. Темирѣ Уральской области, по своимъ оборотамъ, доходящимъ до одного милліона рублей, заслуживаетъ болѣе общаго вниманія.

Она ведетъ свое происхожденіе съ 1879 г. и возникла на мѣстѣ торга или базара, образовавшагося само собою, вслѣдствіе потребности киргизъ въ русскихъ товарахъ.

Ярмарка находится за чертой города и производитъ крайне оригинальное впечатлѣніе. Новый посѣтитель невольно останавливается передъ обширностью ея дворовъ и своеобразіемъ лавокъ, представляющихъ тѣ-же куполообразныя киргизскія кибитки; число лавочныхъ помѣщеній доходитъ до 325.

Ярмарка имѣетъ чисто-восточную фیزیономію, и если бы не русскій флагъ и не русскія главныя власти, почти ничто не говорило бы о русскомъ элементѣ.

Лавки-кибитки тянутся по четыремъ сторонамъ площадей, а по линіиhalbъ отъ главнаго входа пріютились харчевни, въ которыхъ киргизы — посѣтители находятъ пищу и даже ночлегъ, и вечеромъ, когда лавки закрыты и ярмарочныя площади пустѣютъ, харчевни принимаютъ оживленный своеобразный видъ, и въ нихъ только сосредоточивается въ это время жизнь ярмарки: среди наступившей кругомъ пустынности изъ оконъ харчевенъ привѣтливо свѣтитъ огонь, а внутри кипятъ готовые самовары, предлагаются кумысъ, кушанья и особенно пельмени; киргизы кучками отъ 3 до 5 и болѣе человекъ занимаютъ отдѣленьица харчевенъ, располагаются прямо на полу вокругъ самоваровъ и въ непринужденной, полулежащей азіатской позѣ сдержанно разговариваютъ между собою: шумнаго говора, а тѣмъ болѣе крика я почти не слышалъ. Въ это время совершаются торговыя сдѣлки на слѣдующіе дни.

Главные посѣтители ярмарки — киргизы, а главные торговцы, конечно, — татары; число лицъ, торговавшихъ на ярмаркѣ въ 1895 г., выражается въ слѣдующихъ цифрахъ: русскихъ — 52 чел., татаръ — 157 чел., киргизъ — 51 чел., хивинскихъ и др. подданныхъ — 24, всего 284 человекъ.

Численностью перевѣсъ приходится на долю татаръ, и они и здѣсь держатъ въ своихъ рукахъ торговлю.

Первенствующимъ товаромъ на ярмаркѣ являются продукты скотоводства, поставляемые киргизами.

Въ будущемъ ярмарку ожидаетъ значительное развитіе, и остается пожелать, чтобы русское купечество не пренебрегало этой ярмаркой, какъ до сихъ поръ, и вообще не чуждалось степи, въ которой оно совсѣмъ отсутствуетъ, а открывъ тамъ свои торговыя операціи, составило бы противовѣсъ татарскимъ вліяніямъ и торговлѣ и этимъ содѣйстви-

вало бы расширенію непосредственныхъ сношеній русской народности съ киргизами и водворенію среди нихъ русскихъ благотворныхъ началъ, напр.; склонности къ земледѣлію. Киргизы почти не имѣютъ хлѣба, но между тѣмъ считаютъ его за лакомство, и русскіе купцы имѣли бы успѣхъ и оказали бы не малую услугу русскому дѣлу, начавъ торговать въ степи хлѣбомъ. На сколько мало хлѣба и на сколько онъ надобенъ тамъ, можно судить по тому, что въ 1895 г., по отчету податнаго инспектора, въ Темирскомъ уѣздѣ на человѣка ржи и пшена приходилось 0,37 пуда, т. е. меньше полпуда.

XI. Народный характеръ киргизъ.

Получая отъ стадъ полное обезпеченіе своего существованія и будучи необременены работой, киргизы лѣтомъ показались мнѣ народомъ добродушнымъ, веселымъ и беззаботнымъ, и я попробую сказать нѣсколько словъ о ихъ народномъ характерѣ. Сначала коснусь ихъ наружности. Киргизы или, какъ они сами называютъ себя, казаки кажутся здоровымъ, сильнымъ и рослымъ народомъ. Ихъ здоровье, мускульная крѣпость и внѣшняя свѣжесть бросаются въ глаза сравнительно, напр., съ вялостью и дряблостью башкирѣ, хотя ихъ тѣло имѣетъ очень мало упражненій; въ связи съ этимъ находится ихъ подвижность, и на базарахъ, напр., самымъ подвижнымъ элементомъ являются киргизы, которые быстро являются, быстро рѣшаютъ дѣла и быстро же удаляются; въ то же время башкиры сидятъ-сидятъ, говорятъ-говорятъ на базарѣ, и конца не предвидится. Татары же ведутъ себя всѣхъ степеннѣе и основательнѣе и спокойно — разсудительно обрабатываютъ иногда большіе гешефты.

Всѣ киргизы почти поголовно имѣютъ черные волосы и черные глаза, исключенія бываютъ очень рѣдки, и выразительность послѣднихъ, т. е. глазъ, рѣзко обращаетъ на себя вниманіе сравнительно съ нерѣдкой мутностью и безцвѣтностью сѣрыхъ и голубоватыхъ глазъ русскихъ.

Въ степи рассказывали, что въ извѣстномъ направленіи подается довольно много киргизъ съ голубыми глазами, и это направленіе совпадаетъ съ путемъ русскихъ войскъ, когда они проходили степи для завоеванія Хивы.

Волосы киргизы часто отращиваютъ и не брѣютъ, также не всегда носятъ тибетейки.

Черты лица рѣдко бываютъ правильныя, а еще рѣже красивыя, обыкновенно же киргизы имѣютъ выдающіяся скулы, широкій приплюснутый или ввидѣ треугольника носъ, бѣлые зубы, жидкую бороду, лишь иногда аксаолы (т. е. старики, бѣлыя бороды) бываютъ украшены большой сѣдой бородой.

Ноги у киргизъ въ большинствѣ случаевъ кривыя вслѣдствіе частой ѣзды на лошадяхъ, и ходятъ киргизы, надо сказать, плохо, неуверенно, какъ-то переваливаясь со стороны на сторону; ѣздить они несравненно лучше; отличаются общей сутуловатостью и неуклюжестью сравнительно, напр., съ русскими казаками, которыхъ киргизы называютъ атъ-казакъ (т. е. конные казаки), столь ловкими и проворными благодаря гимнастическимъ упражненіямъ.

Цвѣтъ кожи у киргизъ загорѣлый, красный, иногда даже темный; самая кожа отличается плотностью и часто лоснится отъ жира, особенно у богатыхъ киргизъ, сильно тучнѣющихъ отъ постоянного употребленія кумыса и мяса.

Киргизы показали мнѣ очень привѣтливымъ, ласковымъ народомъ, можетъ быть, при этомъ имѣли значеніе мои рекомендаціи отъ властей, о гостепрѣимствѣ ихъ говорить нечего. Въ кибиткахъ своихъ они отводили мнѣ всегда почетное мѣсто, устланное лучшими коврами и такъ ласково и почтительно обращались ко мнѣ; правда, они знали, что я прѣѣхалъ изъ Петербурга, а это обстоятельство производитъ на инородцевъ всегда особое впечатлѣніе.

Киргизы угощали меня всѣмъ лучшимъ, чѣмъ могли, и почти всюду рѣзали барашка для обѣда или ужина, устраивали мнѣ ночлегъ, и никогда не спрашивали денегъ за угощеніе, такъ что я по собственной волѣ давалъ деньги за хлопоты, но случалось, что вовсе отказывались брать.

Честность киргизъ показала мнѣ безукоризненной: во все время путешествія у меня не пропало ничего, хотя я вообще не берегъ очень своихъ вещей, оставляя ихъ въ кибиткѣ, въ экипажѣ, а самъ уходилъ; можетъ быть, здѣсь играетъ роль восточное правило, что гость и его вещи въ кибиткѣ хозяина неприкосновенны.

Мнѣ рассказывали, что единственно на что покушаются киргизы у путешественника, — это на хлѣбъ; послѣдній считается лакомствомъ и его такъ мало въ степи, что киргизы иногда не могутъ удержаться, чтобы не похитить его.

Я взялъ съ собою въ степь два съ $\frac{1}{2}$ пуда сухарей, какъ это дѣлаютъ всѣ, кто ѣдетъ въ степь. Во время чаепитія я пользовался этими

сухарями, и они были большою приманкою для киргизъ, которые всегда составляли для меня большую компанію въ чаепитіи, при чемъ никакого приглашенія не надо было дѣлать, такъ какъ киргизы сами приглашали другъ друга къ моему чаю.

У киргизъ всегда ровное, добродушное настроеніе духа, видно, что они ничѣмъ не обременены, ничто ихъ не заботитъ, особенно, степь, по крайней мѣрѣ лѣтомъ, обезпечиваетъ ихъ, и они веселы и такъ легко, здорово смѣются и особенно шутятъ между собой; шутки ихъ принимаютъ иногда странный и на нашъ взглядъ неприличный характеръ, напр., отпускаютъ разныя шутки по адресу хозяина и его жены, хозяинъ только отшучивается и старается отвѣтить тѣмъ же, а жена лишь потупляетъ взоры; впрочемъ такія шутки допускаются только между равными.

Киргизы владѣютъ громкими голосами, которые они обнаруживаютъ когда что нибудь особенно ихъ занимаетъ, напр., перепряжка лошадей для моего экипажа всегда вызвала необыкновенное оживленіе, и громкіе возгласы среди киргизъ, они начинали суетиться около лошадей, указывать, давать совѣты и сильно окрикивать другъ друга, такъ что съ непривычки мнѣ казалось, что случилось что нибудь особенное, между тѣмъ вскорѣ же раздавался самый уравниженный, веселый и дружный смѣхъ, который невольно и меня заражалъ.

Старики у киргизовъ еще добродушнѣе: у нихъ всегда спокойное, ровное настроеніе, свѣжесть не по лѣтамъ, способность къ движеніямъ и занятіямъ, такъ что нерѣдко не уступали они и болѣе молодымъ; у нихъ также шутливость, веселость, лишь болѣе смягченная и незлобивая.

Привѣтливость киргизъ получаетъ иногда слѣдующее выраженіе: когда я въ началѣ іюня подѣзжалъ въ знойный день къ г. Темиру и когда вслѣдствіе жары чувствовалось утомленіе въ организмѣ и удрученное нѣсколько настроеніе, мою тяготу разсѣялъ поправшійся на дорогѣ киргизъ, котораго мы обогнали: поровнявшись съ нами, онъ сказалъ что-то, я спросилъ переводчика, что онъ произнесъ; оказалось, что киргизъ сказалъ: «сапár хайрлы бұлсын», т. е. пусть будетъ счастливо ваше путешествіе. Подобное доброе привѣтствіе было такъ неожиданно отъ совершенно чуждаго киргиза, что не могло не тронуть и не вызвать хорошихъ чувствъ и думъ объ этомъ народѣ, который такъ внимателенъ къ путникамъ, какъ и русскій человѣкъ не бываетъ внимателенъ.

Что касается гостепрїимства, то охарактеризовать его можетъ слѣдующій случай, бывшій со мной.

Такъ какъ нерѣдко киргизы затягивали ужинъ къ полночи и даже далѣе, можетъ быть, желая этимъ придать особенную торжественность приему, а я между тѣмъ съ дороги хотѣлъ поскорѣе спать, то въ одномъ мѣстѣ я думалъ отказаться отъ роли гостя и просто купить мяса и велѣть поскорѣе его сварить. Хозяина не было дома, когда мы пріѣхали. По его возвращеніи ему сообщили о моемъ желаніи. Онъ тогда довольно грубо и крикливо сталъ меня спрашивать, такъ ли я хочу мяса или за деньги и добавлялъ, что дешево онъ не продастъ. Мнѣ очень не понравился этотъ грубый хозяинъ и его пріемъ, но я сдержанно говорилъ ему, что дамъ денегъ, сколько слѣдуетъ. Тогда хозяинъ, помолчавъ немного, сказалъ: «Нѣтъ, денегъ не возьму, я тебя ради гостепріимства такъ угощу». Я удивился его перемѣнѣ и объяснилъ себѣ ее только во время слѣдовавшаго затѣмъ чаепитія; хозяинъ за чаемъ спрашивалъ меня обиженнымъ тономъ, зачѣмъ я потребовалъ мяса, а не молчалъ; оказывалось, по киргизскому обычаю, пріѣзжающій долженъ молчать относительно пищи, а хозяинъ самъ подумаетъ, чтобы угостить гостя. Такимъ образомъ я нарушилъ исконный обычай киргизъ. Послѣ съ хозяиномъ мы разстались друзьями.

ХІІ. Киргизская женщина.

Скажу нѣсколько словъ о киргизской женщинѣ. Она, какъ извѣстно, поставлена въ инныя гораздо болѣе свободныя условія, чѣмъ женщина у другихъ мусульманъ, напр., у башкиръ, а особенно у татаръ. Въ то время, какъ у послѣднихъ женщина весь вѣкъ проводитъ въ домѣ, семьѣ, и ей не позволяется не только появляться въ обществѣ мужчинъ, но даже и смотрѣть на нихъ и открывать лицо свое, у киргизъ женщина пользуется полною свободою въ общежитіи, никогда не закрываетъ своего лица, постоянно присутствуетъ и разговариваетъ въ кругу мужчинъ и даже занимается иногда торговыми дѣлами и появляется на базарахъ, обращая вниманіе своимъ своеобразнымъ высокимъ головнымъ уборомъ изъ бѣлыхъ полотенцевъ (въ родѣ папахи), называемымъ жаулыхъ.

Киргизка обладаетъ вообще физическою крѣпостью и здоровьемъ, но не отличается красотой, за рѣдкими исключеніями, напр., въ дни молодости.

Но при внѣшней свободѣ положеніе киргизской женщины, надо сказать, вообще забитое. Въ молодости, когда она еще невѣста, она

свободна и беззаботна, какъ вольная птица, работъ, кромѣ легкихъ рукодѣлій не знаетъ, за скотомъ почти не ухаживаетъ, и вѣсть отъ отъ нея свѣжестью, здоровьемъ, румянецъ играетъ на щекахъ ея, веселье не оставляетъ ея тогда и она достигаетъ если не красоты, то нѣкоторой милovidности. Уже въ то время она появляется въ общихъ собраніяхъ и безъ принужденія разговариваетъ и шутитъ съ мущинами, будутъ ли то старики или молодые парни.

Путешественнику бросается въ глаза, что киргизскія дѣвушки имѣютъ специальную обязанность устраивать чаепитіе и разливать чай въ кругу всего собранія. Только сами онѣ не пьютъ чай, а лишь разливаютъ его другимъ и наблюдаютъ, кому онъ надобенъ. Ничего подобнаго нельзя встрѣтить ни у башкиръ, ни у татаръ, у которыхъ женщина такая дикая, застѣнчивая, неразговорчивая, и проявляетъ лишь одно качество, что усиленно прячется или въ уголь, или за зановѣской.

Если пріѣзжаетъ особенный гость, то киргизская дѣвушка къ чаепитію наряжается въ праздничную цвѣтную одежду съ позументами и шапочку съ перомъ, подбитую мѣхомъ, называемую бѣрк; эта шапочка придаетъ киргизкѣ довольно эффе́ктный видъ. За чаепитіемъ бывають оживленные разговоры и шутки, при чемъ дѣвицы сначала молчатъ, а потомъ и сами принимаютъ участіе; иногда шутки становятся щекотливыми съ нашей точки зрѣнія. Случается, что киргизки въ полѣ прогуливаются въ кругу мущинъ.

Но когда киргизка выходитъ замужъ, красное ея житъе кончается. На ея долю падаютъ всѣ работы по хозяйству, такъ какъ сами киргизы буквально ничего не дѣлаютъ и ни въ чемъ не принимаютъ участія, разѣзжаются лишь по гостямъ и на празднества.

Киргизка-хозяйка съ ранняго утра, еще до восхода солнца, начинаетъ возиться со скотомъ, привязываетъ и отвязываетъ козъ, барановъ, доить коровъ и верблюдицъ, прогоняетъ ихъ пастись, ведетъ счетъ скоту, тогда какъ киргизъ имѣетъ смутныя понятія о количествѣ своего скота. Затѣмъ киргизка надоенное молоко выливаетъ въ кадочки для кумыса и приготовляетъ кумысъ; занимается стряпней, очищаетъ и приготовляетъ шкуры отъ зарѣзаннаго скота, выбиваетъ и просушиваетъ мѣха, прядетъ, занимается тканьемъ и валеніемъ войлока или кошмы; между прочимъ киргизки приготовляютъ иногда красивыя кошмы съ нашитыми узорами, наз. текемет; вечеромъ опять возится со скотомъ, доить, отдѣляетъ часть его, которая должна остаться при кибиткѣ, отъ той, которая идетъ пастись на ночь.

Такимъ образомъ весь день киргизки проходятъ въ трудахъ, и ея положеніе вѣчной работницы и слуги для мужа ярко подчеркивается вечеромъ, когда ея ничего не дѣлающій мужъ, отходя ко сну, призываетъ ее къ себѣ и велитъ ей снять съ него сапоги (етык).

Благодаря такой вѣчной работѣ киргизка скоро теряетъ свою свѣжесть и въ среднихъ лѣтахъ смотритъ испитой, сморщенной, страшной полустарухой съ почти мужскими движеніями и голосомъ. Сходство съ мужчиной и некрасивый видъ увеличиваются еще оттого, что киргизки-хозяйки ради удобства въ работахъ, особенно во время ухода за скотомъ, надѣваютъ штаны (дамбал) и принимаютъ какой то странный видъ: не то женщины, не то мужчины. Но впрочемъ, въ нѣкоторыхъ волостяхъ (напр., въ Тургайскомъ уѣздѣ) считается неприличнымъ, если женщина надѣваетъ штаны.

Но это не мѣшаетъ имъ пользоваться свободой, и въ добавленіе слѣдуетъ сказать, что женщины иногда поютъ въ присутствіи мужчинъ, какъ и мнѣ удалось слышать пѣніе дѣвушекъ и записать ихъ мелодіи.

Суроваго обращенія мужей съ женами я не встрѣчалъ и, кажется, оно рѣдко случается, также мягко обращаются они съ дѣтьми: я нигдѣ не встрѣчалъ, чтобы отцы или матери колотили дѣтей или давали имъ подзатыльники, какъ это часто водится въ русскихъ семьяхъ, и ребятишки поэтому выглядываютъ бойкими, смышленными и просто себя держать.

Красивой женой киргизъ, напротивъ, склоненъ хвалиться. Одинъ киргизъ-игрокъ на домбрѣ, ни слова не знавшій по-русски, пригласилъ меня въ гости и при этомъ добавлялъ, что жена у него очень хороша (катын бик якшы), а когда я увидѣлъ его жену, молодую и не лишнюю миловидности, киргизъ послѣ не разъ упоминалъ о ней и при этомъ употреблялъ единственное извѣстное ему русское слово, «сладка, сладка».

Молодые киргизки обнаруживаютъ любознательность; когда я прѣхалъ однажды на большое собраніе киргизъ въ Мугоджарскихъ горахъ (совершали поминки по богатомъ киргизѣ, — наз. ас), то на второй день моего пребыванія, меня вызвали изъ кибитки и сказали, что одна киргизка желаетъ меня видѣть; выхожу: стоятъ двѣ киргизки, одна помоложе, другая постарше и застѣнчиво улыбаются; я спрашиваю, что имъ надобно; онѣ отвѣтили, что услышали о пріѣздѣ русскаго и захотѣли посмотреть на него; дѣло въ томъ, что въ тѣхъ мѣстахъ русскихъ никогда почти не бываетъ; я пригласилъ ихъ зайти въ кибитку; киргизки смутились было сначала обществомъ киргизъ:

по вскорѣ оправились и объяснили причину своего появленія; затѣмъ говорили мнѣ, что онѣ такъ много наслышались о русскихъ, знаютъ, что все хорошее исходить отъ русскихъ, поэтому захотѣли непременно повидать русскаго и сами думаютъ черезъ годъ поѣхать въ русскіе города, посмотрѣть, какъ живутъ русскіе; я предполагалъ снять фотографіи съ нихъ и съ группы дѣвушекъ, бывшихъ на поминкахъ, но молодые парни воспротивились, кажется, ревновали. Болѣе пожилыя киргизки заявляютъ себя консерваторами, защитницами старыхъ устоевъ жизни и противницами русскихъ новшествъ. Когда я проѣзжалъ по ауламъ въ сопровожденіи учениковъ Оренбургской киргизской учительской школы, то пожилыя женщины не разъ обнаруживали къ нимъ враждебность и даже ругали ихъ, если они разговаривали со мною и между собою по-русски: «вы совсѣмъ русскіе стали», — говорили имъ киргизки, — «скоро вѣру свою перемѣните; прежде никто не учился русской грамотѣ, а вотъ какіе почтенные люди выходили, не то, что вы», и при этомъ киргизка указывала на одного изъ присутствовавшихъ. Выраженіе. «ты совсѣмъ русскій сталъ» получало даже характеръ брани.

Киргизки въ данномъ случаѣ были представительницами той народной оппозиціи противъ владычества русскихъ, которая, конечно, все больше вымираетъ, но слѣды которой еще существуютъ и теперь: такъ, въ одной волости (Бистамакской, Актюбинскаго уѣзда) волостной писарь русскій, прекрасно владѣвшій киргизскимъ языкомъ, рассказывалъ мнѣ, что онъ слышалъ самъ, какъ киргизы иногда въ зимніе вечера поютъ пѣсни, въ которыхъ жалуются на то, зачѣмъ это Аллахъ сдѣлалъ такъ, что ими владѣютъ русскіе.

Съ водвореніемъ русской власти началось юридическое уравненіе правъ мужчины и женщины среди киргизъ. Но на сколько еще дики киргизы и киргизки и къ какимъ своеобразнымъ и курьезнымъ происшествіямъ ведетъ проникновеніе новыхъ русскихъ началъ въ старую вѣковую киргизскую среду, показываютъ, напр., слѣдующіе случаи, о которыхъ мнѣ рассказывали на мѣстѣ.

Огромная часть киргизской территоріи въ томъ числѣ та, гдѣ я былъ, — районъ Мугоджарскихъ горъ, совершенно лишены путей сообщенія, русскихъ поселеній совсѣмъ нѣтъ, и киргизы ѣздятъ исключительно верхомъ; между тѣмъ властямъ и путешественникамъ приходится пускаться въ эти непроѣздныя мѣста; въ этихъ случаяхъ и возникаютъ для нихъ разнаго рода трудности и приключенія при добычѣ лошадей.

Лѣтомъ 1895 г. Темирскій уѣздный начальник Уральской области (М. И. Дубровинъ) проѣзжалъ съ лѣсничимъ на Мугоджары. На урочищѣ Кумь-Сай, на рѣкѣ Эмбѣ, въ 20-ти верстахъ отъ Мугоджарскихъ горъ, понадобилось перемѣнить лошадей, и взяли одну лошадь у киргизки-вдовы, которая одѣта была, по мѣстному обыкновению, въ штаны; она заохала, затараторила, стала говорить, что ее, вдову, **обнажаютъ**, отнимаютъ послѣднюю лошадь, а у нея мужа нѣтъ, некому ее **защитить**; когда эти причитанія и упрямство не подѣйствовали, она **сдустила** съ себя штаны и обнажила себя въ присутствіи уѣзднаго начальника; хорошенько не могли понять, чтó хотѣла она выразить этимъ, — **презрѣніе**-ли къ присутствующимъ или дать доказательство, что она женщина, слабое существо, вѣрнѣе послѣднее; только уѣздный начальникъ **тотчасъ** составилъ протоколъ и наказалъ ее 15-ти дневнымъ арестомъ, для **чего** она доставлена была въ гор. Темиръ. Киргизка, конечно, не **ожидала** такихъ послѣдствій, такъ какъ до сихъ поръ всюду водилось и по шаригату установлено, что за проступки женщинъ отвѣчали мужчины.

Но русская власть стала привлекать къ отвѣтственности и киргизокъ. Въ 1896 г. были привлечены къ суду въ Темирскомъ уѣздѣ двѣ киргизки по обвиненію въ сопротивленіи властямъ.

Эти киргизки оказали сопротивленіе уряднику, когда послѣдній пріѣхалъ въ одинъ аулъ для производства переписи или сбора недоимокъ, чего-то въ этомъ родѣ. Бабы выбѣжали изъ кибитки съ палками и набросились на урядника, который былъ принужденъ отступить. Когда киргизокъ привлекли къ отвѣтственности, ихъ убѣждали по правдѣ рассказать, почему онѣ напали на урядника. Онѣ рѣшительно заявляли, что невиноваты, что исполняли только волю своего мужа-старика, который, когда приходилъ урядникъ, лежалъ въ своей кибиткѣ и кричалъ имъ оттуда: «гоните этого урядника, чтó онъ тутъ шатается?» Ослушаться мужа имъ, бабамъ, нельзя, и онѣ должны были недопустить урядника въ ихъ кибитку.

Сопротивленіе власти было оказано, и киргизки подлежали всей строгости законовъ, должны были быть приговоренными къ арестантскимъ ротамъ, и только по Всемиловѣйшему коронаціонному манифесту онѣ были освобождены отъ наказанія.

Но вообще киргизской женщинѣ не трудно приспособиться къ новымъ началамъ, вносимымъ русскими, залогомъ чего служить, между прочимъ та свобода, какою пользуется женщина у киргизъ и которая такъ выгодно отличаетъ ее и даетъ ей преимущества передъ женщиной татаръ и народностей Средней Азіи, обреченной на вѣчное отчужденіе

отъ общественной жизни; причину, свободнаго положенія женщинъ у киргизъ надобно видѣть въ томъ, что мусульманство съ своимъ шаригатомъ еще не успѣло ассимилировать киргизъ, проникнуть въ глубь ихъ народныхъ понятій и привить имъ свой условный и угнетающій взглядъ на женщинъ.

Всѣ впечатлѣнія передавать было бы слишкомъ долго; коснусь въ настоящій разъ только наиболѣе значительныхъ и разкажу, что я, между прочимъ, встрѣчалъ особый типъ киргизъ, изъ котораго вырабатывались, по словамъ киргизъ, до русскаго владычества такъ называемые батыри, могучіе духомъ и тѣломъ богатыри, коноводы, предводители народныхъ полчищъ, неустрашимые и находчивые во всякихъ обстоятельствахъ, которые и воспѣвались въ народной поэзіи, въ столь многочисленныхъ у киргизъ эпическихъ произведеніяхъ. Такой киргизъ-батырь былъ моимъ проводникомъ.

XIII. Типъ батыря.

Послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія въ гор. Темирѣ Уральской обл. во время ярмарки, когда я увидѣлъ, что киргизы были черезчуръ заняты какъ ею, такъ и чрезвычайнымъ междуобластнымъ судебнымъ сѣздомъ, на который собралось множество киргизскихъ судій, такъ называемыхъ биевъ, — я выѣхалъ 8 іюня на востокъ по направленію къ Мугоджарскимъ горамъ, населеннымъ, какъ мнѣ говорили, совсѣмъ дикими и еще не знавшими русскихъ вліяній киргизами, — въ сопровожденіи цѣлой свиты.

Темирскій уѣздный начальникъ командировалъ въ Мугоджарскія горы въ распоряженіе занимавшагося тамъ размежеваніемъ казенныхъ лѣсовъ топографа — двухъ киргизъ: кандидата на должность волостнаго управителя Эмбо-Темирской волости Маштія Жалимбетова и старшину 7-го аула той же волости Дарбая Жанысбаева. Эти представители волостной власти хотя должны были не отлучаться изъ волости, пока топографъ производилъ свои работы въ горахъ, но соблазвившись открывшейся въ то время Темирской ярмаркой, пріѣхали на нее въ городъ, оставивъ топографа безъ своего содѣйствія.

Уѣздный начальникъ (М. И. Дубровинъ) строго приказалъ имъ ѣхать обратно къ топографу и быть при немъ неотлучно, какъ они ни

умоляли его позволить остаться на ярмаркѣ для окончанія начатыхъ уже торговыхъ дѣлъ.

Сказавъ, что ихъ дѣла на ярмаркѣ окончатъ родственники, уѣздный начальникъ поручилъ имъ также сопровождать меня, такъ какъ я собирался ѣхать въ томъ же самомъ направленіи къ высшей вершинѣ Мугоджарь — горѣ Айрыку.

Къ намъ присоединились еще нѣсколько киргизъ, между прочимъ, кончившій курсъ Оренбургской киргизской учительской школы Кужахметъ-Исенгуловъ и старшина ближайшей волости, по которой намъ предстояло проѣзжать: по распоряженію уѣзднаго начальника, въ каждой волости насъ долженъ былъ сопровождать мѣстный волостной старшина и указывать путь, такъ какъ мы ѣхали въ мѣстности, лишенные всякихъ путей сообщенія, въ которыхъ могли не заблудиться лишь тамошніе киргизы.

И вотъ рано утромъ въ 7 ч., 8 іюня, мои спутники явились въ домъ уѣзднаго управленія, гдѣ я имѣлъ помѣщеніе, а въ 11¹/₂ часовъ мы выѣхали: я съ переводчикомъ своимъ изъ Оренбурга (ученикомъ киргизской школы Юсуповымъ) въ купленномъ мною наканунѣ на ярмаркѣ экипажѣ, а остальные — верхомъ на лошадяхъ.

Образовался такимъ образомъ цѣлый поѣздъ: центръ составлялъ нашъ экипажъ, а впереди и сзади или съ боковъ ѣхали всадники.

Главою поѣзда явился упомянутый кандидатъ Маштій Джалимбетевъ породный, могучій киргизъ, 65 лѣтъ, съ сиплымъ громкимъ басомъ, суровой и пожалуй свирѣпой, морщинистой, крупной фізіономіей и спокойнымъ острымъ взглядомъ.

Когда онъ сидѣлъ на лошади въ своей остроконечной шапкѣ (называемой тумакъ) и слегка откидывался широкой спиной назадъ, то онъ казался великаномъ, а когда ѣхалъ, держалъ себя прямо и отважно, по предводительски; къ нему незамѣтно перешла первенствующая роль, а командовалъ онъ властно, рѣшительно, и взоръ его глазъ исполненъ былъ силы.

На дѣлѣ, по крайней мѣрѣ въ общеніи со мной, оказался добродушнымъ киргизомъ.

Считая себя вожакомъ поѣзда (уѣздный начальникъ поручилъ ему доставлять мнѣ на пути лошадей), онъ считалъ своею задачею услужить «таксыру», т. е. господину, поэтому на стоянкахъ въ аулахъ, при перемѣнѣ лошадей вѣско ругался, торопилъ, грозилъ сослать въ Сибирь и обнаруживалъ при этомъ даръ юмора, успѣшно смѣша киргизъ, которые весело хохотали; вообще онъ былъ мастеръ смѣшить толпу, а самъ

почти не смѣлся. Въ отвѣтъ ему говорили: «вѣдь свать тебя хозяинъ (лошадей), что ты его очень пугаешь?» Онъ возражалъ, что хотъ загнать лошадей, а таксыр'а не задерживать.

Маштій, котораго киргизы называли «кандилятъ» или уменьшительно Машикъ и котораго они побаивались, но и уважали, несомнѣнно отличался расторопностью и распорядительностью и по справедливости былъ награжденъ отъ начальства серебряной медалью для ношенія на Станиславской лентѣ. Онъ въ отношеніи добыванія лошадей былъ незамѣнимъ для насъ, такъ какъ въ этой мѣстности (около Мугоджарскихъ горъ) даже власти встрѣчаютъ при проѣздѣ затрудненія, такъ какъ отъ г. Темира до Мугоджарскихъ горъ и далѣе ни дорогъ, ни станцій нѣтъ, а переѣзжаютъ отъ аула къ аулу и при посредствѣ старшинъ мѣняютъ лошадей; но киргизы упрямятся давать лошадей въ лѣтнюю пору, уходя въ стороны отъ мѣстъ проѣзда; если проѣзжающій не представляетъ изъ себя власти, то онъ много натерпится отъ киргизскаго отлыниванья. Даже уѣздный начальникъ испытываетъ иногда задержки. Во избѣжаніе подобныхъ задержекъ для лицъ официальныхъ или со специальными цѣлями посылаютъ впередъ такъ называемаго чабара (разсылнаго) заготовлять на мѣстахъ остановокъ лошадей. На первой остановкѣ, на урочищѣ Ашá (вилка, при слияніи двухъ рѣкъ Темира и Кульденень-Темира, похожемъ на вилку), въ 20 верстахъ отъ города, мы не встрѣтили никакой задержки въ лошадяхъ: въ полѣ смѣнили намъ лошадей, и мы поѣхали далѣе; помѣхой нашему путешествію оказалась неисправность экипажа: татары, продавая его, скрыли, что ослабѣли гайки у колесъ, и вотъ во время пути переднее колесо стало спадать; это обстоятельство причиняло намъ столько хлопотъ, что доѣхавъ кое-какъ до второй остановки въ аулѣ одного султана въ мѣстности Чотай, въ 40 верстахъ отъ г. Темира), я рѣшилъ послать экипажъ назадъ въ городъ для исправленій; благодаря этому мы пробыли въ этомъ аулѣ до 6 час. веч. слѣдующаго дня (9 іюня).

Въ аулѣ султана для насъ была приготовлена отдѣльная кибитка по-киргизски ўй), о чемъ заранѣе позаботился «кандидатъ»; пріятно было войти въ чисто, хорошо-убранную сплошь коврами (клем) кибитку и сѣсть въ почетномъ мѣстѣ на новыя еще бухарскія одѣяла (кѳрпѣ). По поводу нашего пріѣзда былъ зарѣзанъ баранъ, и мы видѣли, какъ дымилась два костра, на которыхъ варилась баранина. Я ходилъ между прочимъ, въ стадѣ барановъ и верблюдовъ; бараны видѣли, вѣроятно, въ первый разъ человѣка, не похожаго на киргизъ, потому что они

робко, но съ большимъ любопытствомъ протягивали головы, обнюхивали меня и ходили вслѣдъ за мною.

Время проходило въ угощеніяхъ и разговорахъ; на другой день послѣ обѣда разговаривали и шутили; присутствовалъ хозяинъ съ женою, и кандидатъ не преминулъ обнаружить свою манеру острить; я спросилъ, сколько лѣтъ султану; сказали, что ему 65 лѣтъ; тогда кандидатъ выбранился, зачѣмъ много сказалъ, сказалъ бы меньше; султанъ отвѣтилъ, что Маштій, т. е. кандидатъ, бранится потому, что ровесникъ съ нимъ и хочетъ лѣта свои скрывать: у него-де, султана, бѣлая борода по краямъ, а у кандидата черная оттого, что бѣлые волосы онъ выпщипываетъ; всѣ засмѣялись; на эту шутку кандидатъ отвѣтилъ довольно своеобразно: смѣясь, онъ сказалъ, что жена султана (которая сидѣла здѣсь же) занимается прелюбодѣніемъ; всѣ громко засмѣялись, въ томъ числѣ и султанъ, а я думалъ, что слова кандидата будутъ приняты за дерзость, и произойдетъ ссора; но это была шутка въ киргизскомъ вкусѣ, и при общемъ смѣхѣ султанъ отвѣтилъ лишь своей шуткой, сказавъ: «кандидатъ ходитъ по трактирамъ (т. е. публичнымъ домамъ)»; всѣ обратились къ «кандидату» и стали на его счетъ хохотать; но кандидатъ не остался въ долгу и отвѣтилъ: «Султанъ сдурѣлъ» (сошелъ съ ума).

Я спросилъ неужели не обижаются на такія шутки: — «нисколько», отвѣтили мнѣ, — «такъ вѣдь и русскіе шутятъ»; — «нѣтъ, такія шутки не позволительны у русскихъ», отвѣтилъ я. тогда мой собесѣдникъ, киргизъ, кончившій курсъ въ Оренбургской киргизской учительской школѣ, отвѣтилъ мнѣ: — «какъ непозволительны? я самъ видѣлъ въ Оренбургѣ, въ Темирѣ, какъ мужчины бѣгаютъ за чужими женами, берутъ ихъ за платье»... Я сказалъ, что это считается неприличнымъ; — «а у насъ это ничего, это вѣдь шутка», объяснилъ собесѣдникъ.

Но подобныя шутки допускаются лишь между ровесниками, въ противномъ случаѣ онѣ принимаются за оскорбленіе.

Вечеромъ этого дня въ 6 ч. мы поѣхали далѣе, когда изъ города доставили мой экинажъ въ исправленномъ видѣ.

Я требовалъ, чтобы везли на оврагъ или рѣчку Кумжарганъ, какъ то значилось по маршруту, взятому мною изъ города; тогда киргизы много толковали между собою, какъ прямѣе поѣхать, а также обсуждали, сколько верстъ считать для этого переѣзда, и не могло ничего сказать, пока я самъ не назначилъ разстоянія въ 25 в., какъ примѣрно говорили мнѣ въ городѣ.

Разстояній между остановками киргизы точно не знаютъ и говорятъ

наугадъ, также и русскіе власти не знаютъ, сколько верстъ считать отъ г. Темира до Мугоджаръ; киргизы довольствуются платой за такое число верстъ, какое имъ говорятъ.

Ѣзда по степи безъ дорогъ, не смотря на относительную ровность степи, оказываются порядочно тряской.

Вообще край этотъ почти во всѣхъ отношеніяхъ неустроенный, первобытный. Одно здѣсь хорошо, это — прекрасный воздухъ, степь съ душистыми травами, климатъ умѣренно-жаркій и отличный кумысъ и баранина.

Нашъ поѣздъ въ прежнемъ своемъ составѣ тронулся въ путь.

«Кандидатъ» по прежнему игралъ первенствующую роль и важно сидѣлъ на лошади, то уѣзжая впередъ экипажа, то отставая сзади.

Вскорѣ мы поднялись на невысокую возвышенность Маметь, съ которой въ первый разъ увидѣли высшую вершину Мугоджаръ — гору Айрыкъ (что значитъ вилообразная, такъ какъ она раздвояется, имѣеть двѣ главы), мнѣ сказали, что мы находимся на разстояніи верстъ 60-ти отъ горъ, которыя лежатъ заразъ по ту сторону рѣки Эмбы.

Айрыкъ, разъ показавшись, сталъ служить для моихъ спутниковъ среди ровной степи—маякомъ, и мои киргизы объявили, что будутъ ѣхать все время прямо на Айрыкъ, не упуская его изъ глазъ: за чѣмъ-де ѣхать не по прямой линіи.

Проѣхавъ менѣе десяти верстъ, киргизы, хотѣли было, неизвѣстно почему, смѣнить лошадей во встрѣчномъ аулѣ, ссылаясь на то, что лошади устали, но я сказалъ, что раньше Кумжаргана (намѣченнаго для стоянки пункта) я не соглашусь на смѣну лошадей и не дамъ прогнать. Тогда киргизы, которые только что говорили объ усталости лошадей, усердно погнали ихъ во главѣ съ «кандидатомъ», стали гикать и хлестать нагайками (камчѣ по-киргизски), точто лошади успѣли освѣжиться, и мы быстро поѣхали по степи, только экипажъ изрядно встряхивало на неровностяхъ и кочкахъ, такъ что часто приходилось говорить ямщику «акырынъ» (осторожно).

«Кандидатъ» опять заявилъ себя какъ человѣка, не затрудняющагося въ выборѣ средствъ, чтобы достигъ намѣченной цѣли.

Мой спутникъ переводчикъ рассказывалъ мнѣ, что «кандидатъ», чтобы произвести большее впечатлѣніе на киргизъ и чтобы они не держивали лошадей, говорилъ имъ обо мнѣ, что я ѣду изъ Петербурга и что я чуть ли не родной братъ Государя Императора, а если не родной братъ, то близкій знакомый; я спросилъ моего спутника, вѣрятъ ли ему киргизы:—«вѣрятъ, конечно», отвѣтилъ онъ;—«а самъ то онъ

шутить или серьезно говорить?» спросилъ я, — «да онъ самъ, конечно, ничего не знаетъ, только говорить съ увѣренностью, а киргизы вѣрятъ: киргизы вѣдь думаютъ, что если кто изъ Петербурга, значитъ знакомъ съ Государемъ Императоромъ».

Хотѣли было еще разъ киргизы мѣнять лошадей, не доѣзжая намѣченнаго пункта (Кумжаргана), но я объявилъ, чтобы везли дальше; очевидно, киргизы были рады почаще останавливаться ради времепровожденія и яденія баранины; такъ какъ они сопровождали «туря», т. е. чиновника, то это было достаточнымъ основаніемъ заставлять на каждой остановкѣ рѣзать барана и угощаться; въ виду этихъ обстоятельствъ къ нашему поѣзду присоединилось добровольно не мало киргизъ, которые говорили, что ѣдутъ по дѣлу, тогда какъ у степняка вообще не бываетъ дѣла, такъ что я ѣхалъ уже въ сопровожденіи 15 — 18 всадниковъ.

Наконецъ, часу въ 9-мъ вечера мы пріѣхали на стоянку Кумжарганъ; съ нами былъ новый волостной старшина, такъ какъ старшины провожали насъ только до конца своего участка.

Былъ тихій, ясный вечеръ, солнце уже сѣло за пригоркомъ и горѣла заря; на ясномъ фонѣ ея въ полумракѣ вырисовывались три, четыре кибитки аула киргиза Урманкула (9-го аула); собаки встрѣтили насъ хриплымъ лаемъ.

Мы остались ночевать, такъ какъ ночью ѣхать было неловко и лошадей негдѣ было достать.

Для насъ, по распоряженію «кандидата», готовили кибитку; это былъ бѣдный аулъ, поэтому и кибитка оказалась гораздо хуже и грязнѣе, чѣмъ у Султана на Чотаѣ.

Стали выработать дальнѣйшій нашъ маршрутъ; рѣшили ѣхать утромъ прямымъ путемъ на Айрыкъ, но затѣмъ «кандидатъ» обратился ко мнѣ съ пространною рѣчью слѣдующаго содержанія. Онъ говорилъ, что сердечно желаетъ мнѣ услужить, что онъ старый человекъ, но не жалѣеть себя, лишь бы сдѣлать все для моего путешествія лучше; но теперь пріѣхали въ такія мѣста, гдѣ ауловъ мало, киргизы упрямы и не даютъ сразу лошадей; онъ говорилъ, что ужъ принялъ мѣры къ отысканію лошадей, послалъ за пятидесятникомъ, который и долженъ привести лошадей; но ожидаетъ, что ктонибудь будетъ сопротивляться ему, не смотря на всѣ настоянія; онъ опасался, что съ такими онъ самъ пожалуй не справится, поэтому просилъ меня, такксыр'а, чтобы я согласился записывать имена такихъ упрямцевъ и сообщить о нихъ уѣздному начальнику.

Я далъ на это согласіе; оно, вѣроятно, надобно было «кандидату», чтобы имѣть въ этомъ лишнюю угрозу для киргизъ; это былъ въ своемъ родѣ манѣвръ кандидата въ виду присутствовавшихъ киргизъ.

Затѣмъ «кандидатъ» сказалъ, что онъ позаботился о нашемъ ужинѣ, велѣлъ зарѣзать барана, а самъ поѣдетъ впередъ готовить лошадей и просилъ моего согласія; когда я на такую его самоотверженную услужливость предложилъ сначала напиться чаю, «кандидатъ» передалъ мнѣ черезъ переводчика, что онъ такой человекъ, что когда служба, онъ ничего не ѣстъ, не пьетъ; впрочемъ, передъ отъѣздомъ онъ выпилъ три чашки кумыса; ночью онъ самъ искалъ лошадей въ 8-мъ аулѣ, а старшину и пятидесятника послалъ въ 9-й аулъ, отъ угощенья бараниной отказался и только наказалъ, что останется отъ насъ, угостить этимъ прислугу. Не оставивъ никого своими попеченіями, онъ уѣхалъ.

Было около полуночи; еще мы не улеглись совсѣмъ, какъ доставили намъ одного жеребца, но пришелъ хозяинъ его и поднималъ цѣлое препирательство, говоря, что у лошади его испорчена спина, нельзя на ней ѣхать; его урезонивали, что если онъ не дастъ лошади и позволить ему это, то и другіе никто не будетъ давать лошадей, если онъ будетъ упрямяться, то съ нимъ поступать по всей строгости закона; тогда киргизъ уступилъ лошадь.

Утромъ, на другой день, опять была исторія изъ-за лошадей, благодаря женскому упрямству. Когда уже стали запрягать лошадей, явились двѣ киргизки и подняли сильный крикъ; ихъ урезонивали киргизы внѣ кибитки; «кандидатъ» сидѣлъ въ кибиткѣ и слушалъ, но чувствуя, что дѣло на ладъ нейдетъ, онъ обратился ко мнѣ со словами, вотъ-де бабы какія вздорныя, и вышелъ къ нимъ самъ; я также любопытствовалъ, что такое происходитъ снаружи: двѣ киргизки стояли вблизи кибитки и одна изъ нихъ какъ будто плакала; киргизы не могли сговориться съ ними, а «кандидатъ» однимъ своимъ появленіемъ и голосомъ, не допускающимъ возраженій, устроилъ дѣло, — онъ просто, какъ говорится отрѣзалъ имъ: «вы хоть вдвое больше ревите, лошадей не отдадимъ».

Слова кандидата успокоили ихъ, и онѣ, потараторивъ, ушли, и только, когда мы отъѣзжали, онѣ кучкой сидѣли на травѣ въ нѣкоторомъ отдаленіи и такъ недружелюбно смотрѣли на нашъ отъѣздъ.

Бабы, какъ мнѣ объяснили, являются лишь подставными лицами своихъ мужей, которые научаютъ ихъ поднимать кляузу, боясь сами отвѣтственности и будучи увѣрены, что бабамъ ничего не сдѣлаютъ,

такъ какъ по ихъ обычаю и по шаригату женщина не отвѣтственна за свои поступки; однако они ошибаются въ своихъ расчетахъ: въ послѣднее время русская власть привлекаетъ къ отвѣтственности и киргизскихъ женщинъ.

Было жарко, когда мы поѣхали далѣе на Эмбу къ Мугоджарскимъ горамъ. Въ это время случился эпизодъ, имѣвшій связь съ заботой «кандидата» обезпечить насъ лошадьми.

Въ сторонѣ отъ нашего пути паслись чьи то лошади; одну изъ нихъ, по приказанію «кандидата», захватилъ киргизъ изъ нашего поѣзда и поскакалъ съ нею къ намъ; въ догону за похитителемъ мчался по полю во весь духъ пастухъ на перерѣзъ намъ; мой кучеръ и переводчикъ, увидѣвъ это, хохотали между собой и передали мнѣ о происшествіи, мы стали слѣдить, что будетъ далѣе, верховой подскакалъ, нѣкоторое время стоялъ и затѣмъ спокойно отѣхалъ отъ нашихъ спутниковъ, которые были значительно впереди насъ, вѣроятно «кандидатъ» по обыкновенію далъ такой внушительный отвѣтъ, въ родѣ того, что если будешь-де прекословить, въ Сибирь законопачу тебя, что киргизу ничего не оставалось, какъ покориться и отѣхать.

Ради жары киргизы упросили меня остановиться во встрѣчномъ аулѣ, около высохшаго озера Башынкуля, напитокъ чаю, но дѣло опять не обошлось безъ баранины.

Такимъ образомъ киргизы не разъ дѣлали, какъ потомъ оказывалось, лишнія, ненужныя остановки.

Во время чаепитія кандидатъ проявлялъ обычный свой юморъ, и толпа охотно смѣялась; такъ какъ онъ былъ грузень, то мѣнялъ лошадей, на которыхъ ѣхалъ верхомъ, причемъ не очень церемонился съ хозяевами лошадей; когда онъ на этой остановкѣ заявилъ претензію на одну лошадь, хозяинъ хотѣлъ отдѣлаться отъ «кандидата» и сказалъ, что лошадь его хромаетъ; тогда кандидатъ заявилъ, что тѣмъ лучше, что онъ на хромой лошади дремать не будетъ, зная, конечно, что лошадь исправная; а когда мы отѣзжали кучеръ изъ предыдущаго аула потребовалъ назадъ веревку, которую у него взяли для нашего поѣзда; «кандидатъ» съ напускной строгостью отвѣтилъ ему: «а ты моли Бога, чтобы мы тебя не взяли съ собой дальше, а не то, что веревку спрашивать». Дружный хохотъ и говоръ слышался всюду, гдѣ принималъ то или другое участіе «кандидатъ», и никто изъ киргизъ не могъ отговариваться противъ словъ его; они были подъ обаяніемъ его личности изъ почтительности и ласковыхъ чувствъ къ нему нерѣдко величали то «кандидатъ», то уменьшительнымъ Машикъ.

Мы имѣли еще остановку, прежде чѣмъ доѣхать до Мугоджарскихъ горъ, на урочищѣ или рѣчкѣ Кумъ-Сай.

Здѣсь кандидатъ позаботился взять съ собою человѣкъ 5 киргизъ на случай, если топографу, къ стоянкѣ котораго въ горахъ мы ѣхали, понадобятся рабочіе.

Во время пребыванія здѣсь «кандидатъ» отпуская шутки на счетъ киргизской дѣвушки, занимавшейся разливаніемъ чая, рассказывая о себѣ, какой онъ былъ молодецъ не промахъ въ своей молодости, смѣшиль окружавшихъ, но самъ не смѣялся.

Наша свита увеличилась, и мы поѣхали къ Мугоджарамъ, мѣстность замѣтно повысилась, составляя первую террасу къ Мугоджарскимъ горамъ.

Мы добрались до верховьевъ горъ знаменитой въ Прикаспійскихъ степяхъ рѣки Эмбы и переѣхали ее бродомъ; по берегамъ росла густая трава и составляла большой контрастъ съ окружавшими желтѣвшими подъ палящимъ солнцемъ полями.

Вскорѣ раскрылась предъ нами синѣющая гряда Мугоджаръ и мы цѣликомъ увидѣли царящую надъ ними гору Айрыкъ, къ которой нашъ поѣздъ и направлялся.

Черезъ нѣсколько времени, проѣхавъ предгорья Мугоджаръ, мы наконецъ вѣхали и въ самыя горы; это были не очень высокія, пустынные, лишенные лѣснаго покрова горы; только густая трава покрывала, да въ ложбинахъ попадался мелкій кустарникъ, ютясь вдоль горныхъ ручьевъ. Мугоджары будутъ, вѣроятно, удобны для земледѣльческой культуры; предполагается въ нихъ присутствіе золота, серебра и драгоценныхъ камней; въ этомъ направленіи производила развѣдки въ горахъ лѣтомъ 1896 г. одна золотопромышленная компанія.

Аулы попадались рѣже, чѣмъ мы ожидали, потому что много киргизъ откочевало ближе къ Темирской ярмаркѣ.

Вскорѣ мы увидѣли въ одной лощинѣ кибитку топографа; «кандидатъ» и другіе киргизы уѣхали нѣсколько впередъ, и когда я подъѣзжалъ, наши спутники образовали уже около кибитки цѣлый станъ, и голоса ихъ оживляли безмолвныя долины.

Топографа не оказалось дома. Я былъ встрѣченъ дружными жалобами какъ моихъ киргизъ, такъ и работавшихъ у топографа, которые успѣли уже сговориться, — на его строптивость, придирчивость и плохой характеръ: все-де не такъ, все бранить, а вчера-де вечеромъ взялъ сварилъ свинины и налилъ супу изъ нея во всѣ сосуды: котель, ведро, чашки: — «Фу, кой (слово брезгливости у киргизъ) жаманъ ксы

(дурной человек), теперь намъ ѣсть не въ чемъ, варить мяса не въ чемъ», такъ говорили киргизы и просили меня дать имъ для приготовления чая дорожный чайникъ, такъ какъ топографъ даже и въ самоваръ (будто бы) налилъ свиного супа.

Свиной киргизы, какъ магометане, до чрезвычайности брезгають, и образъ поведенія топографа, если все это было вѣрно, оказывался страннымъ; вообще чиновники въ степи слишкомъ много себѣ подъ часъ позволяютъ и слишкомъ господствуетъ тамъ кокарда, подъ знаменемъ который кто только не глумится подъ часъ надъ инородцами, что вовсе не въ нашихъ интересахъ, подрывая то уваженіе и довѣріе къ намъ, какія мы приобрѣли себѣ въ Азіи.

Съѣздивъ на двуглавую вершину горы Айрыкъ, повидавшись съ топографомъ, который дѣйствительно пренебрежительно отзывался о киргизахъ: «охъ ужъ быть!»! махаль онъ рукою, — и переночевавъ въ этой горной долинѣ на открытомъ воздухѣ, при свѣтѣ полной луны, мы на другой день, 12 юня утромъ, направились изъ предѣловъ горъ къ рѣчкѣ Кунджу, гдѣ мы рассчитывали встрѣтить, между прочимъ, киргизскихъ музыкантовъ.

Насъ приняли въ аулѣ, хотя и бѣдномъ, радушно, и весь народъ заранѣе высыпалъ встрѣтить насъ.

Вотъ мы стали лежать въ аулѣ въ ожиданіи слѣдующаго дня (когда должны были начаться поминки (ас) по богатомъ киргизѣ и на которыя мы рѣшили ѣхать), предаваясь разговорамъ, яденію баранины, купанью и пр.; отъ жары клонило сильно ко сну, и порядочно спали.

«Кандидатъ» и въ чужомъ аулѣ чувствовалъ себя по обыкновенію хозяиномъ; послѣ чая и ѣды, собравшись спать и снявъ обувь, онъ обратился къ находившемуся въ кибиткѣ киргизенку со словами! «эй, бала, кель манда!» (малый, подойди сюда), показалъ ему на свои ноги и велѣлъ чесать ихъ. Малый безпрекословно подошелъ и началъ тереть и жать ноги кандидата, который, закрывши глаза, вкушалъ удовольствіе и не оставлялъ при этомъ руководить малаго. Когда я невольно засмѣялся отъ такой неожиданности, кандидатъ, открывши глаза, полукосо и какъ бы недоумѣвающе посмотрѣлъ на меня.

Жаръ палилъ, на воздухѣ было знойно, въ кибитѣ душно и темно; достаточно было выйти на 5 минутъ, чтобы почувствовать почти обжогъ на лицѣ и шеѣ; платье быстро нагрѣвалось; животныя, лошади, коровы, сбились отъ жары въ кучки, головами внутрь, и понуро стояли, обмахиваясь хвостами. Лишь къ вечеру купанье и чаепитіе облегчило жару.

Вечеромъ, когда въ кибиткѣ было уже темно, огня не зажигали и просвѣчивалъ лишь свѣтъ взшедшей луны, я и кандидатъ лежа разговаривали.

Своеобразная и крупная фізіономія «кандидата», Маштія занимала меня и невольно хотѣлось проникнуть во внутренній душевный строй его.

Видя, что Маштія, киргизъ 64 лѣтъ, безъ видимаго обремененія совершаетъ верхомъ довольно большое путешествіе, весель и нерѣдко смѣется, терпѣливо выжидаетъ времени нашего выѣзда изъ аула, я спросилъ его черезъ переводчика:

— Кандидатъ, бываетъ ли тебѣ когда нибудь скучно?

— Зачѣмъ скучно? — отвѣтилъ онъ, намъ скучно не бываетъ, у насъ вѣдь заботы есть, скота у меня много.

— А не бываетъ ли тебѣ тоскливо когда нибудь?

— Зачѣмъ тосковать? Слава Богу, скотъ у меня есть, чего же мнѣ больше?

— А если бы у тебя скота не было, тосковалъ ли бы тогда?

— Тогда тосковалъ бы.

— А если бы у тебя былъ скотъ, жена, а дѣтей не было, тосковалъ ли бы?

— Тосковалъ бы; какъ безъ дѣтей? когда дѣти есть, весело бываетъ жить и смотрѣть на нихъ.

— А если бы у тебя былъ скотъ, были дѣти, а не было бы жены, тосковалъ ли бы ты?

— Нѣтъ не тосковалъ бы, — коротко отвѣтилъ онъ, — зачѣмъ мнѣ баба, если она дѣтей не рождаетъ? Такую бабу мнѣ даромъ не надо.

По поводу его преклонныхъ лѣтъ я спросилъ Маштія:

— А скоро ли собираешься умирать, кандидатъ?

— Помру, когда Богъ смерть пошлетъ; когда помру, этого не знаю.

— Страшно помирать?

— Страшно, какъ не страшно, не знаешь, куда попадешь.

— Часто ты думаешь о смерти?

— Старый человѣкъ только и думаетъ о смерти, и днемъ и ночью думаетъ о ней. Что ты спрашиваешь меня, когда я помру? развѣ русскіе знаютъ, когда придется помирать? Развѣ не Богъ посылаетъ смерть, когда захочетъ?

— И они не знаютъ, когда смерть придетъ, отвѣтилъ я, въ нашихъ книгахъ прямо сказано, чтобы мы бодрствовали постоянно, потому что неизвѣстно, когда Богъ придетъ и пошлетъ смерть?

— Друсъ (т. е. вѣрно), отвѣтилъ мнѣ кандидатъ. Послѣдовало продолжительное молчаніе. Мы по прежнему лежали и каждый думали свое. Въ дверь и сквозь кибиточныя рѣшетки виднѣлись поле и горы, освѣщенныя прозрачнымъ свѣтомъ луны.

— Вотъ русскіе, неожиданно прервалъ молчаніе кандидатъ, — такой умный народъ, такъ много сдѣлали всякихъ изобрѣтеній, улучшеній, такъ хорошо живутъ, а что же до сихъ поръ не признали пророка Магомета?

Подобное заключеніе предыдущаго разговора было такъ неожиданно и своеобразно, что я засмѣялся и только послѣ этого отвѣтилъ:

— Зная раньше христіанство, нельзя принять магометанство.

Вопросъ моего собесѣдника весьма характеристиченъ и показываетъ, въ какой степени успѣло вкорениться въ киргизахъ магометанство. Впрочемъ, это — невозмутимость невѣдующихъ, а не то фанатичное, слѣпое упорство, съ какимъ отстаиваютъ и проповѣдуютъ свою религію татары.

Такая увѣренность въ превосходствѣ своей религіи у киргизъ — дѣло татарской пропаганды.

— Магометъ послѣдній пророкъ и Богъ сказалъ съ нимъ свою послѣднюю волю, какъ его не признаете? тономъ, не допускающимъ возраженія, сказалъ «кандидатъ», хотя онъ былъ совершенно неграмотный киргизъ; послѣ этого повернулся на бокъ и заснулъ.

Ни сомнѣній, ни терзаній, ни скуки жизни, — все было уравновѣшено въ этой могучей, рожденной властвовать и повелѣвать, натурѣ.

Мнѣ тогда же рассказывали, какъ однажды Маштій прекратилъ ссору между нѣсколькими волостями изъ-за земли: спорившіе раздѣлились на два лагеря и готовы были перейти въ междоусобіе; помощникъ уѣзднаго начальника ничего не могъ сдѣлать и обратился къ Маштію, славившемуся искусствомъ разрѣшать споры. Маштій явился къ собранию спорившихъ, разспросилъ, въ чемъ дѣло, и быстро сообразивъ, началъ такую рѣчь: на той сторонѣ, которая не соглашается на уступки, коноводы тѣ-то и тѣ-то; одинъ изъ нихъ сынъ такого-то киргиза, посланнаго за убійство въ Сибирь, у другого отецъ сидѣлъ въ острогѣ за воровство, отецъ третьяго уличенъ въ мошенничество; поэтому предлагаю составить протоколъ, что они смущаютъ больше всѣхъ народъ и и что они дѣти такихъ-то, и представить начальству».

Толпа, а особенно тѣ, родословную которыхъ «кандидатъ» разоблачилъ, какъ только услышали такое предложеніе, немедленно же закричалъ «нѣтъ, не надо протокола», и согласились на всѣ уступки; когда Маштій нѣкоторое время настаивалъ на своемъ, изблеченныя

имъ лица даже плакали, прося его отказаться отъ протокола; такъ Маштій уладилъ дѣло къ удовольствію властей.

У рѣчки Кунджду мы были привлечены большимъ собраніемъ киргизъ, по другую сторону Мугоджаръ ожидались поминки (такъ наз ась) по богатомъ киргизѣ Иргискаго уѣзда.

«Кандидатъ» хотѣлъ было проститься здѣсь со мною, такъ какъ онъ исполнилъ приказаніе Темирскаго уѣзднаго начальника, доставилъ меня до горы Айрыкъ, и я заплатилъ ему уже за труды и далъ свою карточку на память; но кандидатъ передумалъ, сказалъ, что скоро ему разставаться со мною, что хочетъ передать меня въ надежныя руки, и поѣхалъ на поминки, хотя стѣснялся своей дорожной, а не праздничной одеждой.

Мы переѣзжали Мугоджарскія горы, и навстрѣчу намъ попадались красивыя, горныя вечернія картины.

Послѣ двухъ, трехъ часовъ ѣзды мы перевалили горы и спрашивали во встрѣчныхъ аулахъ, гдѣ мѣсто поминокъ. Намъ указали, и поѣздъ нашъ понесся еще скорѣе, чтобы съ шикомъ подъѣхать къ мѣсту, гдѣ мы должны были встрѣтить множество киргизъ.

Мы подкатили къ кибиткѣ на небольшой горѣ; кругомъ тѣснилось много конныхъ киргизъ, и у входа я поздоровался съ двумя высокими, съ длинными бородами, пожилыми киргизами, богато одѣтыми,—это были распорядители поминокъ.

Съ пригорка вокругъ раскрывалось весьма красивое зрѣлище: въ долину полукругомъ были поставлены до 125 кибитокъ, на берегу протекавшей рѣчки ярко свѣтились въ наступившей полутемнотѣ болѣе 30 костровъ, на которыхъ варились кушанья; все пространство было оживлено народомъ и стадами. Собралось киргизъ до 2000 человекъ.

Для насъ, какъ почетныхъ гостей, устроили вечернее угощеніе; пришелъ и распорядитель поминокъ—богатый киргизъ Чуланъ Карагуловъ.

Начались по обычаю оживленные разговоры и часто обращались съ фразами къ „капидату“, но послѣдній держалъ себя въ этотъ разъ необычно: онъ былъ серьезенъ, отвѣчалъ солидно, видно было, что стѣснялся своей простой одежды, тогда какъ онъ такой уважаемый киргизъ и располагаетъ достаткомъ.

Спустя нѣкоторое время, распорядитель Чуланъ Карагуловъ обратился ко мнѣ и сказалъ: „вотъ этотъ Маштій—почтенный человекъ, у насъ прежде бывали батыри, которыхъ зналъ и уважалъ весь народъ и которые большія дѣла совершали;—и онъ былъ бы у насъ батырь, если бы не русскіе „владѣли нами“.

— Вѣрно, вѣрно, подтвердили эти слова всѣ присутствовавшіе и хвалили Маштія.

Послѣдній оставался скромнѣе, какъ подобаесть истинному величію.

Ему и на этихъ поминкахъ выпалъ случай доказать свое искусство примирять враждующихъ.

Когда мы послѣ этого лежали въ кибиткѣ и вели разговоры, спасаясь отъ жары (въ числѣ гостей были писарь Усылъ-Каринской волости Актюбинскаго уѣзда и одинъ обрусѣвшій кирзисъ), вдругъ послышались крики среди кибитокъ; мы подпрыгнули и пошли смотрѣть, въ чемъ дѣло; говорили, что случилась драка среди киргизъ и дѣйствительно, съ высоты холма мы увидѣли въ центрѣ кибитокъ большую толпу конныхъ киргизъ; въ большомъ смятеніи двигавшуюся туда и изъ сюда. Произошла ссора между наѣхавшими гостями, какъ рассказывали, изъ-за чашки мяса.

Два киргиза заспорили изъ-за чашки и подрались, за каждого изъ нихъ вступились родственники, а за тѣмъ и дальнѣйшіе родичи; вначалѣ киргизы дрались нагайками, а когда мы стали смотрѣть съ высоты холма, они раздѣлились на три партіи и, какъ бы приготовляясь къ сраженію, разѣхались въ разныя стороны; зрѣлище было эффектное; одна сторона хлынула вонъ изъ круга кибитокъ на тотъ холмъ, гдѣ мы стояли и азартно стала тараторить между собою; но вотъ послышались голоса, требовавшіе въ третейскіе судьи моего проводника, моего «кандидата».

Маштій съ самодовольной усмѣшкой сѣлъ на лошадь и поѣхалъ въ центръ кибитокъ; за нимъ тронулась вся партія киргизъ, выѣхавшихъ на холмъ.

Маштій скрылся въ толпѣ киргизъ и долгое время не возвращался.

По состоянію картины, по ослабленію возбужденія можно было предполагать, что драки не будетъ.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени возвратился Маштій и говорилъ, что примирилъ спорившихъ, хотя другіе почему то отрицали его заслугу въ данномъ случаѣ, рассказывали, что киргизы сами собою примирились, когда сосчитавъ численность партій, увидѣли, что онѣ почти равны и что игра свѣчь не стоитъ: никто изъ нихъ не взялъ бы верха и поэтому не стоило начинать драки. Возбужденіе опало, и киргизы разсѣялись по кибиткамъ продолжать угощаться. Тѣмъ не менѣе кандидатъ и здѣсь явился третейскимъ судьей.

Говорятъ, что подобныя схватки случаются нерѣдко среди дикихъ киргизъ разныхъ волостей и оканчиваются нерѣдко убійствами.

Разстался я съ „кандидатомъ» на третій день поминокъ рано утромъ; задолго до разсвѣта разбудилъ онъ меня и сообщилъ, что уѣзжаетъ.

Еще наканунѣ онъ былъ скученъ, продолжительное путешествіе верхомъ на лошади и разлука съ своимъ ауломъ утомили этого батыря по рожденію и побуждали стремиться назадъ; при лучахъ ранняго разсвѣта сердечно простились мы съ нимъ и обѣщали помнить другъ друга; съ просьбой написать уѣздному начальнику о томъ, какъ провожалъ онъ меня, скрылся изъ моихъ глазъ этотъ батырь, который въ другое время предводительствовалъ бы народными полчищами и былъ бы воспѣтъ въ поэмахъ, а теперь безпрекословно, какъ нижній полицейскій чинъ, исполнялъ велѣнія русскаго уѣзднаго начальника, подъ часть, можетъ быть, прихотливья.

XIV. Народное здравіе.

Теперь скажу нѣсколько словъ о народномъ здравіи. Киргизы вообще народъ здоровый, и болѣзни не распространены среди нихъ. Есть только болѣзни, обусловливаемая ихъ бытомъ, а именно: лихорадка, чесотка и отчасти сифились.

Лихорадкой киргизы хвораютъ иногда массами, какъ я убѣдился въ этомъ самъ; распространеніе лихорадки зависитъ отъ рѣзкихъ колебаній климата весной и осенью, когда послѣ дневнаго жара наступаютъ очень холодныя ночи, также отъ кочеваній въ болотистыхъ мѣстахъ, такъ какъ болотныя озера попадаютъ въ области нерѣдко, и отъ другихъ причинъ; отъ рѣдкаго обмыванія тѣла киргизы весьма страдаютъ чесоткой, отъ которой они не знаютъ иногда куда дѣваться; киргизы, живущіе вблизи русскихъ поселеній, менѣе страдаютъ этой болѣзью, потому что знаютъ, что лучшее средство отъ нея — горячая и частая баня. Хотя киргизы по могометанскому обычаю и дѣлаютъ 5 разъ въ день омовенія, но эти омовенія холодной водой ни къ чему не ведутъ.

Въ слѣдствіе сосѣдства съ русскими селеніями и значительной свободы поведенія киргизской женщины у киргизъ встрѣчается и сифились, къ тому же молодые мужья считаютъ за удалство хвастаться невѣрностью передъ женами.

Имѣя высокія представленія о русскихъ, киргизы отъ каждаго проѣзжающаго ждуть вообще всякаго рода объясненій, а также и меди-

цинской помощи, признавая въ русскомъ соединеніе всякихъ специальностей; и русскій, если не удовлетворить ихъ ожиданій, рискуетъ пасть въ ихъ мнѣніи; поэтому можно рекомендовать всякому собирающемуся ѣхать къ киргизамъ и вообще инородцамъ запастись главными медикаментами противъ общераспространенныхъ болѣзней; и сдѣлавъ это, онъ не будетъ раскаиваться, потому что не разъ удастся оказать этимъ бѣднымъ инородцамъ дѣйствительную помощь; киргизы если что и просятъ отъ русскаго, такъ это именно—лѣкарствъ (дарѣ).

Тургайская администрація уже озаботилась устройствомъ фельдшерскихъ пунктовъ въ степи, которые, встрѣтивъ сначала противодѣйствіе, теперь прочно привились, и какъ въ началѣ киргизы упорно отказывались прививать оспу, такъ теперь толпами приходятъ за этимъ къ фельдшерскимъ пунктамъ, представляющимъ изъ себя ту же кибитку киргизскую и кочующимъ вмѣстѣ съ ауломъ.

Но у киргизъ существовали издавна и существуютъ собственные лѣкари-знахари, изъ которыхъ одни лѣчатъ обыкновенными средствами, другіе — съ помощью призванія духовъ; эти послѣдніе лѣкари называются баксы и представляетъ такое любопытное явленіе въ киргизской жизни, что о нихъ стоитъ сказать нѣсколько словъ.

XV. Бансы.

Баксы-кудесники, волхвующіе по стариннымъ языческимъ обычаямъ.

Это — тѣ же шаманы нашихъ сѣверныхъ сибирскихъ инородцевъ: остяковъ, домановъ, юраковъ и самоѣдовъ, какъ извѣстно, обладающіе даромъ непосредственнаго общенія съ духами.

Они гадаютъ, лѣчатъ, ухаживаютъ за сумасшедшими и производятъ различныя чудеса; процвѣтали особенно раньше, когда не было докторовъ.

Много необыкновенныхъ и почти сказочныхъ разсказовъ существуетъ о нихъ, между прочимъ, и въ литературѣ о киргизахъ, но я передамъ только тѣ изъ нихъ, которые пришлось самому слышать на мѣстѣ.

Чтобы производить чудеса, баксы должны привести себя въ возбужденіе, ради чего онъ играетъ на кобызѣ, двухструнномъ, смычковомъ инструментѣ (о немъ я буду говорить далѣе) и постепенно болѣе и болѣе оживляется; при этомъ онъ пѣніемъ призываетъ на помощь пророка и всѣхъ святыхъ.

Здѣсь мы видимъ смѣшеніе двухъ вліяній: съ одной стороны баксы — явленіе языческаго быта, съ другой стороны они подѣ вліяніемъ мусульманства призываютъ пророка и святыхъ.

Когда онъ приходитъ въ неистовство, то можетъ гадать и волхвовать, лизать раскаленное желѣзо безъ вреда; можетъ будто бы вонзять въ свое тѣло ножъ и вынимать съ другой стороны, напр. воткнетъ въ одинъ бокъ, а вынетъ вмѣстѣ съ рукояткой изъ другого; но онъ и другихъ заставляетъ вбивать ножъ въ свою грудь; показавшуюся кровь онъ проглатываетъ; нѣкоторое время онъ ходитъ съ ножомъ въ груди, копецъ котораго виднѣется на спинѣ, затѣмъ вынимаетъ его; можетъ взбираться на самый верхъ кибитки и свѣситься оттуда внизъ головой, держась только пальцемъ ноги; иногда возьметъ опояшется одинъ разъ веревкой и концы ея даетъ тянуть изъ всѣхъ силъ нѣсколькимъ человѣкамъ; эти послѣдніе затянутъ такъ сильно, что талія кудесника дѣлается не толще кисти руки, а баксѣ ничего не дѣлается, или раскалять до красна желѣзную плиту и онъ станетъ на нее босыми ногами, ногизашипать подѣ нимъ, точно жарятся, а баксѣ ничего не дѣлается.

Однажды въ присутствіи киргизскаго уѣзднаго начальника баксы воткнулъ себѣ въ ротъ ножъ, такъ что конецъ его былъ виденъ съ другой стороны, на шеѣ; полилась въ небольшомъ количествѣ кровь, народъ (русскіе), особенно женщины, въ страхѣ разбѣжались; уѣздный начальникъ, давши 15 руб., приказалъ ему прекратить зрѣлище; тогда баксы вынулъ ножъ обратно; въ подобныхъ случаяхъ у баксы кровь течетъ слегка, и стоитъ ему только вытереть рукой мѣсто, откуда течетъ кровь, какъ она приостанавливается.

Баксы все время остается въ разсудкѣ и отвѣчаетъ на всѣ вопросы постороннихъ; въ возбужденномъ состояніи онъ рассказываетъ въ подробностяхъ ходъ болѣзни, отчего она, какое будетъ ея теченіе, какъ кончится, излѣчима она или нѣтъ, какія средства надо употреблять и т. п., иногда самъ даетъ средства.

Въ такомъ состояніи глаза баксы дѣлаются страшными и смотрять такъ пронзительно, что нельзя вынести ихъ взгляда и хочется смотрѣть въ сторону.

Иногда баксы заговариваетъ самый кобызъ и заставляетъ его стоять прямо, на доскѣ, хотя форма кобыза (его кузовъ) не позволяетъ этого.

Былъ будто бы случай, когда баксы очаровалъ присутствовавшихъ и заставилъ ихъ видѣть въ срединѣ себя озеро, въ которомъ плавали золотыя рыбки; баксы велѣлъ каждому поймать по рыбкѣ; когда они поймали, озеро и рыбки пропали, а въ рукахъ присутствовавшихъ оказалась зола.

Откуда такія чудодѣйственныя силы у баксы, киргизы объясняютъ тѣмъ, что ему помогаетъ печистая сила, дѣволъ (джинъ-бѣсъ или шайтанъ-сатана), большею частью такъ называемый акъ шайтанъ (бѣлый сатана); есть и карá-шайтанъ (черный сатана), но этотъ шайтанъ не помогаетъ.

Чтобы быть баксъ, необходимо, по ихъ словамъ, чтобы въ чело-вѣка вселилось 1000 духовъ (джиновъ). Ипогда баксы явно шарлатаня и насилуютъ женщинъ во время лѣченія.

Число баксы сократилось въ настоящее время: съ одной стороны законъ запрещаетъ заниматься шаманствомъ со времени изданія новаго степнаго положенія для киргизъ 1868 г., и появившіеся въ степи доктора особенно возстаютъ противъ баксъ; съ другой стороны муллы проповѣдуютъ, что шаригать (духовный законъ мусульманъ) запрещаетъ гадать, и прямо говорятъ, что грѣшно обращаться къ баксамъ за помощью, и киргизы эти гаданія и чудеса баксъ считаютъ за грѣхъ: Богъ де запрещаетъ узнавать будущее, будущее знали только пророки, которыхъ больше нѣтъ и не будетъ, остальнымъ людямъ знать будущее не слѣдуетъ, поэтому если баксы предсказываютъ будущее, то это съ помощью нечистой силы.

Теперь баксы проживаютъ гдѣ нибудь вдали отъ властей и тайно занимаются своимъ искусствомъ. Это тѣ же наши волхвы, гадалщики и т. п. Имъ не вѣрятъ теперь и сами старики киргизы и гоняютъ ихъ изъ своихъ ауловъ: законъ не велитъ, шаригать запрещаетъ.

Въ Бистамакской волости Актюбинскаго уѣзда Тургайской области, въ 1882 г. одинъ баксы подвергся поруганію и всеобщему осмѣянію.

Одинъ киргизъ, не вѣря баксъ и желая испытать его, притворился больнымъ, велѣлъ женѣ постелить себѣ въ кибиткѣ постель какъ больному, заохалъ, застоналъ, поставилъ около себя чашки съ водою, какъ бы для утоленія жажды и велѣлъ женѣ позвать баксы. Баксы, молодой киргизъ, красивый изъ себя, пришелъ, сталъ играть на кобызѣ и, придя въ возбужденное состояніе, приступилъ къ осмотру больного: началъ ощупывать ему руки, гдѣ пульсъ, икры ногъ, бока и др. части тѣла, ощупывалъ и педоумѣніе не сходило съ его лица: — «что это, какъ будто у тебя нѣтъ никакой болѣзни?» сдѣлалъ вопросъ баксы; больной заохалъ еще сильнѣе, баксы опять сталъ его осматривать и опять сказать: «никакой болѣзни въ тебѣ нѣтъ», больной продолжалъ охать; тогда баксы еще поигралъ на кобызѣ и объявилъ: «нѣтъ, маленькая болѣзнь въ немъ есть, надо его полѣчить;» только лишь онъ принялся за лѣченіе, какъ мнимый больной вскочилъ и, закричавъ баксъ: «обманщикъ»,

началь жестоко бить его ногойкой (камчѣ), толкая вонь изъ кибитки, самый кобызь его схватилъ и изломалъ въ кусочки; поруганный баксы съ тѣхъ поръ такъ и пропалъ куда-то.

Много говорилъ народъ по этому случаю и смѣялся.

Такъ слабѣтъ въ немъ вѣра въ силу баксы.

Многое изъ того, что рассказываютъ о баксахъ, кажется маловѣроятнымъ, но лица, передававшія мнѣ, увѣряли рѣшительно, что всѣ эти рассказы дѣйствительность; въ числѣ этихъ лицъ были русскіе, заслужившіе довѣрія, въ томъ числѣ, напр. уѣздный начальникъ. Несомнѣнно, что здѣсь имѣютъ мѣсто разнаго рода мало изслѣдованные способы психическаго воздѣйствія и изслѣдовать послѣдніе, насколько они присущи баксамъ, было бы интересной задачей.

Я очень хотѣлъ увидѣться съ баксы, но это мнѣ не удавалось, такъ какъ ихъ теперь уже мало; я былъ радъ, когда пашель и купилъ музыкальный инструментъ баксы — кобызь; а черезъ нѣсколько времени доѣхалъ было до самаго баксы (былъ въ 25 верстахъ отъ него и просилъ волостнаго управителя привести мнѣ его, по посланный черезъ сутки возвратился отъ баксы съ отвѣтомъ, что во-первыхъ, у него нѣтъ лошади, чтобы ѣхать, а потомъ, что «уже давно всѣ нечистыя силы удрали отъ него». Онъ, вѣроятно, боялся русскаго и какого-нибудь преслѣдованія и поэтому уклонился ѣхать.

Въ числѣ представленныхъ мною здѣсь фотографій есть два снимка какъ съ самаго баксы, такъ со сцены лѣченія.

XVI. Русская просвѣтительная дѣятельность въ степи.

Большая даровитость киргизъ и способность къ культурнымъ воспріятіямъ доказываются также замѣчательными успѣхами русскаго образованія среди киргизъ, о чемъ стоитъ здѣсь упомянуть.

Русскія просвѣтительныя вліянія въ киргизской степи распространяются двоякимъ путемъ: путемъ дѣятельности миссіи и путемъ организаціи школь.

Православный миссіонерскій станъ въ Тургайской области учрежденъ недавно въ 1892 г. въ г. Кустанаѣ и вызванъ живою потребностью.

Русскіе переселенцы, все болѣе проникая въ киргизскія аулы и будучи обременены нуждою, попадали въ большую экономическую зависимость къ киргизамъ богачамъ и вмѣстѣ съ этимъ стали подвергаться и вліянію среды и мусульманства; забывали свои обычаи и даже вѣру, становились чуть не мусульманами.

Между тѣмъ въ стени уже съ прошлаго столѣтія ведется сильная татарско-магометанская пропаганда благодаря ошибкѣ русскаго правительства, допустившаго распространять исламъ среди киргизъ. Въ настоящее время эта пропаганда оказалась огромной помѣхой для русскаго культурнаго дѣла, и администраціи самымъ серьезнымъ образомъ приходится считаться съ нею, а муллы и учителя открываютъ всюду подвижныя дешевыя школы, такъ называемыя мектебѣ, путемъ которыхъ успѣшно утверждаютъ мусульманскую грамотность.

Ихъ пропаганда не оставила безъ вниманія и русскихъ поселенцевъ и тогда власти увидѣли необходимость имѣть на мѣстѣ миссіонера, который объѣзжалъ бы русскія семейства, въ одиночку разсѣянные по ауламъ и утверждалъ ихъ въ правилахъ вѣры и русскихъ обычаяхъ. Въ лицѣ миссіонера свящ. о. Соколова кустанайскій станъ съ успѣхомъ исполнялъ свое назначеніе и уже насчитываетъ до 50 чел. крещеныхъ имъ киргизъ.

Проповѣдь ведется, конечно, путемъ лишь убѣжденія и въ духѣ кротости и братства къ инородцамъ, причемъ русскимъ поселенцамъ внушается чтобы они жили съ киргизами мирно, честно и въ любви, сами вели хорошей образъ жизни и чтобы черезъ нихъ свяtilось имя Божіе въ стени.

Здѣсь высказываются тѣ начала, благодаря которымъ русская инородческая политика всегда имѣла успѣхъ, — начала терпимости, равенства, снисхожденія къ инородцамъ, которыя были высказаны еще въ Соборномъ Уложеніи Алексѣя Михайловича 1679 г. и не разъ повторялись въ царскихъ и императорскихъ указахъ воеводамъ и губернаторамъ; если прослѣдить исторію распространенія нашихъ владѣній въ Средней Азіи, то окажется, что русское правительство постоянно держалось умѣренности, терпѣнія и снисхожденія къ инородцамъ и этимъ способомъ пріобрѣтало себѣ симпатіи народовъ, и сила вещей сама собою переходила въ руки русскихъ.

Весною 1896 г. изъ Семипалатинской или Акмолинской области бѣжали въ Китайскіе предѣлы нѣсколько сотъ кибитокъ киргизъ; по этому поводу другіе киргизы разсуждали: «Глупые наши киргизы, что бѣгутъ въ Китай. По нашей пословицѣ—народъ русскій это ременная узда (т. е. мягкій), а народъ китайскій—желѣзная узда (т. е. твердый). У насъ всякое дѣло сначала разберуть, а потомъ только накажутъ; а у китайцевъ безъ всякаго суда снимуть голову». («Правосл. Благовѣстникъ» 1896 г. № 9, май).

Сказанныя начала глубоко отличали нашу политику отъ англійской: проф. Красновъ изъ своего послѣдняго путешествія разсказывалъ, что въ

Индии за то, что онъ просто по человѣчески обращался съ Индусомъ, своимъ проводникомъ и однажды посадилъ его вмѣстѣ съ собою въ экипажъ, англійскіе семейные дома закрыли для него входъ къ себѣ.

Если въ нашей инородческой политикѣ были ошибки и замѣшательства, то виновны въ этомъ оказывались чаще мѣстные администраторы, а не основная наша политика.

Еще успѣшнѣе русское просвѣщеніе усваивается киргизами школьнымъ путемъ. Въ Оренбургѣ въ 1896 г. напечатана книга г. Васильева «Историч. очеркъ русск. образов. въ Тургайск. обл.», въ обстоятельномъ изложеніи сообщающая весьма интересныя свѣдѣнія объ успѣхахъ русскаго образованія въ степи.

На призывы русскихъ къ образованію киргизы отзывались щедрыми пожертвованіями въ сотняхъ тысячъ какъ на начальное, такъ и на среднее образованіе, и можно сказать, что образованіе Оренбургскаго края создано въ значительной степени на деньги киргизъ, что тѣмъ замѣчательнѣе, что другіе инородцы, напр., татары, упорно уклоняются отъ русскаго образованія, а башкиры никогда не выказывали подобной готовности на пожертвованія.

Русскимъ просвѣтительнымъ усиліемъ въ киргизской степи почти съ самаго начала пришлось вступить въ борьбу съ татарской мусульманской пропагандой.

Татары еще со второй половины прошлаго столѣтія разсѣялись по киргизской степи въ качествѣ муллъ и торговцевъ и начали дѣятельную пропаганду мусульманства среди киргизъ. Правительство не препятствовало этой пропагандѣ, что было крупною ошибкою его: киргизская степь на долго была упущена для христіанской проповѣди, которая имѣла бы несомнѣнный успѣхъ среди киргизъ-язычниковъ; вмѣсто того среди нихъ укоренилось магометанство, съ которымъ теперь серьезно приходится считаться и бороться русскому правительству какъ не только съ религіозной, но даже и политической силой.

Уже въ первой половинѣ текущаго столѣтія признано было однимъ изъ самыхъ существенныхъ средствъ борьбы противъ мусульманства и укрѣпленія русскаго вліянія—распространеніе русскаго образованія въ степи.

Первымъ учебнымъ заведеніемъ, въ которое былъ открытъ доступъ для киргизъ, является Оренбургскій Неплюевскій кадетскій корпусъ, открытый въ 1825 г.

Въ 1847 г. открыта была въ Оренбургѣ фельдшерская школа, но ей не посчастливилось на первыхъ же порахъ: двое изъ поступившихъ въ школу киргизятъ заболѣли и умерли: одинъ—черезъ три, другой че-

резь 4 мѣсяца. Вѣсть о смерти ихъ быстро разнеслась по степи и была причиною того, что не только не являлось новыхъ охотниковъ поступить въ школу, но и поступившіе уже было въ нее, выбыли то по болѣзни, то по семейнымъ обстоятельствамъ. Это было первымъ доказательствомъ малой пригодности для киргизъ городскихъ школъ съ чуждой и душной для вольнаго степняка обстановкой.

Первымъ заведеніемъ, открытымъ спеціально для киргизъ, была школа для киргизскихъ дѣтей при Оренбургской Пограничной Коммисіи (съ 1850 г.). Въ исторіи этой школы поразительно то, что сама русская администрація считала возможнымъ допустить татарско-мусульманскія основы воспитанія и обученія киргизскихъ дѣтей.

Во главѣ школы въ первое время ея существованія былъ поставленъ татаринъ и въ русской школѣ введено было преподаваніе для киргизъ татарскаго языка.

При такомъ взглядѣ на дѣло, мулла какъ мусульманскій вѣручитель, имѣлъ громадное вліяніе на киргизскихъ дѣтей.

Лишь съ 1879 года начинается замѣтное уллучшеніе школьнаго дѣла въ области.

Въ 1877—78 годахъ Окружный Инспекторъ инородческихъ школъ Катаринскій осмотрѣвъ школы области, нашель и доносилъ пачальству, что въ нихъ происходило ученіе татарско-магометанское подь руководствомъ татарскихъ муллъ, или, что то же, въ нихъ открыты медресе.

Администрація пришла наконецъ, къ сознанію, что инородческое образованіе должно быть основано на русскихъ началахъ. Выразителемъ этого новаго направленія явился Н. Н. Ильминскій, который еще въ началѣ 70-хъ годовъ изложилъ свой планъ инородческаго образованія.

По мнѣнію Ильинскаго, противъ сильно распространившейся среди киргизъ татарско-мусульманской культуры можно дѣйствовать лишь образованіемъ, единообразнымъ и единомушнымъ, — путемъ открытія школъ въ укрѣпленіяхъ и аулахъ и обученія въ нихъ дѣтей, по книгамъ приспособленнымъ къ ихъ пониманію, написаннымъ на ихъ родномъ языкѣ.

Въ школѣ долженъ и въ преподаваніи и даже въ разговорѣ господствовать языкъ киргизскій, а русскій языкъ долженъ быть предметомъ изучаемымъ; главный интересъ обученія инородцевъ состоитъ не въ русскомъ языкѣ, а въ развитіи общечеловѣческихъ понятій, нравственныхъ началъ и убѣжденій и русскихъ симпатій; собственно русскій языкъ, самъ по себѣ, имѣеть второстепенное, хотя важное значеніе.

Въ духѣ взглядовъ, высказанныхъ Н. Н. Ильминскимъ, и была основана въ 1882 году киргизская учительская школа въ гор. Орскѣ,

которая затѣмъ въ 1889 году была переведена въ Оренбургъ и до настоящаго времени снабжаетъ начальными учителями киргизскую степь.

Интересно участіе киргизъ въ исторіи Оренбургской гимназіи: когда возникла мысль объ учрежденіи въ Оренбургѣ гимназіи, было признано справедливымъ обратиться за пожертвованіями и къ киргизамъ наравнѣ съ прочими жителями Оренбургскаго края. Быстро облетѣла по степи вѣсть о сборѣ пожертвованій на гимназію и вызвала въ киргизахъ живое сочувствіе. Сама областная администрація не предполагала такого обильнаго притока пожертвованій; поступленіе ихъ превысило ожидаемую сумму почти въ три раза.

Къ половинѣ 1867 года, за годъ до открытія гимназіи оказалось, что общая сумма пожертвованій равнялась 55,936 руб. 78 $\frac{1}{4}$ коп., тогда какъ помещеніе для гимназіи исчислено было всего въ тысячъ. Сбранной суммой, какъ взноса со стороны киргизъ, не было достаточно для устройства гимназіи, но генераль-губернаторъ призналъ возможнымъ отдѣлить изъ нея 25 тысячъ на устройство въ Оренбургѣ женской гимназіи, въ которой могли бы получать образованіе и дочери киргизъ. Такимъ образомъ Оренбургскія мужская и женская гимназіи почти всецѣло воздвигнуты на киргизскія средства при чемъ сами киргизы сравнительно мало пользуются этими заведеніями: такъ за время съ 1869 по 1891 года мужской гимназіи учились 50 человекъ киргизъ, изъ которыхъ 6 человекъ кончили полный курсъ, а въ женскую гимназію до настоящаго времени не поступало ни одной киргизской дѣвочки.

Также и Троицкая гимназія въ Оренбургской губерніи воздвигнута при значительномъ содѣйствіи киргизъ.

Кстати два слова объ университетскомъ и гимназическомъ образованіи киргизъ. То обстоятельство, что за время съ 1869 по 1891 годъ изъ 50 человекъ киргизъ, обучавшихся въ Оренбургской мужской гимназіи, кончило курсъ только 6 человекъ, а изъ всѣхъ киргизъ не только Тургайской, но и другихъ областей, обучавшихся въ университетахъ съ 1877 г. по 1891 годъ окончило курсъ лишь 6 человекъ и затѣмъ большинство сдѣлались чиновниками даже внѣ киргизскихъ предѣловъ, какъ это видно изъ таблицы въ разсматриваемой книгѣ (стр. 144)—это обстоятельство указываетъ на не пригодность гимназическаго и университетскаго образованія для киргизъ; образовывая инородцевъ, мы должны имѣть цѣлью, чтобы они, получивъ образованіе, сдѣлались полезными дѣятелями и просвѣтителями среди своего же племени, а не то, чтобы превращались въ русскихъ чиновниковъ, которыхъ у насъ и безъ того много.

Вообще тотъ типъ интеллигента, который вырабатываютъ наши учебныя заведенія, мало пригоденъ къ условіямъ киргизской среды, и поэтому многіе сожальютъ о прежней школѣ для киргизскихъ дѣтей, закрытой со времени основанія Оренбургской гимназіи, которая во многихъ отношеніяхъ была приспособлена къ потребностямъ киргизской жизни.

XVII. Аульныя школы.

Въ исторіи русскаго образованія въ Тургайской области слѣдуетъ отмѣтить какъ самое важное явленіе организацію совершенно новаго типа школъ—аульныхъ подвижныхъ школъ, крайне отвѣчающихъ условіямъ кочевого быта. Мотивами къ созданію этого типа школъ были слѣдующія обстоятельства: 1) Сознаніе дороговизны прежнихъ школъ при уменьшившихся средствахъ на образованіе; 2) неудобство для кочеваго быта школъ, приуроченныхъ къ одному пункту, въ силу чего киргизскія дѣти плохо привыкали къ неподходящимъ для нихъ условіямъ обученія; 3) большая распространенность въ степи татарскихъ не затѣйливыхъ школъ—мектебе, преимущество которыхъ было въ ихъ неприскрѣпленности къ одному мѣсту.

Эти туземныя школы—мектебе и послужили первообразомъ для подвижныхъ аульныхъ школъ.

Стоимость ежегоднаго содержанія такой школы исчислено въ 324 руб.

Аульныя школы быстро привились къ киргизскому быту; къ 1 января 1896 года ихъ числилось до 35, а въ теченіи настоящаго года составленъ рядъ приговоровъ сельскихъ обществъ объ открытіи новыхъ школъ.

Аульная школа представляетъ весьма любопытное зрѣлище. Внѣшне представляя ту же кибитку, какъ и другія жилища киргизъ, она и внутри имѣетъ оригинальное устройство: посреди нея стоятъ одинъ или два длинныхъ низкихъ деревянныхъ стола, похожихъ на широція скамейки; кругомъ разостланы ковры, на которыхъ около стола размѣщаются киргизскія дѣти во время ученія, опустившись на колѣни и откинувшись корпусомъ на пятки; книги лежатъ на столѣ; когда учитель-киргизъ изъ окончившихъ курсъ Оренбургской киргизской учительской школы вызываетъ ученика, послѣдній поднимается съ пятокъ, но остается на колѣняхъ и въ такомъ видѣ отвѣчаетъ; школьники не носятъ тюбетеекъ и отпускаютъ себѣ волосы, это первое отличіе инородца-ученика русской школы.

Для посторонняго посѣтителя бросается въ глаза вниманіе и усидчивость, съ какими занимаются киргизята въ аульныхъ школахъ даже лѣтомъ; естественная дисциплина въ школахъ царитъ сама собою, безъ усилій со стороны учителя; учащіеся отвѣчаютъ толково, а нѣкоторые уже правильно читаютъ по русски.

Желаніе учиться у киргизскихъ дѣтей на столько велико, что даже лѣтомъ не тяготятся они заниматься, и прежніе случаи побѣговъ киргизскихъ дѣтей съ началомъ весны изъ городскихъ и вообще не подвижныхъ школъ надобно объяснять не ихъ нерасположеніемъ къ ученію, а не приспособленностью прежнихъ школъ къ киргизскимъ навыкамъ.

Когда школа была перенесена внутрь киргизской среды, киргизы обнаружили явную приверженность къ ученію, и случаи побѣговъ изъ школы уже не повторялись. Ученье лѣтомъ въ аульныхъ школахъ происходитъ, между прочимъ, потому, что каникулярными мѣсяцами припаты для этихъ школъ апрѣль и сентябрь, когда киргизы перебираются съ зимовокъ на кочевки и обратно, и вести ученье тогда не возможно.

Аульныя школы представили изъ себя явленіе на столько удачное, что обратили на себя вниманіе въ сосѣднихъ областяхъ: такъ степной генераль-губернаторъ фонъ-Таубе въ 1891 году просилъ военнаго губернатора Тургайской области сообщить ему подробныя свѣдѣнія объ этихъ школахъ. О томъ же просилъ въ 1896 году и губернаторъ Акмолинской области.

Въ 1894 году Министерство Финансовъ возбудило вопросъ о введеніи аульныхъ школъ въ Уральской области въ виду дороговизны существующихъ тамъ школъ.

Можно съ большимъ вѣроятіемъ ожидать распространенія этого типа школъ вообще среди кочевыхъ народностей и предсказывать имъ большую будущность.

Такимъ образомъ Тургайская область въ отношеніи народнаго образованія занимаетъ передъ другими киргизскими областями передовое положеніе и нѣтъ ничего невѣроятнаго если въ недалекомъ будущемъ въ Тургайской области осуществится повсемѣстное обученіе.

XVIII. Заключение.

Отлагая сообщеніе о музыкѣ и пѣсняхъ киргизъ на вторую часть отчета, въ заключеніе позволяю себѣ изложить тѣ послѣднія впечатлѣнія, которыя я вынесъ изъ поѣздки въ степь, возвращаясь въ Оренбургъ въ іюль мѣсяцѣ.

Оставивъ киргизскую степь, я ѣхалъ послѣдніе 70 верстъ передъ Оренбургомъ русскими хуторами и нѣмецкими колоніями; на пространствѣ этихъ 70-ти верстъ въ теченіе одной ночи мнѣ пришлось видѣть и сравнить три культуры: культуру, если такъ можно сказать, — киргизскую, русскую и нѣмецкую.

Я выѣхалъ изъ послѣдней киргизской станціи подъ вечеръ. Дорога лежала среди слегка холмистой степи, среди свободныхъ еще, незанятыхъ полей; кругомъ былъ разлитъ живительный степной воздухъ; на западѣ горѣла ясная заря, а па другой сторонѣ небосклона уже показывалась луна; только звонъ колокольчика и оклики моего ямщика оглашали степное безмолвіе, да изрѣдка попадались подводы крестьянъ и казачковъ. Была теплая, ясная лунная ночь, когда мы около полуночи добрались до русскаго хутора на рѣчкѣ Донгузѣ.

Среди луннаго полумрака хуторъ казался мнѣ благоустроеннымъ, зажиточнымъ, и я думалъ отдохнуть часть ночи какъ слѣдуетъ. Вхожу въ избу: спертый воздухъ низенькіе потолки произвели первое впечатлѣніе. Сонныя мухи въ безчисленномъ количествѣ покрывали столъ, окна, образа и не беспокоились свѣтомъ лампы. Обитатели уже спали, и одинъ сынъ хозяина встрѣтилъ меня. Я попросилъ приготовить самоваръ. Пока онъ шумѣлъ и успѣлъ надымить въ избѣ, я разговаривалъ съ хозяиномъ:

— Откуда вы переселились?

— Изъ Тамбовской губерніи.

— Какъ вамъ живется на новыхъ земляхъ?

— Да ничево, только срокъ аренды кончается въ этомъ году, не знаемъ, оставить-ли насъ на мѣстѣ, хозяинъ земли.

— Есть ли у васъ грамотные?

— Да у насъ въ роду не было грамотныхъ.

— А что это у васъ такіе низкіе потолки? Вѣдь воздуха мало.

— Ничево, теплѣе когда ниже-то.

— Клопы, тараканы у васъ водятся?—спросилъ я, осматривая грязныя стѣны.

— Нѣтъ, эти нечисти не водятся, слава Богу.

Я успокоился, рассчитывая ночь провести спокойно. Послѣ чая я прилежъ на лавкѣ; кругомъ раздавалось сопѣніе спящихъ.

Но черезъ нѣсколько минутъ я почувствовалъ такія сильныя и дружныя укусы, что понималъ, что отъ сна надо отказаться. Я обратился къ хозяину съ вопросомъ — какъ же ты говорилъ что нѣтъ насѣкомыхъ у васъ? А блохъ-то сколько?

— «Этого-то есть грѣхъ, водится, а чтобы клопы—этова нѣтъ», Богъ милостивъ».

Пробоваль было я сидя въ другомъ мѣстѣ подремать; но дремоту не разъ разгоняль отчаянный крикъ ребенка, съ которымъ мать возилась и не знала что дѣлать: то начинала убаюкивать, то шептать молитву «Господи Иисусе Христе, да что это приключилось съ тобой, голубчикъ мой маленькій? вотъ уже вторую недѣлю ты не даешь покою ни мнѣ, ни себѣ. Либо сглазиль тебя, либо чево»... Ребенокъ не внималь и продолжалъ кричать». Послѣ разспросовъ я убѣдился, что ребенокъ страдалъ диссентеріей, которая была нынѣшнимъ лѣтомъ въ русскихъ селеніяхъ въ степи. Ребенокъ утихъ было, временная тишина воцарилась въ избѣ. Неподалеку лежалъ парень. Вдругъ ребенокъ опять закричалъ, тѣже оханья и причитанія матери. Парень наконецъ, обратился къ ней: «Слушьяка», а отъ этого лѣчать.

— А, вотъ што,... а какъ лѣчать-то?

— Да такъ, бабы, сказываютъ, лѣчать,... мамынька моя знаетъ... подоломъ што-ли, накрываютъ...

Мать промучилась ночь, такъ же и я насилу дождался разсвѣта и радъ былъ поѣхать далѣе. Около шести часовъ утра я остановился въ нѣмецкой колоніи напиться чаю. Другія впечатлѣнія ждали меня. Дома высокіе, чистые, хотя сдѣланы изъ того же матеріала. Вхожу: семья сидитъ за чаемъ и слушаетъ чтеніе, оказывается одинъ изъ присутствовавшихъ читаль псаломъ. Спрашиваю: всѣ ли у васъ грамотны?

— Нѣтъ, только двое знаютъ по русски, отвѣтили мнѣ, я переспрашиваю: всѣ ли вы знаете нѣмецкую грамоту.

— А, нѣмецкую грамоту всѣ знаемъ.

— Земля собственная или наемная!

— Собственная.

Грустныя сравненія получались изъ всего видѣннаго за эту ночь; въ то время какъ у русскихъ на хуторѣ въ роду не было грамотныхъ, у нѣмцевъ всѣ образованы; жилища какъ и киргизъ такъ у русскихъ и нѣмцевъ построены изъ одинаковаго матеріала—землянаго кирпича, но какая разница: у киргиза землянка почти разваливается, съ трещинами, у русскихъ — хотя безъ трещинъ и теплая, но также кривая, косая и тѣсная, у нѣмцевъ же настоящія высокія, чистый и свѣтлый домъ; здѣсь же по близости построено прекрасное помѣщеніе для школы. Какъ различно можно пользоваться однимъ и тѣмъ же матеріаломъ.

Печально думалось о русской женщинѣ, представительницѣ той господствующей націи, которая хочетъ вносить просвѣщеніе въ инород-

ческую среду; хотя она поминала «Господи Иисусе Христе» и принадлежала къ высшей религіи, а киргизка вздыхаетъ со словами «Алла», но разницы между тою и другой въ отношеніи умственнаго и нравственнаго состоянія не замѣчалось: обѣ были одинаково темны и безпомощны.

Рождалась мысль: да можетъ ли эта господствующая нація вносить свѣтъ просвѣщенія къ инородцамъ, когда она сама такъ темна, убога въ своемъ развитіи? И соотвѣтствуетъ ли ей тотъ престижъ, которымъ она пользуется? Ей самой надо просвѣщать и просвѣщать себя...

Но не дадимъ мѣста грустнымъ мыслямъ, а будемъ питать себя лучше надеждами...

И теперь да позволено будетъ мнѣ высказать слѣдующее желаніе. Если мы для инородцевъ, въ томъ числѣ киргизъ, устроили образованіе на такихъ прекрасныхъ основаніяхъ, и если отъ продолженія этого дѣла ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ отказываться, то не забудемъ и себя... Пусть будетъ извѣстно нашимъ обезпеченнымъ классамъ, чѣмъ былъ силенъ исламъ, съ которымъ приходится намъ считаться теперь и чѣмъ распространялъ онъ свое образованіе: у мусульманъ считалось и считается прямо богоугоднымъ дѣломъ отказывать по завѣщанію или жертвовать большія суммы на устройство школъ при мечетяхъ, такъ называемыя медресэ.

Есть еще убѣдительный примѣръ: въ Соединенныхъ Штатахъ среди богатыхъ людей существуетъ благородное соревнованіе въ устройствѣ образовательныхъ предприятий на пользу народа. Пожелаемъ же, чтобы было больше у насъ общественнаго вниманія къ нуждамъ образованія.

С. Рыбаковъ.

15-го марта 1897 года.

ОТДѢЛЪ II.

Матеріалы по нарѣчіямъ инородцевъ Анадырскаго округа, собранные Н. Л. Гондатти ¹⁾).

(См. выше ст. В. Ө. Миллера).

Русскія сл.	Чукчи.	Вутѣэнъ.	Униынъ.	Нууканъ.
Человѣкъ.	Орээтлянъ.	Юхъ.	Юкъ.	Юкъ.
Мушина.	Кляуль.	Юхъ.	Юкъ.	Юкъ.
Женщина.	Неусьхатъ.	Нахсикъ.	Арнакъ.	Арнакъ.
Мужъ.	Уэкусъ.	Юхъ.	Уика.	Уика.
Жена.	Нэанъ.	Нахсикъ.	Нулиха.	Нулика.
Старикъ.	Эпниъсыхынъ.	Наниъхбакъ.	Наныбхаъ.	Анукаракъ.
Старуха.	Эпниэукай.	Нанирчрахъ.	Арнаськуакъ.	Аралькоаракъ.
Дѣвушка.	Неуськаткай.	Нахсыхрахъ.	Арнакъ.	Арнаракъ.
Дѣвочка.	Неэкахай.	Нахсыхрахахъ.	Арнаракъ.	Арнараанака.
Мальчикъ под- ростокъ.	Аачекай.	Нукыльпыч- рахъ.	Мыкыльракъ.	Нукальпйаракъ.
Мальчикъ.	Нинкай.	Тана.	Тарнаракъ.	id.
Ребенокъ.	Нэнэна.	Танарахъ.	Тарнохакъ.	Микиськакъ.
Дѣвушка.	Миргынъ.	Апнака.	Аппака.	Апи.
Бабушка.	Неу миргынъ.	Ныньюка.	Ныньюка.	Ами.
Отець.	Этлинъ.	Анига.	Атака.	Атти.
Мать.	Этля.	Наныка.	Наака.	Ани.
Сынъ.	Экыкъ.	Нуска.	Эрныка.	Эрнара.
Дочь.	Нэкакъ.	Паника.	Паника.	Паниа.
Внукъ.	Эльтлювокай.	Эльтыка.	Эльтувэка.	Эльторака.
Внучка.	id.	id.	id.	id.
Братъ старш.	Энээлэнъ.	Нутчика.	Аниинака.	Аниинака.
„ младш.	Этлэны.	Унвэка.	Уюраха.	Уюри.
Братъ.	Ичьамытум- гынъ.	'Антыка.	Англутка.	Аныльхутыка.
Сестра.	Чакээтъ.	Нукыка.	Найга.	Найхака.
Дядя съ отц. ст.	Индю.	Пагнака.	Ататака.	Анака.
„ „ мат. ст.	id.	Кахна.	Анага.	id.
Тётка.	Етчай.	Аныгыка.	Асяга.	Ачика.
Племянникъ.	Этлюэ.	Эльтыка.	Каныака.	Каныака.
Племянница.	id.	id.	id.	id.
Двоюродный братъ.	Элыгытамытъ.	Анильхутына.	Атталыхутка.	Анутэльбутыка.
Двоюродная се- стра.	Нау элыгытóm- гытъ.	id.	id.	id.

¹⁾ Буквы со значащими произносятся: г какъ русс. г въ словѣ «Господь»; н какъ франц. n въ словѣ «еисоге»; р' какъ р съ придыханіемъ.

Русскія сл.	Чукчи.	Вутээнъ.	Уныынъ.	Нуаканъ.
Тестъ.	Матáлэнъ.	Сякыка.	Сякыка.	Сякыка́.
Теща.	Науматáлэнъ.	id.	id.	id.
Зять.	Энтуульпырь.	Ныныхна.	Нына́ака.	Нына́ака.
Шуринъ.	А́ачекъ матá- лэнъ.	Сякырчека.	Сякерáка.	Сякырака.
Золовка.	Нау такаль- гынъ.	Сякыка.	Агы́ка.	Арна́къ такаль- гыка.
Свояченица.	Нау́схатъ ма- та́лэнъ.	Сякырчека.	id.	Арна́къ сякы- рака.
Если двое же- наты на род- ныхъ сест- рахъ, ихъ зо- вуть.	Такáлыгынъ.	Такáлыгынъ.	Нулэнкальхут- ка.	Такáлыгыка.
Голова.	Лэутъ.	Ачэкахъ.	Наськокъ.	Наяхкока́.
Шея.	Э тынъ.	У́йкака.	Уяко́къ.	Уяконка.
Грудь.	Ма́чö.	Сякымка.	Сакымака.	Чайнка.
Груды у женщ.	Лóльотъ.	Ма́мыхъ.	Ма́макъ.	Абья́къ.
Молоко.	Лóзэрэнъ.		Иту́къ.	Иту́къ.
Животъ.	Нанхынъ.	Акы́ка.	Акса́ка.	Ажéхка.
Спина.	Ка́птинъ.	Ары́хка.	Акса́хка.	Кули́хка.
Рука.	Мыни́йтлинэнъ.	Я́кака.	Тасли́хка.	Тахли́ка.
Нога.	'Гытка́лыгынъ.	И́рыка.	Эру́хка.	Эру́хка.
Макушка.	Каноткынъ.	Какыхчи́ка.	Какха́ка.	Какхака́.
Затылокъ.	Этэнмынъ.	Тумсика́.	Тунусю́ка.	Туню́сюк.
Лобъ.	Кэртéль.	Кэно́къ.	Каго́ка.	Кэпли́аратъ.
Брови.	Рыльвытъ.	Мыты́рьфка.	Мыты́рьфнка.	Каблю́тъ.
Глазъ.	Ляляльхинъ.	Итчи́ка.	И́ська.	И́хка.
Носъ.	Ъкаа́хъ.	Кы́нка.	Кэна́къ.	Кнакъ.
Носовая пере- городка.	Инчу́рмынъ.	Акы́лина.	Нэпра́ка.	Татыка́.
Щека.	Эльпы́тлэнэнъ.	Утлинчи́ка.	Утхпомáка.	Акахка́.
Ротъ.	Ъкы́ргынъ.	Канахъ.	Канка.	Канáкъ.
Зубы.	Рэты́нтэ.	Кы́пта.	Хуты́нка.	Вутéтъ.
Языкъ.	Илы́ль.	У тля.	Улю́ка.	Улю́.
Подбородокъ.	Вуа́лькалэнэнъ.	Тамлика́.	Тамлю́ка.	Тамлю́.
Нижняя челюст.	Вуа́лькальти.	'Аглика́.	Аглю́хка.	Аглю́жокъ.
Ухо.	Вуа́льбóлыгынъ.	Чи́гытыка.	Сю́тха.	Чи́тыхка.
Волосы на го- ловѣ.	Кы́рвэты.	Ю́фхъ.	Ню́яка.	Ну́ятъ.
Коса.	Кыта́льтлинэнъ.	Пе́грася.	Таку́хтыка.	Пяхáтъ.
Усы.	Лэлю́тъ.	У́мка.	Унахы́нка.	Уны́тъ.
Борода.	Вуа́лькальхыр- гытъ.	Вуа́лькалы́ргы- ка.	Тамлы́ма уна́- хы.	Таллю́ра уты́н- ка.
Плечо.	Рельпы́лыгынъ.	Э́схыка.	Ту́ська.	Ту́фъ.
Локоть.	Керва́льтлэ- нэнъ.	Икы́хка.	Ику́ська.	Ику́йкъ.
Кистъ.	Ка́йсвуэанъ.	Нанчы́кыка́.	Тайны́рыка.	А́фпхонъ.
Кулакъ.	Ка́ынмылы́гынъ.	А́сьхихы́й.	Э́хинка.	Айхатъ.
Ладонь.	Ка́грэ́тлэнэнъ.	Пы́тныка́.	Тунáрынка.	Этумы́тъ.
Палець.	Рылы́лылтлэ- нэнъ.	Нура́ка.	Эрну́вуарынка.	Айха́къ.

Русскія сл.	Чукчи.	Вутээнъ.	Уныынъ.	Нуканъ.
Мизинецъ.	Ягът рыльгыль-тлэнэнъ.	Экалькыка.	Экалькѳка.	Акалькѳкъ.
Безыменный.	Рыльгытлэнэнъ или омрыльгыль-тлэнэнъ.	Алэмаякыка.	Алянѳка.	Аткытарукъ.
Средній.	Вуэлэпъ рыльгыльтлэнэнъ.	Кылькѳситака.	Атхилька.	Аткыльнинъ.
Указательный.	Эннандэуатыт-ко рыльгыль-тлэнэнъ.	Тыкыка.	Тыкака.	Тыкакъ.
Большой.	Арыльтлэнэнъ.	Кумлика.	Кумлюка.	Кумлю.
Колѳно.	Граальгынгъ.	Чиньскыка.	Чигьскока.	Чиикѳкъ.
Звѳръ.	Гиньыкъ.	Трыкусякъ.	Трекусякъ.	Тарыкъ.
Олень.	Корана.	Курнахъ.	Койнѳкъ.	Конйѳкъ.
Быкъ дом.	Чемна.	Чимна.	Симна.	Чемнакъ.
„ дикій.	Кэртра.	Кырына.	Кырына.	Кырына.
Важенка дом.	Рэкууть.	Нахсяхыхъ id.	Арнакъ.	Арнакъ.
„ дикая.	Эчвѳгыяхъ.		Тунтуарнакъ.	Эчвѳгыяхъ.
Собака.	Аттанъ.	Капынахъ.	Кэмѳкъ.	Кэмѳкъ.
Бѳлый медвѳдь.	Умка.	Нанурахъ.	Нанѳкъ.	Нанѳкъ.
Бурый „	Кейнынъ.	Пагынарахъ.	Кайна.	Акмякъ.
Волкъ.	Ина.	Канлыра.	Ама.	Кыглюнакъ.
Лисица.	Чельхракокъ или нэчѳляханъ рѳкокальгинъ.	Ильхуа.	Кабѳпигъ.	Кабельнукъ.
Россобага.	Кайперъ.	Капсихъ.	Капсѳкъ.	Капчикъ.
Песець.	Эльгаръ.	Трѳхыхъ.	Катыльрѳ.	Уляхакъ.
Горностаѳ.	Имѳачюкъ.	Амитату.	Амиклюкъ.	Амитату.
Бѳлка.	Раулэнъ.	Раулѳна.	Раулѳна.	Раулѳна.
Куница.	Куничанъ.	Куничя.	Кунися.	Капичѳа.
Рѳчной боберъ.	Пѳлѳтэнъ.	Пѳлѳта.	Пѳлѳхтакъ.	Пѳлѳктакъ.
Выдра.	Нѳнѳтъ.	Нѳнѳта.	Пѳхтохсракъ.	Пѳхтѳксикакъ.
Евражка.	Ильаыль.	Аныкыхъ.	Чикѳкъ.	Кыитакъ.
Дикій баранъ.	Кытѳпъ.	Пнѳхъ.	Пнѳкъ.	Кытѳпакъ.
Мышь.	Пепѳхальгынгъ.	Апсинѳхъ.	Апсинѳхъ.	Абичнаракъ.
Китъ.	Рѳу.	Ахдыхъ.	Ахбокъ.	Ахбокъ.
Бѳлуха.	Пуракъ.	Пуряхъ.	Пуузякъ.	Читуакъ.
Моржъ.	Рыркы.	Айбыхъ.	Айбокъ.	Айбокъ.
Ляхтакъ.	Унналь.	Уучихъ.	Махлякъ.	Махлякъ.
Нерпа-мандарк.	Мѳмѳль.	Альмийтчахъ.	Нахсякъ.	Нахсякъ.
„ пестрая.	Кѳлѳлэнъ.	Катчигьяхъ.	Казигьякъ.	Кукупакъ (sic).
„ крылатая.	Ваылькалѳлэнъ.	Кукупахъ (sic).	Карулэнъ.	Кайрулѳкъ.
Птица.	Эмоатлѳ.	Капкахъ.	Каувакъ.	Тѳхмѳбракъ.
Гусь-казарка.	Итъитъ.	Капкахъ.	Ляхляхъ.	Ляклякъ.
Савка.	Ачѳкъ.	Аалѳка.	Камвакъ.	Ачѳкъ.
Лебедь.	Нѳркукъ.	Нѳркѳмка.	Кѳытъ.	Нѳркукѳнъ.
Вѳронъ.	Вуѳтлѳ.		Мытыхслюкъ.	
Рыба.	Энѳанъ.	Екатлихъ.	Екаслюкъ.	Экаслюкъ.
Горбуша.	Эчѳѳчъ.	Ачю.	Амахту.	Амахту.
Голоць.	Лиынахай.	Экалипѳхъ.	Икахслюпикъ.	Экалюпѳнъ.
Морской быкъ.	Каняольгынгъ.	Кайнирахъ.	Каю.	Экъякъ.

Русскія ол.	Чукчи.	Вутээнъ.	Уныынъ.	Нууканъ.
Комаръ.	Мрэнти.		Нуйна́ракъ.	Нуйну́аракъ:
Оводъ олений-гусеница.	Речвуа́льгынь.		Кума́гытъ.	Кума́къ.
Вошь.	Ма́мэль.		Кумы́къ.	id.
Морская капу-ста.	Мырфо́льгынь.	Калька́тчэхъ.	Элькуа́къ.	Элькиуа́къ.
Домъ.	Яра́ны.	Лю.	Манта́рагъ.	Манта́ракъ.
Байдара.	А тгуагъ.	Аньипих	'Аньякъ.	Анья́къ.
Весло.	Тэвэ́на.	Аньчрэта.	Я́букутъ.	Ану́арунъ.
" рулевое.	Тлятэвэ́на.	Акэ́тахъ.	Акота́хъ.	Ако́арунъ.
" носовое.	Рарэ́ тэвэ́на.	Иныа́хытахъ.	Ию́ахкотахъ.	Чибу́арунъ.
Параходъ.	Глэ́тъ а́тту-лэнь.	Кумыка́ю.	Кума́каюутъ.	Акны́лэкъ.
Вельботъ.	Хай́ этвуэ́тъ.	Анья́сахъ.	Анья́вуахъ.	Кайэ́твунъ.
Нарта.	Ервооръ.	Ка́мса.	Ка́миыкъ.	Кама́къ.
Передовая соба-ка въ нарты.	Яно́тъ а́ттанъ.	Яно́тата.	Марья́хкопа.	Ралильга́вы.
Остоль (палка для управле-ния нартой).	Яары́на.	Яарына́на.	Яарына́та.	Яарына́.
Лукъ.	Ли́ыръ.	Питы́хся.	Орлю́бакъ.	Тчай́ ку.
Копье.	'Онэпы.	Ибхы́та.	Э́нракъ.	Унра́къ.
Ружье.	Ми́льгэръ.	Ми́льгэра.	Чуфлю́бакъ.	Ми́льгэра.
Патронъ.	Мэ́акамъ.	Каатчрэхъ.	Чуфлю́амъ Хо́ра.	Хо.
Порохъ.	Пимпи́нь.	Пимпи́на.	Ха́рина.	А́гра.
Свинецъ.	Рапэ́львунтэ́нь.	Кагрона́хъ.	Хо́хкакъ.	Хо́хкакъ.
Олово.	Койны́лькаль рапэ́ль вунтэ́нь.	Кахси́хрину кагрона́хъ.	Аяка́каюкъ.	Уа́ляхкойни́нь.
Арсенъ.	Ча́атъ.	Япы́рчахъ.	Нахпи́нь.	Наха́пракъ.
Рыболовн. сѣтъ.	Гини́нгынь.	Игы́хпыхъ.	Ниха́хпакъ.	Кубра́сюякъ.
Рыболовный крючокъ.	Черу́ня.	И́хсехъ.	Нэ́крукъ.	Нахси́мкуракъ.
Пологъ въ жи-лицахъ.	О́роны.	И́ни́лихъ.	'Ивля́къ.	Ая́гю.
Наносный лѣсъ.	Номо́тоотъ.	Анкота́.	Унахси́къ ты- пы́хкакъ.	Уна́хсэкъ.
Дрова.	Вутту́тъ.	Кы́тчихъ.	Уна́хсякъ.	Уна́хсякъ.
Котель.	Ку́кэнь.	Кольмы́ры- тахъ.	Кольмы́си.	Кулю́мчи.
Чайникъ.	Пильги́кукъ.	Пильги́кука или калси́грахъ.	Каю́нкляси́къ.	Пирги́лькука.
Кружка.	Койны́нь.	Сяй кой на.	Кайхсэ́къ.	Чай ко́инъ.
Ножъ.	Вуа́лэ.	Ча́быкъ.	Ча́быкъ.	Ча́быкъ.
" мужской.	Рэ́сэтува́ль.	Сябу́хакъ.	Тапси́микъ.	Рэ́сэтува́ль.
" женскій.	На́анвуа́ль.	Кымы́сяхъ.	Арна́мъ са- би́якъ.	Арна́мъ ча́би́а.
Гатка (вродъ то-порика).	'Гаттэ́.	Сяки́та.	Кабу́тытъ.	Каю́нь.
Аутка (чѣмъ скоблять шу-ры).	Энна́нвуэ́нанъ.	Питми́хъ.	Пысхлю́къ.	Яки́рагъ.
Топоръ.	Алига́ттэ.	Алига́тха.	Калька́лима.	Алига́тха.

Русскія сл.	Чукчи.	Вутээнъ.	Унѣынъ.	Нууканъ.
Пила.	Тнэльвыына.	Тэлэвэна.	Тлэнвуэнакъ.	Каплѣронъ.
Молотокъ.	Репэна.	Чѣпа.	Рѣпа.	Рѣпэ.
Моржовая кожа.	Рэпалыгинъ.	Танпыхъ.	Танпакъ.	Аминракъ.
Лахтачя „	Кольталыгинъ.	Ибычахъ.	Аттунакъ.	Аттунакъ.
Нерпичья-ман- дарки.	Тэнойгэнь.	Тамынкыхъ.	Тымкакъ.	Тэмкакъ.
Ремень лахта- чій.	Унэчычсь- хинъ.	Уруохъ или уучима тап- ракъ.	Аттунакъ увѣкъ.	Маклѣкъ кубин- ракъ.
Моржовыя зубы	Вуанкат.	Тухкагый.	Туутыкъ.	Тухкаракъ.
Мясо.	Тэксъхитъ.		Накка.	
Жиръ.	Матханатъ.		Мысэкъ.	
Кость.	Аттаматъ.	Нынахъ.	Нахкуакъ.	Нынратъ.
Куклянка двой- ная.	Ирэнь.	Тыпыга.	Аткука.	Аттыкукъ.
Куклянка верх- няя.	Тыргоча нэ- рынъ.	Качэкутахъ.	Каслика.	Аттыкукъ ка- лікъ.
Куклянка ниж- няя.	Неуса нэрынъ.	Кытчика.	Илюлика.	Илюлэкъ.
Куклянка жен- ская.	Нэанъ нэрынъ.	Нахсигатыпыга	Капысикакъ.	Арнамъ атты- кукъ.
Куклянка изъ кишекъ.	Укэнчи.	Кыгытыхахъ.	Калікъ ахсѣх- такъ.	Чуларакъ.
Куклянка изъ ситцу.	Утисыхынъ.	Манычѣ	Ратамиракъ.	Утисыхынъ.
Женская одѣж- да.	Наукаръ.	Кахлибыкъ.	Кахлибагы.	Кахлюбикъ.
Нерпичьи штаны.	Танойгы хо- наытэ.	Начирагы.	Кохлигихъ.	Тэмкакъ ку- лікъ.
Оленьи штаны.	Налыгы хо- наытэ.	Ситухлиги (sic).	Стухлюуцъ (sic)	Амыкъ.
Женскія штаны мал.	Мака.	Кака.	Какакъ.	Кахлюкъ.
Кожанныя тор- баса (обувь).	Кэмыэтъ.	Акока.	Аковьякъ.	Ибхучікъ.
Оленьи торбаса (обувь).	Панратлэкытъ.	Читухлиги (sic).	Стухлюкъ (sic).	Панраплянытъ.
Поясъ.	Рычитъ.	Талеика.	Тапсика.	Тапсі.
Ожерелье на шеѣ.	Эйнысхынъ.	Уокофра.	Уяхкутака.	Ямилкокъ.
Бисеръ въ ушахъ.	Выльпольхитъ.	Наныкетары.	Копагынка.	Камкахтатъ.
Бисеръ въ ко- сахъ.	id.	Пеграсыгымы наныкетары.	Такухтымъ ако- мылькынэнъ.	Id.
Браслетъ.	Мынгачау.	Нанчика (sic) агыта.	Таньирутытъ.	Тахлиракъ.
Кольцо.	Рэлыгквунъ.	Рэлыгква.	Алянкоэтакъ.	Сильгуунъ.
Палочка въ нос- перегородки.	Эмпот тнаыр- гынъ.	Кэнампутынэй.	Нимрамъ пу- туна.	Какибіарунъ.
Бисеръ въ под- бородкѣ.	Вуамыль кана- курғынъ.	Экамъ пүты- нэй.	Экамъ пүтуна.	Тутакъ.
Бисеръ.	Кэлэлэтъ.	Чунамыныль- катъ.	Чунакыльта- акъ.	Чунадрыгай.

Русскія сл. Чукчи. Вутѣенъ. Уныынъ. Нууканъ.

Бусы.	Куудэлэть.	Чунахъ.	Чунакъ.	Чунакъ.
Гребень.	Мисіонэнь.	Мичунана.	Мисіона.	Мичіонанъ.
Игла.	Титіна.	Пантахъ.	Сікокъ.	Сікокъ.
Нитка.	В'ртрыть.	Вутлѣхтахъ.	Кэйпакъ.	Кэйпакъ.
Жила оленья.	Пилыгэтэнь.	Куяххъ.	Куяхокъ.	Ули.
Наперстокъ.	Вуэлюэль.	Тыкайгахъ.	Тыкакъ.	Тыкакъ.
Трубка.	Койнинъ.	Койнинъ.	Куйна.	Койнинъ.
Табакерка.	Проткоосъхинъ.	Проткоосъха.	Прутку.	Проткукъ.
Шкура вы- ротка.	Кылькауэль- гынь.	Нурахъ.	Нуракъ.	Нурахкакъ.
Шкура пыжика голаго.	Вульгыналь- гынь.	Вульгынальга.	Умыстахахъ.	Амибраракъ.
Шкура пыжика мохнатаго.	Итнэлыгынь.	Тукытаххъ.	Аткахкакъ.	Макахкакъ.
Шкура съ оленыхъ ногъ.	Панратъ.	Чигыхсры.	Каслюхатъ.	Ирутъ.
Шкура со ста- раго оленя.	Кенэлыгынь или нэлыгынь.	Амахъ.	Амэкъ.	А'мэкъ.
Мука.	Пинтэкисьхинъ.	Ублява.	Ублява.	Эплявакъ.
Чай.	Сяй.	Кавъхъ.	Кабкъ.	Сяй.
Сахаръ.	Сяхаръ.	Чакара.	Сакара.	Чакаръ.
Табакъ.	Таахъ.	Тавака.	Тавака.	Тавакэнь.
Спички.	Кеэмэлыгемель.	Начэхсахъ.	Нахсякъ.	Акнитэкъ.
Очки.	Леляквуть.	Кергычи.	Игатыкъ.	Набрасісякъ.
Жирникъ.	Ээкъ.		Кынакъ.	
Солнце.	Тыркытирь.	Окырнахъ.	Чэкэна.	Масакъ.
Луна.	Ильгынь.	Нурахъ.	Танкэ.	Игалокъ.
Звѣзда.	Анатлинэнь.	Нурасяхъ.	Эаликыта.	Игалекатакъ.
Громъ.	Илькэау.	Элькагага.	Кахлюкъ.	Кахлюкъ.
Молнія.	Бнкэргынь.	Навэкляэхтакъ.	Анэхтахтукъ.	А'ннакъ (sic).
Вѣтеръ.	Оо.	Пубахъ.	Анока.	Анокó.
Дождь.	Илииль.	И'пыхъ.	Нэпсюкъ.	Имаранакъ.
Снѣгъ.	Эль эль.	'Аныга.	Аню.	Ани.
Каль (по чук. снѣгъ—каль одного бога)	Э'ль эль.	Анахъ.	Анакъ.	Анакъ.
Ледъ.	Тинтинъ.	Кыбылькахъ.	Сйтку.	Сикутаъ.
Земля.	Нутэсьханъ.	А'ся.	Нунна.	Нунна.
Вода.	Мэмэль.	Мыхъ.	Ммакъ.	Амапйкъ.
Огонь.	Диндинъ.	'Аннахъ.	'Аннакъ.	А'ннакъ.
Море.	'Айкы.	Имыхъ.	Ммакъ.	Иммакъ.
Волна.	Имбэлюнъ.	Имэхлихъ.	Имэхлюкъ.	Инулюкъ.
Бурунь.	Эйсъхинъ.	Кага.	Кагы.	Кэа.
Разсолъ.	Тайотай.		Тарьбó.	Тарьбóкъ.
Берегъ.	'Айка чóрмэнь.	Чинчахъ.	Снакъ.	Кэмчйнинакъ.
Древа.	'Чеа гылинэнь.	Каби.	Кенакъ.	Каувьякъ.
Кошка (геогра- фич).	Картакаръ (рѣч- ная).	Тапхахъ.	Тапхакъ.	Тапхакъ.
	Тэпъ энъ. (морск.).			
Мысь.	Аныткынь.	Тыкыси.	Тыкаракъ.	А'кнакъ.
Гора.	Нэыны.	'Иныхъ.	Наяратъ.	'Иныхъ.

Русскія сл.	Чукчи.	Вутээнъ.	Уныынъ.	Нууканъ.
Камень.	Воквұлыгынь.	Кисяхъ.	Уиракъ.	Уихакъ.
Островъ.	Илиръ.	Кэкахъ.	Кэхкакъ.	'Илиръ (sic).
Озеро.	Гытгынь.	Яйбыхъ.	Найбакъ.	Гытгынь.
Рѣка.	Вуэмъ.	Кұрахъ.	Кэйвукъ.	Куйкъ.
Трава.	Вайлинэнь.	Эбыхъ.	Быкъ.	Эбыкъ.
Корень.	Кэнмылыгынь.	Акахъ.	Акокъ.	Акокъ.
Сѣверъ.	Эйгысхэнь.	Пахчематунга.	Айгоа.	Айгысхэнь.
Югъ.	Айвасъ.	Окурара (если мѣсто близко) и акымна (если далеко).	О'хка.	Ахкокъ.
Востокъ.	Тэркэнэыргынь.	Окырна мытбуга.	Чэкэнык пиктокъ.	Мачакнихъ катэхтукъ.
Западъ.	Тэркэрыргынь.	Окырна юпыбуга.	Чэкэнык тыбыхтокъ.	Мачакъ тыбыхтукъ.
Мѣсто, откуда солнце въ полдень сворачиваетъ.	Амгнотэлонъ.	Нахлитра.	Арнырамжукá.	Арнарáмъ кука.
Заря.	Э'ргыръ оургынь.	Онóумъ мытбуга.	Ахтáракъ.	Арнарáтъ мабхтутъ.
Утро.	'Инга.	Катыхъ.	Унанулюку.	Унуами.
Вечерь.	Вулькаты.	Унувахъ.	Унува.	Унувакъ.
Ночь.	Некита.	Унугни.	Унукъ.	Унукъ.
Вчера.	Айхва,	Эребхакъ.	Акуаъ.	Интлювакъ.
Сегодня.	'Игыть.	И мытынъ.	Матгэнь.	Маттынъ.
Завтра.	Эргатыкъ.	Унраку.	Унами.	Унуаку.
Государь.	Тиркэрэмъ.	Тиркэрма.	Тиркарма.	Тиркэрма.
Начальникъ.	Э'рэмъ.	Түкохъ.	Умиликъ.	Умээлэкъ.
Шаманъ.	Энэнылэнь.	Сягыхтлихъ.	Алильнялгрэ.	Анальюкъ.
Заговорщикъ.	Эуянь.	О'трай.	Канымчулгрá.	Канымчукъ.
Жупанъ (мѣстное значеніе): мущина ходящій въ женской одеждѣ.	Эрккаляуль.	Тыльхахъ.	Арнасэкъ.	Арнасэкъ.
Бубень.	Я'раръ.	Сягыяхъ.	Чауякъ.	Чааякъ.
Старая кость кита, преимущественно нижняя челюсть, и ребра, считаемя здѣсь.	Амёмпынь.	Напáхакъ.	Напáкакъ.	Напáхты.
Игра въ мячъ.	Каплювусву эркынь.	Милёотальхсрай.	'Ахкотанáкотъ.	Анкальсхыры.
Борьба.	Тэйкэуркыть.	Уэрэтьрай.	Тэвамга на́котъ.	Акуль схыры.
Бѣгъ.	Расъвуныркыть.	Тасюнатльрай.	Кильха́конъ на́котъ.	Ахпáль схыры.
Гонка байдаръ.	'Аттуръ элэркыть.	Анъяныхъ ири́нахсуй.	Анъямынь ка́мары́ля на́котъ.	Ано́льга схыры.
Землянки, въ которыхъ прежде жили.	Вуалькарь.	Тлюбыхъ.	Нынлю.	'Энлю.

Русскія сл.	Чучки.	Вутээнъ.	Уныынъ.	Нууканъ.
Весна.	Кыткытыкъ.	Пулыгырахъ.	Опынракъ	Опынракъ.
Лѣто.	Элээлъ.	Путлэхъ.	Кыкъ.	Кэкъ.
Осень.	Гытханъ.	Укыирахъ.	Уксякъ.	Укьюакъ.
Зима.	Лялэнъ.	Сяблихъ.	Уксюкъ.	Укьюмэ.
Русскій.	Мэлыгытанэ- танъ.	Манхуй.	Русимань.	Русигмитъ.
Русскій Ана- дырскій.	Уйгукаулэнъ.		Уйгоккаага- митъ.	
Американецъ	Лэлуьтвалэнъ.	Анъяхпагыъ.	Анъяхпагытъ.	Ануякъ.
Олений чукча	Чаучу.	Корильхй.	Койлыгыкъ.	Койнитлыкъ.
Сидячй	Рамальганъ.	Коритляйха.	Койлыгагэтъ.	Рамагыля.
Береговой жи- тель-осѣдлый.	Анкалэнъ.	Сирагмагыъ.	Снагмитъ.	
Поселокъ у мы- са Чаплина.	Уныынъ.	Унычыхъ.	Унадээхъ.	Унаэкъ.
Житель этого поселка.	Уныылэнъ.	Унычымыра.	Унадзигми.	Унаэрэмйтъ.
Поселокъ у Во- сточнаго мы- са.	Нууканъ.	Нуука.	Нэбокакъ.	Нубукакъ.
Поселокъ къ за- паду отъ Во- сточнаго мы- са.	Уэлэнъ.	Уэля.	Улякъ.	Уэлякъ.
Островъ св. Ла- врентія.	Эйгоэнь или А'йгоэнь.	Чибукахъ.	Чибукакъ.	Чибукакъ.
Островъ Рат- манова.	Ималинь.	Имагликъ.	Имакликъ.	Имакликъ.
Островъ Кру- зенштерна.	Инатлинъ.	Иналикъ.	Иналикъ.	Элэкъ.
Бѣлый.	Нильгыкынъ.	Кахселернухъ.	Катыльрэ.	Кахсюхтокъ.
Черный.	Нуукынъ.	Мамлагиль- нухъ.	Таныльрэ.	Тангыльрэа.
Красный.	Нэсэляханъ.	Кабыгильнухъ.	Кабильнукъ.	Кабильрэа.
Синій.	Вуэлэ.	Согна мыльнухъ	Чумаюрумыль- нукъ.	Танхакъ кыль- хырэа.
Большой.	Нэмээнкынъ.	Аныпалахъ.	Аныльрэ.	Антиювокъ.
Маленькій.	Нэплюхынъ.	Мыкаальсры- хыхъ.	Мыкйстахакъ.	Микаахтокъ.
Толстый.	Нумкынъ.	Лохтыбалахъ.	Слихыльрэ.	Ситлюгокъ.
Тонкій.	Нэйтхынъ.	Амытараль- хрыхъ.	Амыстахъ.	Амитаахтокъ.
Хорошій.	Нэмелькинъ, ме- синкымъ.	Акамахтыхъ.	Пинэхтукъ, итахнахтукъ.	Пинехтокъ.
Хорошо.	Пэтлэ, мэсин- кымъ.	Мэчинка.	Пинэхтукъ.	id.
Скоро.	Экальпэ.	Агнарынъ.	Чука.	Анатумынъ.
Скорѣе.	Эа кальпэ.	id.	Чукаты (sic).	Анатупыгмынъ (sic).
Громко.	Нэмейнэу.	Аноропъ.	Кабыхлютынъ.	Анлинъ.
Тихо.	Мэрэндэ.	Икутаагынъ.	'Яклютынъ.	Эльмэракъ.
Довольно.	Ратаннаунэнъ.	Тайгамъ.	Энтахамамъ.	Таватына.

Русскія.	Чукчи.	Вутээнъ.	Унѣынъ.	Нууканъ.
Нѣтъ (отриц.)	Элоу.	Накау.	Наам.	Намэ.
Нѣтъ (не имѣет- ся).	Уйне.	Абанытыхъ.	Абагнытукъ.	Піптокъ.
Здравствуй.	Бти.	Унрэхтыки.	Тагикуть.	Тыкытукуть.
Прощай.	Тагамъ.	Тагамъ.	Тагамъ.	Тэгэмъ.
Благодарю.	Вуилинька- кунъ.	Вуилинька- кунъ.	Вуилинькакунъ	Вуилинькакунъ
Пора спать.	Мэндэлькят- макъ.	Тааямъ кабых- тля.	Энтарамъ каба- стля.	Кабальта.
Иди скорѣе.	Экальпэкеэт- хы.	Агнарынъ ун- рара.	Чукалютынъ тагы.	Анатумынъ тэ- гы.
Говори громче.	Кмайне уэтха- уркэнъ.	Аноронымъ йга- га.	Кабэхлюты на- кузи.	Анлинъ канра.
Я ѣмъ.	Хымъ тыкамэт- вуаркынъ.	Мна тамрэнек- си.	Хуана нрляна.	Уй нахляконъ.
Ты пьешь.	Хыръ апаур- кынъ.	Эльпы кабре- накатыты.	Эльпыкъ каюн- рысы.	Эльпыкъ каох- лякъи.
Онъ идетъ.	Эльтлонгъ тлер- кынъ.	Ляна пихтыхъ	Эльтна ихлих- тукъ.	Эльтна уилах- такокъ.
Мы спимъ.	Муримчиль- кэеркынъ.	Мыкыта кабре- накасики.	Хуанкута ка- барнакукатъ.	Уанкута кабах- локукуть.
Вы стрѣляете.	Тури реткурк- нитыкъ.	Эльписи питык- синикатысы.	Эльписи чюф- люарны нака- тысы.	Эльписи сэй- корнакакаси- си.
Они гребутъ.	Эртри тэульа- аркытъ.	Лякэ анрэхси.	Эльснитъ аука- анаракутъ.	Эльснитъ та- куаануараа- кутъ.
1.	Эннэнъ.	Аттарасэхъ.	Аттасэкъ.	Аттасэкъ.
2.	Ниряхъ.	Мальхрукъ.	Мальхрукъ.	Мальхрукъ.
3.	Гроокъ.	Пиньюхъ.	Пинаютъ.	Пинаютъ.
4.	Граакъ.	Ситымы.	Стаматъ.	Читагатъ.
5.	Мытлинэнъ.	Тасымыны.	Талигатъ.	Талигатъ.
6.	Эннанмытли- нэнъ.	Ингликъ.	Ахбиндликъ.	Ахбиниликъ.
7.	Граамытлинэнъ	Мальхрунынъ ингликъ йль- рыхъ.	Махара ахбинд- ликъ.	Мальхрунынъ ахбиниликъ.
8.	Амгрооткэнъ.	Пиньюднынъ ингликъ йль- рыхъ.	Пинэинъ инлю- лэкъ.	Пинаюнынъ ах- биниликъ.
9.	Конгасыхин- кэнъ.	Ситымынынъ ингликъ йль- рыхъ.	Стаманынъ ин- люлекъ.	Кольнуротниль- нукъ.
10.	Мынгыткэнъ.	Тасыхта.	Колля.	Коллэ.
11.	Эннэнпароль.	Аттарасэхъ сигъ- на калику.	Аттасэкъсипин- кюку.	Атханиликъ.
12.	Ниряапароль.	Мальхрукъ сигъ- на каликэ.	Мальхрукъ сй- пинкюку.	Мальхрунынъ атханиликъ.
13.	Грооапароль.	Пиньюхъ сигъ- на каликэ.	Пинаютъ сй- пинкюку.	Пинаюнынъ ат- ханиликъ или пинаюнынъ чипнанры.

Русскія сл.	Чукчи.	Вутѣенъ.	Уныынъ.	Нууканъ.
14.	Грааапароль.	Сытымы сйгна калыкэ.	Стамать сипин-клюку.	Акимэа рут-нильнукъ.
15.	Кильгйнкэнъ.	Итхимйнглигъ или Ингликъ сйгна калыкэ.	Акймйакъ или Талимать сипинклюку.	Акймэакъ.
16.	Кильгйнкэъ эн-нэнпароль.	Унгаму.	Акймйамъ атта-сэкъ сипин-клюку.	Ахбинра.
17.	Кильгйнкэъ нй-ряапароль.	Унгамумаль-хрукъ.	Акймйамъ маль-хрукъ сипин-клюку или махара ахбин-дликъ сипин-клюку.	Акимэармынъ малыхру-нынъ. чипи-люку.
18.	Амйрроткэнпа-роль.	Унгаму пивы-юхъ.	Пинэинъ инлю-лэкъ сипин-клюку.	Акимэармынъ пинаюнынъ ахбинйликъ.
19.	Конъасъхин-кэнъпароль.	Унгамусйтъ-линъ или юнарбопилль-нухъ.	Стаманынъ ин-люлэкъ сипинклюку.	Кольнуротниль-нурмынъ чипитокъ.
20.	Кликинъ.	Юунахъ.	Иуйнакъ.	Юинакъ.
21.	Кликыкъ эннэн-пароль.	Юунахъ атта-расэхъ сйгна калыку.	Иуйнамъ атта-сэкъ сипин-клюку.	Юинармынъ ат-тасэкъ чип-нанры.
22.	Кликинъ нйря-апароль.	Юунахъ маль-хрукъ сйгна калыкэ.	Иуйнамъ маль-хрукъ сипин-клюку.	Юинармынъ мальхрукъ чшпитокъ или чипнанры.
29.	Кликинъ кон-асъхинкэнъ пароль.	Юунахъ ситымынынъ йнгликъ йль-рыхъ сйгна калыкэ.	Иуйнамъ ста-манынъ инлю-лэкъ сипин-клюку.	Юинармынъ кольнурот-нильнукъ чи-пнанры.
30.	Кликинъ мын-гыткэнъ па-роль.	Юунахъ тасих-та сйгна калыку.	Иуйнамъ колля сипинклюку.	Юинармынъ колля чипнан-ры.
31.	Мынгытэкъ эн-нэнъ йнрапа-роль.	Юунахъ тасих-та атгара-сэхъ сйгна калыку.	Иуйнамъ колля аттасэкъ сипинклюку.	Юинармынъ ат-ханйлигмынъ чипанйлинъ.
32.	Мынгытэкъ нй-ряхъ йнрапа-роль.	Юунахъ тасих-та маль-хрукъ сйгна-калыкэ.	Иуйнамъ колля мальхрукъ сипинклюку.	Юинармынъ мальхрунынъ атханйликъ.
39.	Мынгытэкъ конъасъхин-кэнъ йнрапа-роль.	Юунахъ юна-рботлиль-нухъ сйгна калыкэ.	Иуйнамъ колля стаманынъ инлюлэкъ сипинклюку.	Юинармынъ кальнурот-нильнурмынъ чшпитокъ.
40.	Нйряхъ кли-кинъ.	Мяльхруюхъ.	Иукмальхрукъ.	Мальхрумъ ипйа.
41.	Нйряхъ кли-	Мальхруюхъ	Иукмальхрумъ	Мальхрумъ

Русскія.	Чукчи.	Вутээнъ.	Уныынъ.	Нуукапъ.
	кинъ эннэнь пароль.	аттарасэхъ сйгна калику.	аттасэкъ сй- пинклюку.	ипиа аттасэкъ чипъанна- клюку.
50.	Нйряхъ кли- кинъ мынгыт- кэкъ пароль.	Мальхруюхъ тасихта сйгна калику.	Иукмальхрумъ колля сйпин- клюку.	Мальхрумъ ипиа колля чипъанна- клюку.
51.	Нйряхъ кли- кинъ мынгытэкъ эннэнь янрапо- роль.	Мальхруюхъ тасихта атта- расэхъ сйг- на каликэ.	Иукмальхрумъ колля атта- сэкъ сйпин- клюку.	Мальхрумъ ипиа атханй- лигмынъ чи- панйлинъ.
60.	Грбоокклэкэнь.	Пиньююхъ.	Юкпинаюуть.	Пинаюомъ ипиа.
70.	Грбоокклэкэнь мынгыткэнь пароль.	Пиньююхъ та- сихта сйгна калику.	Юкпинаюомъ колля сйпин- клюку.	Пинаюомъ ипиа колпэчипъ аннаклюку.
80.	Граакклэкэнь.	Сйтымаюухъ.	Ю'устамать.	Ситамамъ ипиа.
90.	Граакклэкэнь мынгыткэнь пароль.	Сйтымаюухъ та- сихта сйгна калику.	Ю'устамамъ колля сйпин- клюку.	Ситамамъ ипиа колля чипъ аннаклюку.
100.	Мытлэнклэкэнь	Тасимынаюухъ.	Юкталимать.	Талимамъ ипиа.
101.	Мытлэнклэкэнь эннэнь янра- пароль.	Тасимынаюухъ аттарасэхъ сй- гна калику.	Юкталимамъ аттасэкъ сй- пинклюку.	Талимамъ ипиа аттасэгмынъ чипитокъ.
110.	Мытлэнклэкэнь мынгыткэнь пароль.	Тасимынаюухъ тасихта сйгна калику.	Юкталимамъ колля сйпин- клюку.	Талимамъ ипиа коллэммынъ чи- питокъ.
120.	Мытлэнклэкэнь кликинъ па- роль.	Тасимынаюухъ юунахъ сйгна калику.	Юкталимамъ иуйнакъ сй- пинклюку или юахбйндликъ	Талимамъ ипиа. юинармынъ чипиллюку.
121.	Мытлэнклэ- кэнь кликинъ янрапароль.	Тасимынаюухъ юунахъ атта- расэхъ сйгна калику.	Юахбйндлимъ аттасэкъ сй- пинклюку.	Талимамъ ипиа юинармынъ аттасэкъ чип- нанры.
130.	Мытлэнклэкэнь кликынь мын- гытконъ па- роль.	Тасимынаюухъ юунахъ та- сихта сйгна калику.	Юахбйндлимъ колля сйпин- клюку.	Ахбйндлимъ ипиа коллэ- мынъ чипи- токъ.
140.	Мытлэнклэкэнь нйряхъ кли- кинъ пароль.	Тасимынаюухъ мальхруюхъ., сйгна калику.	Юкталимамъ иукмальхрикъ сйпинклюку.	Талимамъ ипиа мальхрумъ, ипианнъ чи- пиллюку.
200.	Мынгытклэ- кэнь:	Тасихтаюухъ.	Юкколля.	Коллэмъ ипиа.

Названія мѣсяцевъ.

Примѣчаніе. Названія мѣсяцевъ, у чукчей и другихъ народностей имѣютъ опредѣленные значенія. Такъ напримѣръ, 1-й значить «Жаркій» аюкъ; 2-ой «важенки рога обдираютъ»—нэргэть—обдирать; 8-ой «холодный»—чэчэнь; 11-й «олени телятся»—гроэ= телятся и т. д. Соотношеніе между суставами, вообще сочлененіями, и головой съ одной стороны, и порядкомъ мѣсяцевъ съ другой—существуетъ только у чукчей; очень немногіе изъ инородцевъ знаютъ названія мѣсяцевъ, и ихъ записываніе было соединено съ большими затрудненіями.

Совпадаетъ почти съ юлемъ.	Чукчи.	Вутээнъ.	Унынынъ.
1—Первый суставъ среднего пальца лѣвой руки.	Аноэлыгынъ.	1. Атлэпымъ нубуга.	1. Капсэхбикъ.
2—второй суставъ.	Тэркылэнаръ.	2. Токатыбыхъ.	2. Тукотырбикъ.
3—третій суставъ.	Нэргэръ, или рэквут-нэтчылгынъ.	3. Корнймъ карлярбуга.	3. Койнымъ кальрэрбиа.
4—кисть.	Эльуэнэй илыгынъ.	4. Тумтымъ карлярбуга.	4. Тумтумъ кальрэрбиа.
5—Локоть.	Яраусэнъ.	5. Арбыхымъ унрэрбуга.	5. Акóмокъ.
6—Плечо.	Аттэлóкэнъ.	6. Канахтыряхъ.	6. Канрыннысй.
7—макушка.	Энплóвлэнъ.	7. Айбурчэхъ.	7. Калюбикъ.
8—плечо правое.	Чáчанлóргынъ.	8. Пйляхъ кратляхъ.	8. Назирахсикъ.
9—локоть „	Лóргыкай.	9. Этлохдыхъ.	9. Трэллохсикъ.
10—кисть „	Лячъ элыгынъ.	10. Ахбыатляхъ.	10. Хлóрбикъ.
11—третій суставъ.	Гро элыгынъ.	11. Какыльгимнубуга.	11. Кымарна.
12—второй „	Кйткитъ элыгынъ.	12. Кучхымъ пинарбуга.	12. Пинарбикъ.
13—первый „	Таутынъ элыгынъ.	13. Кубыхсимытубуга.	13. Эльмрэхбикъ или Кубухсибикъ.

ДѢТСКІЯ БОЛѢЗНИ.

Что же ты стала въ нѣмомъ ступѣни?
Пой ему пѣсню—о вѣчномъ терпѣни,
Пой, терпѣливая мать!

Некрасовъ.

Обмѣните ж братья мои
Найменьшаго брата:
Нехай мате усмѣхнется,
Заплакана мате!

Т. Г. Шевченко.

(До мертвых и живых землякив).

Если мать-крестьянка окажется „немолосной“, т. е., въ ея грудяхъ мало или вовсе нѣтъ молока, новорожденному тогда обязательно вводятъ черезъ рожокъ коровье молоко. Даже при достаточности материнскаго молока всетаки его кормятъ коровьимъ—и для сытости и для того, чтобы ребенокъ спалъ больше, да не мѣшалъ бы матери управляться по дому“. Перестаютъ давать рожокъ и даже грудь въ особыхъ только случаяхъ, когда, напр., дитя „часуетъ“ (т. е., въ ожиданіи смерти кладется въ передній уголь) и когда вскорѣ послѣ рожденія у него откроется „грызь на нутрѣ“. Въ послѣднемъ случаѣ, ребенка угощаютъ дня три соской изъ жеванной моркови и столько же соской изъ жеваннаго ржанаго хлѣба съ сахаромъ.

Рожокъ суется ребенку безпрестанно во всякую пору дня и ночи; съ нимъ онъ спитъ и бодрствуетъ. Молоко для кормленія берется цѣльное, часто смѣшаннаго удоя и всегда перепаривается въ печи. Трехнедѣльныхъ ребятъ уже прикармливаютъ жванной изъ „всячины“ (щами и проч.).

Весьма естественно такимъ образомъ допустить, что приемы практикуемаго въ деревнѣ кормленія грудныхъ дѣтей, радикально расходясь съ совѣтами акушеровъ-гигиенистовъ, оказываютъ вредное вліяніе на развитіе дѣтскихъ организмовъ. Возможно, что упрощенное до нельзя кормленіе разстраиваетъ здоровье новорожденныхъ, которыя сами по себѣ органически склонны ко всяческимъ заболѣваніямъ. Возможно, что именно не свойственная ихъ слабому сложенію діета соски и рожка болѣе всего способствуетъ возникновенію того безспорнаго факта, что крестьянскія дѣти, неуспѣвъ появиться на свѣтъ, уже страдаютъ „грызью на нутрѣ“, невѣроятно кричатъ дни и ночи отъ „грызи пупка“, погибаютъ головки при „кочергупкѣ“, сучатъ ноженками и рученками при „чекотухѣ“; ихъ „бьетъ цвѣтъ“ и схватываютъ судороги „младенчецкаго“; наконецъ, „цвѣтушій творожокъ“, поражая изъязвленіями полости рта, вынуждаетъ младенцевъ отказываться отъ груди и не принимать рожка; истощаясь отъ недостатка корма, малютки чахнутъ, не растутъ и бьются въ „собачьей старости“, пока стерегущая смерть не избавитъ отъ страданій. Только счастливые организмы выживаютъ въ

деревнѣ, сотни же менѣе „задачливыхъ“ младенцевъ гибнуть ¹⁾, муча напрасно матерей, въ конецъ обезпокоившихся нездоровьемъ своихъ дѣтишекъ.

Прислушайтесь, о чемъ толкуютъ межъ собой крестьянки-матери, когда соберутся гдѣ-нибудь. Ихъ разговоръ всегда ужь сведется на дѣтей. Поведутся тогда тревожные распросы о томъ, чѣмъ лѣчить имѣющихся больныхъ, къ кому обратиться за помощью и т. д. Отъ разговора мать не медлитъ перейти къ дѣлу. Съ завидной пунктуальностью пробуетъ примѣнить узананное средство къ своему больному; не удалось лѣченіе, не видно осязательно-скорой пользы, — снова плетется къ сосѣдкамъ за справками или несетъ хворенькаго къ указанной шептухѣ.

И за работой опечаленная мать не перестаетъ думу-думать о томъ, какъ и чѣмъ бы выпользовать „плохонькое свое дите“. Ночь наступить, — нянчится, не смыкая глазъ, съ „обревшейся“ малюткой, утишая ея стоны унылымъ напѣвомъ своеобразной колыбельной пѣсни ¹⁾...

¹⁾ „Колыбельная пѣсня“.

Баюшки-баю,
Колотушекъ надаю,
Колотушекъ двадцать пять,
Будетъ Коля крѣпче спать.
Сонъ ходитъ по лавкѣ,
Дремота по другой,
Сонъ говоритъ,
Дремота спатовки велитъ.
Поѣхали по снопы
На высокой лошади,
Увидали зайку,
Зайку—горностаюку.
Куда намъ бѣжати —
Къ волку на свадьбу,
Къ лисичкѣ на дѣвичникъ?
Волкъ намъ не дядя,
Лисичка не сестричка;
Побѣжали мы къ вѣдьмедю въ баню..
Не отъ пару вошь упала,

Изувѣчилась, изуродовалась;
Посылала вошка блошку
По лѣкарство поскорѣй:
„Лѣкарница—судія
Пожалуй лѣкарства“!
Три дня лѣчу, лѣчу
Легче нѣту..
Тутъ попь—тутъ клопъ,
Пономарь—погребарь,
Дьячки—сверчки,
Мухи голосомъ кричать:
„Помяните рабу—
Сѣру вошку во гробу“!
Пойду я въ кабачекъ,
Выпью на пятачекъ,
Помяну рабу—
Сѣру вошку во гробу:
„Слава Богу околѣла
Всеми міру надоѣла“!

с. Казачинское, Енисейск. окр. 1895 г.

Да и большенькіе ея ребятишки не въ лучшемъ положеніи: ѣдятъ, пожалуй, и много, но „безутишное“ напичкиванье неудобоваримой пищей только обременяетъ дѣтскіе желудки излишнимъ и бесполезнымъ балластомъ; бѣгаютъ они полураздѣтые, полуразутые и въ осеннюю слякоть и въ зимнюю стужу; бѣлишко на нихъ мѣняется всего разъ въ недѣлю...

Но можно ли предъавлять требованіе о дачѣ дѣтямъ лучшей пищи

¹⁾ Такъ напр., на 247 родившихся въ 21 семьѣ, записанныхъ въ Ужурѣ независимо отъ времени, приходится всего 70 оставшихся въ живыхъ, что даетъ на каждую семью 3,2 выжившихъ и 8,4 умершихъ. См. М. Ѳ. Кривошапкинъ—т. II. гл. 1.

тамъ, гдѣ „насушнымъ“ для семьи является все тотъ же традиціонный „хлѣбушко-батюшко“, приправляемый соусами голоднаго воображенія¹⁾; можно ли совѣтывать лучше одѣвать ихъ и опрятнѣй держать тому, у кого покупныхъ средствъ едва достаеъ на то, чтобы одѣть и обусть съ грѣхомъ пополамъ „рабочую“ часть семьи—ея кормильцевъ; можно ли укорять мать за несоблюденіе лучшихъ приѣмовъ кормленія груднаго ребенка, когда видишь, что она ничего не знаетъ о нихъ, потому что никто ей объ этомъ не говорилъ, да и узнавши кое-что, часто, по независящимъ отъ нея обстоятельствамъ, не можетъ выполнить на дѣлѣ въ жизни, полной непрестаннаго труда, мелочныхъ заботъ и лишеній; допустимы ли вообще подобнаго рода претензіи въ отношеніи крестьянской среды? Положа руку на сердце, — конечно нѣтъ. И чѣмъ инымъ объяснить съ виду безстрастно-равнодушное отношеніе „отцевъ-крестьянъ“ къ физическому прозябанію своихъ „дѣтей“, какъ не безотраднымъ сознаниемъ, основаннымъ на личномъ опытѣ и вѣчно повторяющихся фактахъ, укрѣпляющихъ во мнѣніи, что тѣ лишь съ возрастомъ получаютъ устойчивую организацію, кто перенесъ всѣ невзгоды дѣтства. Пусть молъ ко всему привыкають, пусть извѣдаютъ въ началѣ своего земнаго поприща, сколь горекъ путь жизни и съ измальства закаляются для дальнѣйшей борьбы за существованіе.

Можно сказать, что въ деревнѣ каждая человѣческая особь съ колыбели предоставлена самой себѣ и находится, пока не окрѣпнетъ, въ безусловной власти естественнаго подбора. Ничѣмъ не сдерживаемый, этотъ законъ зоологической жизни превращается тамъ въ неумолимаго деспота и убиваетъ безъ сожалѣнія тысячи жизней среди „малыхъ сихъ“. Крестьяне-родители не подготовлены къ борьбѣ съ нимъ, потому что придавлены работой и принижены общественными условіями даже въ сравнительно лучше обеспеченной матеріально Сибири; они лишены возможности приобрѣтать хотя бы элементарныя познанія по медицинѣ, гигиенѣ, педагогикѣ и др. просвѣтительнымъ наукамъ, которыя дѣлають умственный кругозоръ человѣка шире, мысль свѣтлѣе и нравственныя понятія возвышеннѣе. За крестьянствомъ, оставленнымъ при одной школѣ начальной грамоты, все еще таскается горькое и обидное мнѣніе, что оно „темная масса“. И къ сожалѣнію это сущая правда.

¹⁾ Спѣшу оговориться, что это не одно только фигуральное выраженіе. Мнѣ живо помнится премиленькое личико маленькой дѣвочки, дочери сторожа одного роскошнаго парка. Лѣтнею порой какъ-то она вся улыбающаяся играла сама съ собой на крыльчкѣ отценой сторожки, и, между прочимъ, отщипывая крошки отъ ломтика ржанаго хлѣба, быстро клала въ свой ротикъ, приговаривая, что, де, это она съѣла—щи, въ видѣ второй крошки — жареное мясо, за третьей—лапшу и т. п. Подъ видомъ разныхъ кушаній, какія только могла изобрѣсти ея крохотная головка, дѣвочка съѣла затѣмъ еще два ломтика хлѣба.

Всѣмъ долженъ быть извѣстенъ случай (изъ хроники начала, кажется, 80-хъ г.), что бѣднѣйшая часть населенія г. Астрахани вырыла и съѣла испорченную рыбу политую вдобавокъ керасиномъ.—Какія приправы, какого сорта воображенія помогали этимъ несчастнымъ глотать подобную гадость?!

Въ дѣтствѣ я самъ не разъ подвергался, подобно астраханцамъ, искушенію ѣсть отбросы пищи. Мое воображеніе умасливало однажды несуществующимъ масломъ гречневую крупу, которой пришлось питаться нѣсколько дней подрядъ.

Позднѣе (въ 1881 г.) довелось принимать участіе въ добровольной голодовкѣ. Какихъ только заманчивыхъ блюдъ не создавала моя фантазія, обостренная шести-суточнымъ голодомъ!

Но, тогда эта правда въ корнѣ подрываетъ дѣятельность доктора-гигиениста и санитаря народнаго здоровья, а средства ихъ борьбы съ господствующимъ зломъ сводить такимъ образомъ къ числу заурядныхъ палліативовъ. Это такъ. Но на ряду съ дѣятельностями, кладущими въ основаніе стремленія къ излѣченію промаховъ, назрѣвшихъ въ жизни человѣчества, дѣятельность медицинскаго персонала все же будетъ одною изъ благородныхъ, а средства его борьбы съ возрастающимъ растройствомъ народнаго здоровья всегда будутъ признаваться одними изъ рациональныхъ. Прогрессируй рядомъ съ этой дѣятельностью экономическая сторона жизни народа, оставляй она непосредственно въ его рукахъ матеріальныя богатства, совершенствуйся общественныя формы, которыя подымали бы „тёмную массу“ къ свѣтлымъ источникамъ широкаго умственнаго развитія, — плоды отъ нея получались бы въ удесятиренномъ количествѣ и она давала бы болѣе положительныхъ результатовъ.

Измѣнись къ лучшему въ только что очерченномъ направленіи, между прочимъ, жизненныя условія сибирской деревни, можно ручаться, что „отцы-сибиряки“, въ силу велѣнія своихъ любящихъ сердець, съумѣли бы примѣнить болѣе разумныя начала въ дѣлѣ кормленія и воспитанія своихъ „дѣтей“.

Невольно припоминается одна именно такая сильная любовь со стороны родителей-сибиряковъ и такая трогательная попытка „ростить“ дѣтей на иныхъ началахъ, къ несчастью закончившаяся на моихъ глазахъ весьма трагическимъ финаломъ, рельефно иллюстрирующимъ весь ужасъ, получающійся отъ „независящихъ обстоятельствъ“, какими столь чревата современная деревенская обстановка, какія въ большинствѣ случаевъ дѣлають довольно прозрачной мечту объ улучшеніи здоровья крестьянскихъ ребятишекъ.

Въ с. Ужурѣ имѣется семейство Клейменовыхъ. Оно состоитъ изъ молодыхъ еще мужа и жены да сынишка-малолѣтка. Изъ четверыхъ дѣтей, онъ оставался единственнымъ. Послѣднею родилась дѣвочка на другой день послѣ того, какъ мать, проработавъ беременной всю страду, будучи уже „на взносахъ“, подавала снопы, на кладь; дѣвочка была собой очень хилой и черезъ недѣлю съ небольшимъ умерла, оплакиваемая безутѣшной матерью. Эта смерть новорожденной, совпадающая съ періодомъ смерти предшествовавшаго ей мальчика, родившагося при тожественныхъ условіяхъ, показала молодой четѣ, что семейныя дѣла ихъ не совсѣмъ въ порядкѣ и, продолжаясь такъ, могутъ оставить въ лучшемъ случаѣ при одномъ сынѣ, жизнь котораго, понимала хорошо чета, несомнѣнно зависить также отъ массы непредвидѣнныхъ случайностей. Дѣти для крестьянъ всегда желательны: они для нихъ опора и надежда на лучшіе дни. Понятно, что и Клейменовы лелѣяли эту надежду. Поэтому, видя, что дѣти у нихъ „не стоятъ“, безконечно горевали и сѣтовали на свое слючащенное житье. Но, что они могли предпринять и какъ повернуть колесо жизни иначе? Самъ Клейменовъ сирота и выросъ въ работникахъ; жена его была приѣмной дочерью; оба ничего не имѣли... Онъ „женился и зажилъ женою“... Трудолюбіе и бережливость помогли супругамъ сѣсть на свое хозяйство. И дома и на полѣ работало ихъ только двое. Тутъ вотъ и извернись, придумай, какъ оставить беременную жену дома, когда обязательно надо косить и убирать хлѣбъ, чтобы было чѣмъ расплатиться съ податными и прочими платежами. Въ такомъ именно состояніи находились семейныя и хозяйственныя дѣла Клейменовыхъ вплоть до 1893 г. Они снова ожидали прибавленія семейства.

Приходилось иногда толковать съ ними о лучшихъ способахъ

ухода и кормленія грудныхъ дѣтей. Мой товарищъ П. П. предложилъ устроить опытъ. Обладая небольшимъ хозяйствомъ, мы согласились съ Клейменовымъ страдовать совмѣстно, дабы предоставить возможность его женѣ, въ виду ея положенія, оставаться дома. П. кромѣ того убѣдилъ Клейменову, когда явится на свѣтъ ребенокъ, не употреблять рожка, кормить же одною грудью и лишь съ извѣстнаго времени прикармливать коровьимъ молокомъ и проч., что предлагается дг. Андреевскимъ и другими. Сказано — сдѣлано. Мы страдовали. Клейменова сидѣла дома. А когда принесла дочь, строго выполняла уговоръ съ П., т. е., кормила исключительно грудью и начала прикармливать посторонней пищей не ранѣе пяти мѣсяцевъ. Дѣвочка подымалась, крѣпла, полнѣла, криксовъ“ не знала, въ „чекотухѣ“ не горѣла, — словомъ росла „такая, Богъ съ нею“, крѣпонька да веселенька“, какъ говорила мать, и уже стала было ходить вокругъ лавокъ и кое-что лепетать. Все шло, казалось, благополучно до конца лѣта 94 г. — Утромъ какъ-то отецъ ушелъ на паскотину по лошадей; мать, наставивъ самоваръ, вышла доить коровъ; дѣвочка уже играла подъ присмотромъ пятилѣтняго братишка; ползая, она придвинулась къ горячему самовару. отвернула *крантъ*... Затѣмъ произошло то, что уже описано въ изложеніи объ ожогахъ.

Такихъ Клейменовыхъ, желающихъ установить за своими дѣтьми лучшей уходъ, дать имъ лучшее воспитаніе, чтобы выростить ихъ здоровыми тѣлесно и крѣпкими духовной силой, найдется не мало по сибирскимъ деревнямъ. Клейменовыми стало поголовно все крестьянство, если бы не проходили мимо его блага цивилизаціи... Но все остается въ деревнѣ по старому. И это „но“, являясь роковымъ для крестьянскихъ дѣтей, въ связи съ матеріальной нуждой сельскаго населенія и его общественной обособленностью, можетъ быть оказывало въ прошломъ и оказываетъ до сихъ поръ неотразимое вліяніе на тотъ несомнѣнный фактъ, что крестьянство остается замкнутымъ въ кругѣ своихъ воззрѣній на жизнь, своихъ моральныхъ понятій, своихъ взглядовъ на свое земное назначеніе и въ частности на назначеніе женщины, а въ дѣлѣ кормленія и воспитанія потомства придерживается своихъ самобытныхъ правилъ, основанныхъ на цѣлой массѣ суевѣрій и предрасудковъ. И тѣ, на долю которыхъ испоконъ вѣковъ выпадаютъ однѣ земные терніи, мнѣ кажется, иначе не могутъ думать и поступать. Въ области медицинской самопомощи непременно должны ограничиваться „своимъ средствамъ“.

Ихъ примѣняютъ, между прочимъ, и въ отношеніи молодаго поколѣнія, чему постараюсь привести надлежащія доказательства путемъ описанія серіи болѣзней, которыя самимъ народомъ относятся къ разряду дѣтскихъ. Начну съ болѣе общей болѣзни. Ея не минуетъ ни одинъ крестьянскій ребенокъ. Это

1. Дѣтская грыжа. „Отчего она зарождатся у младенца на нутрѣ, не могу сказать. Наружная же приключатся отъ недогляда матери. Когда у ребенка стоитъ на нутрѣ грыжа, она не лѣчитъ и выпускаетъ боль; тогда-то грыжа выходитъ наружу: то прогрызетъ у пупка, то вывернетъ его въ картошку величиной, то объявится въ бочку или пахахъ, то станетъ кишка выходить, когда ребенокъ „чишкать“, — какъ случилось у парнишка, внука старухи. Ожитковой. Ал. Аф. Ананьина.

Грызь на нутрѣ, — нутряна грыжа. Ребенокъ кричитъ и сучить ножками. Отъ прикосновенія къ его животу крикъ усиливается; часто марается и нерѣдко одной слизью. Къ ночи замѣчается ухудшеніе; больной стонетъ, плачетъ и, непереставая, кричитъ, — „ажно за-

ходится“. „Поятъ киноварью, какъ попарять въ банѣ; дѣвочекъ поятъ антимоной; вообще же сосичей сѣрой въ порошокъ, также отваромъ картошекъ-жерновцовъ. Ал. и Н. Дм. Ананьины.

Отъ поноса ребенка поятъ квасцами, церковнымъ виномъ, фамильнымъ чаемъ, морошкой и брусничнымъ сокомъ; дѣтямъ постарше даютъ перекипяченный квасъ.

Для утишенія желудочныхъ коликъ брюшко намазываютъ гущей.

Признается также полезнымъ грудь и рожокъ замѣнять на нѣсколько дней соской по вышеизложенному способу.

Внутрь даютъ антимоной.

Новорожденныхъ поятъ наваромъ колокольчиковъ въ предупреждение того, чтобы „не грызло“; сами беременныя ѣдятъ свѣжіе колокольчики. Ал. Аф. Ан—на.

Грызъ пупка. Воспаленіе пупка.

Прикладываютъ на пупокъ сулему; мажутъ его кровью изъ пѣтушиного гребня: „пѣтухъ пропадетъ, если младенцу выхворатся“, утверждаетъ Н. А—на. Даютъ вн. по немного настоя чечилибухи, отвара телегура. Ал. Трофимова.

Кладутъ на пупокъ въ тряпичкѣ толченый чеснокъ и опоясываютъ вокругъ животика холстомъ, чтобы не свалился. Когда на пупкѣ (смотрѣть надо) появится „черное пятнушко“, чеснокъ надлежитъ снять и пупокъ смазать кор. масломъ. — Ужурь.

Бабушка Хевронья А — на въ этомъ случаѣ „загрызаетъ пупъ“. Младенца несетъ въ баню, моетъ, немного паритъ и тогда „загрызаетъ“. Между бабушкой и матерью ведется такой разговоръ:

Что грызешь? спрашиваетъ мать, наученная бабушкой.

— Пупокъ, отвѣчаетъ та.

— Грызи, грызи горазже, чтобы вѣкъ по вѣкъ его не было, продолжаетъ мать.

— Во имя Отца, Сына и Св. Духа. Аминь. Будьте мои слова крѣпки, лѣпки! заканчиваетъ бабушка и „грызетъ“ (кусаетъ слегка) пупокъ зубами.

Кормятъ въ маленькихъ дозахъ сулемой и пр. средствами, подобно предыдущему.

Паховикъ. Твердые опухоли въ пахахъ (въ родѣ подпазушника), послѣ надрѣванія оставляютъ провалы.

Въ началѣ образованія опухолей толкутъ въ паха пестомъ (Ал. Тр—ва); ушканину прикладываютъ; с. Ужурь.

Выпаденіе задней кишки. Вправляется съ нашептываніемъ туюскомъ, въ которомъ содержится деготь. (Н. А—на).

Задержаніе мочи. Поятъ отваромъ тмина и корней петрушки, Ал. Тр—ва лѣчитъ также, какъ при рѣзачкѣ. См. От. I, № 20.

Недержаніе мочи. Водятъ, или носятъ ребенка мочиться въ въ свиной кожухъ (хлѣвъ).

Протаскиваютъ черезъ хомуть—съ наговоромъ.

Стирая штанишки или рубашенку, бьютъ наотмашъ три раза; тоже — красными чулками.

Заставляютъ топтать горячее помело.

2. Безсонница. Если происходитъ отъ „кочергушки“ „полуночицы“ и т. п. болѣзненныхъ причинъ, то лѣчатъ, въ связи съ этого рода болѣзнями и независимо отъ того; даютъ, напр. внутрь настой мако-

выхъ головокъ, воду, слитую со стѣжковъ, какими только что били свиней, настой №№ 2 и 130, нав. №№ 63 и 69.

3. Грудца подходитъ (стиски схватываютъ). „Младенецъ безпрестанно плачетъ, какъ бы просить ѣсть; поднесешь грудь — не беретъ, щелкать зубами, удушьемъ возмется, — грудца подходитъ“. Топятъ баню, моютъ и парятъ ребенка; надѣвъ распашонку, кладутъ его въ колѣни, передъ тѣмъ какъ спеленать, и смазываютъ съ наговоромъ грудцу мазью № 54. (Ал. Аф. А—на) Ал. Тр—ва называется эту хворь стисками. См. § 4 народ. кормл. груд. дѣтей; отд. II.

4. Дихтерикъ и шарлатина (дифтеритъ и скарлатина). Название ихъ Ужурцы узнали отъ фельдшеровъ. у нихъ же и лѣчатся. Но обыкновенно подобнаго рода заболѣванія для самихъ родителей проходятъ незамѣтными и принимаются за простыя горловые боли, которые стараются устранить очерчиваніями, припарками изъ горлянки и т. п. Само собой разумѣется домашнее лѣченіе оказывается неэффективнымъ и въ результатѣ даетъ значительный процентъ смертности дѣтей. Въ недавнее время придумали слѣд. средство: когда „дита хрипитъ уже, дихтерикъ душитъ его“, къ горлу привязываютъ кусокъ сукна отъ однорядки, смоченный чистымъ спиртомъ. (Н. А—на).

5. Кашель. Лѣчится независимо отъ причинъ, его вызывающихъ. Даютъ настой въ молокъ желтыхъ пѣтушковъ; запариваютъ сушеную малину, анисовое сѣмя, земляничникъ, также настой изюма.

6. Корь. „Такъ изнашиваютъ корь“, т. е. ничего не предпринимаютъ.

7. Кочергушка. Вызывается тѣмъ, что беременная, случается, „пинаютъ ногами свиней“, (Ужурск. вол.). „Младенецъ реветъ, загибать головку назадъ и чахнетъ“.

Спеленавъ, сажаютъ его до трехъ разъ (съ наговоромъ) въ тепленькую печь; д. Логунова. Назаров. вол.

Протаскиваютъ съ наговоромъ же черезъ калачъ пшеничный, нарочно для того приготовленный, который затѣмъ бросаютъ собакъ: отъ мальчика — кобелю, отъ дѣвочки — сукѣ. Л. Кокорина.

Носятъ въ баню, гдѣ всего младенца намазываютъ дрожжами сквашенными съ отрубями и парятъ вѣнникомъ съ наговоромъ. Н. А—на.

8. Криксы. „Какъ полночь младенецъ просыпается, плачетъ и кричитъ до бѣла дня. Случается надъ нимъ оттого, что какъ-нибудь проснется вмѣстѣ съ крикомъ перваго пѣтуха“. Надо носить до 12 разъ „подъ пѣтуха“, т. е., сѣдало — мѣсто сидѣнья куръ, — на вечерней зарѣ и шептать“; (наговоръ не записанъ); Ал. Т—ва.

9. Младенчецко. Болѣе распространенное названіе дѣтскаго родимчика. Самый процессъ проявленія обозначаютъ другимъ терминомъ — „цвѣтъ, или свѣтъ бьетъ“. Дѣтей, часто подвергающихся припадкамъ младенческаго, или падучей (которую съ нимъ смѣшиваютъ), поэтому называютъ „цвѣтными“.

„Младенчецко приключатся, говоритъ Ал. А—на, отъ пепугу“. Когда „бьетъ“ ребенка, то жгутъ передъ нимъ перья, или окуриваютъ малой богородской; накрываютъ чернымъ платкомъ, или вѣнчалной рубахой, а то скатертью изъ-подъ Богородицы“.

Цвѣтныхъ лѣчатъ все равно, какъ отъ испугу, — наговорами и проч.; поятъ (съ наг.) настоями травъ №№ 28, 49, 110 и т. п.

„Запаривашь одну, или двѣ травы — сколько велитъ бабка — и ставишь въ баню либо въ трубу на первый дымъ; послѣ чего бабка шепчетъ надъ ними. поитъ ребенка, либо обливать на порогъ, а то

на печи сирозь ниченки ¹⁾, которы растягивать надъ его головкой“.
Ал. А—на.

10. Не маратся. „Не чишкать“, говорятъ иначе, — стало быть зажигать на нутрѣ“. Запоры бываютъ.

Даютъ ложечку согрѣтаго коровьяго масла; теперь изрѣдка покупаютъ для этого касторовое масло; въ старину поили дрожжами съ порохомъ.

11. Ночной ревъ. Ребенку дѣлаютъ паровую ванну изъ мелкой травы.

12. Переполохъ. Дѣтей поятъ наваромъ травъ №№ 63, 87, 86 и отчитываютъ тѣми же наговорами, что и отъ уроковъ шепчутся.

13. Обмираніе. Обмираютъ дѣти при появленіи на свѣтъ (см. уходъ за новорожденными); обмираніемъ часто сопровождается „младенчецко—цвѣтъ“, паденіе съ высоты, ушибъ, коклюшь и т. д. Обмирающихъ „отрясаютъ“ нося на рукахъ, окуриваютъ богородской малой и проч.

13. Поносъ. Вн. нав. № 712. Средства противъ него тѣже, какія указаны выше. (См. Грызь на нутрѣ).

14. Подопрѣлость. Присыпаютъ бѣлой глиной, толчеными гнилушками, мелко скобленнымъ кирпичнымъ чаемъ и пережаренной мукой.

„Понятно, за чистотой ребенка должна глядѣть, говорить Ал. А—на, сама мать. Случатся однако, что прѣтъ малютокъ заставляютъ бабушки наши. Я видала младенца, у котораго вся головка, шейка и одна бровь, взялись сплошнымъ струпомъ; мнѣ думается оттого, что не чисто промыли на немъ родины, о чемъ должна заботиться бабушка“.

15. Полуношникъ. „Днемъ ребенокъ спокоенъ и даже спитъ за то какъ вечеръ наступитъ, просыпается и съ открытыми глазами все кричить, все кричить; съ инымъ дѣлается это, когда пропоютъ, пѣтухи,—это полуношникъ на ребенкѣ. Съ вечера когда не спитесь ему, несешь на вечернюю зорю; съ полночи просыпается — на утреню“.
Ал. А—на; (см. наг. № 2).

Поятъ настоемъ маковыхъ головокъ, какъ бы отъ бессоницы.

Н. С. А—на отъ полуношника носитъ на вечернюю зорю и читаетъ наговоръ № 13.

Такъ какъ полагаютъ, что полуношнику всегда предшествуетъ переполохъ, озѣвъ, или что-нибудь въ этомъ родѣ, то послѣ ношенія на зоры, лѣкарка ладитъ еще отъ переполоха и т. п.: пошепчетъ то на воду, которой поить, или умываетъ, то на самострѣль, который кладется затѣмъ подъ подушку дитяти, чтобы „отстрѣливалъ“ отънего всѣ „младенчецки скорби и болѣзни“; то на наваръ какой нибудь травы и проч., что признается существенно хорошимъ средствомъ противъ бессонницы, на которую стараются дѣйствовать особо успокоивающими или снотворными надобьями.

Иногда, утверждаетъ Палагея А—на, полуношникъ совпадаетъ съ чекотухой, тогда читаютъ наговоръ отъ чекотуна-полуношника (№ 12); другія наговариваютъ отъ полуношника и особо лѣчатъ отъ чекотухи (см. нагов. № 3 и 14). Кромѣ наговоровъ лѣчатъ также надобьями, указанными выше (см. Бессонница).

15. Прорѣзыванье зубовъ. Когда чешутся десна, даютъ муслить солодковый корень; если поносъ имѣется, даютъ грызть старые пятаки.

¹⁾ Нитяныя части ткацкаго станка, черезъ которыя продѣвается пряжа основы.

17. Родимчикъ. (См. Младенчецко). Вн. нов. №№ 28, 99 и 110.

18. Собачья старость. „Если женщина въ тяжести пинать когда собаку, новорожденнаго будетъ мучить собачья старость“. Ужурск. в.

„Въ собачьей старости младенецъ уже со дня рожденія какъ то чахнетъ, сохнетъ и скоро умирать. Выжившій долго не ходитъ (иной до 3 лѣтъ все не умѣтъ ходить), ножки у него искривлены бывають, животикъ, какъ пузырь, а самъ тѣльцемъ тощей такой да не боской“. Н. А—на.

Опредѣлить собачью старость, оказывается возможно. Надо, говорить, просѣять немного золы черезъ перевернутое вверхъ дномъ сито, распустить въ горяченькой водѣ и процѣдить щелокъ черезъ чистую скатерть въ корыто или сѣяльницу. Тамъ и купаютъ дитя, завернутое въ другой чистой скатерти: послѣ чего въ обмылки высыпають оставшуюся золу, процѣживаютъ снова, золу выжимають и смотрять, не найдется ли въ ней „шерстинки“; если окажутся таковыя, — „собачья старость, значить“. Купанье повторяется; обмылки сливаются уже на свѣжепросѣянную золу, цѣдятъ, выжимають и смотрять, нѣтъ ли щетинокъ; найдутся если, снова выполняется таже процедура, до тѣхъ поръ, пока волосковъ незамѣтно будетъ въ золѣ; тогда мытье заканчивается. На первыхъ порахъ оно, говорятъ, „въ пользу идетъ“. Н. А—на.

Катають по спинкѣ младенца (безъ всякаго наговора) три колобочка изъ тѣста, замѣшаннаго на грудномъ молокѣ и бросаютъ ихъ на сѣденіе кобелю или сучкѣ, смотря какого пола младенецъ. А. А—на.

Большенькихъ сажаютъ ножками въ брюшину только что заколотога барана. Купаютъ въ наварѣ собачьихъ ягодъ. А. Н—на.

Больныхъ носятъ также въ баню со щенкомъ соотвѣтствующаго пола. Тѣльце предварительно смазывается мазью № 63, затѣмъ бабушка, лѣкарка же паритъ вѣшникомъ щенка (съ наговоромъ), а потомъ ребенка, и такъ продѣлываетъ нѣсколько разъ... „Если щенокъ послѣ бани подохнетъ, — младенецъ пойдетъ на поправу“. Щенка, между прочимъ, надлежитъ парить „не вольготно“, а какъ слѣдуетъ, чтобы, такъ сказать, запарить его, иначе больному „полюги“ не будетъ. Пр. А—на, Ал. А—на и друг.

20. Стиски. Подъ ними Ал. Тр—ва разумѣтъ тоже, что замѣчается у младенца, когда „грудца подходитъ“. (См. Грудца).

21. Стѣнь. „Робенокъ чахнетъ, реветъ и не растеть“, говоритъ Ал. Трофимова.

„Поди по дорогѣ (въ улицѣ хотя бы), говоритъ она, съ запада на востокъ и набирай 3×9 селименокъ, которы крестъ-на-крестъ лежать, каждый разъ приговаривая „Господи Иусе“! Селименки сварить надо со свинымъ подорожникомъ, отваръ слить на литовку съ острия до пятки: имъ обливай подъ куринымъ сѣдаломъ, — пособлять. Или

Смѣрь тѣльце робенка, голову, руки, ноги, — всего надо суровой ниткой, завязывая каждый разъ узелокъ; робенка носи къ притвору (съ ниткой въ рукахъ); поставь одной ножкой на порогъ, и немного выше головы надо провертѣть въ двери дыру нонарьемъ (для памяти); ребенка обольешь простой водой надъ квашенкой предъ цѣломъ печки, говоря: „Господи благословесь“! На утро, только затопишь печь, брось эту нитку въ первый огонь, а про себя шепчи: „Какъ эта нитка горитъ, такъ и всѣ хворости пусть у раба божьяго (имя рекъ) сгорать“! Ал. Т—ва отождествляетъ „стѣнь“ „съ собачьей старостью“, „криксы“ съ „полуношникомъ“.

22. Творожокъ цвѣтетъ въ ротикѣ. Это, собственно, про-

стые виды плѣсеницы, или молочницы, весьма обыкновенные у грудныхъ дѣтей. Вышеописанные приемы кормленія, какъ нельзя лучше способствуютъ цвѣтенію творожка.

Творожокъ изъ ротика выскребаютъ просто пальцемъ. Если моютъ дитя въ банѣ, то листикомъ вѣника, или мать своей косой скребетъ; иногда засыпаютъ сахаромъ, мажутъ медомъ въ надеждѣ, что „ребенокъ прососетъ творожокъ со сладенькимъ“; засимъ опять слѣдуетъ дача иногда прокишаго, или плохо выжареннаго рожка, и „безутишно“ продолжается накачиванье коровьимъ молокомъ.

23. Тѣльце цвѣтетъ. „Сыпь такая по тѣльцу новорожденнаго другой разъ бываетъ. Должно отъ мыла же, когда моешь робятъ, приключатся,—къ въ книгѣ вотъ сказано“, замѣтила при этомъ Ал. А—на.

Вообще же происхожденіе сыпи относятъ къ банной приткѣ. Стогается однородными съ послѣдней средствами. (См. банная притка).

24. Уроки, страхи и т. д. Изурочать ли, озѣваютъ (похваляютъ напр.) зворовье дитяти, въ такихъ случаяхъ, говоритъ Ал. А—на, ребенокъ спитъ тревожно, часто просыпается, „вздрагивать во снѣ и попочетъ“; это — „малые уроки съ нимъ“. Но бываетъ, что дитя, „особливо когда испужаютъ его“, совсѣмъ лишается сна, мало ѣсть, или вовсе не принимаетъ груди; „реветъ, точно его рѣжутъ, весь разгорать, мечется; другого почнетъ цвѣтъ бить“; это будутъ „большіе уроки — урочища“. При малыхъ урокахъ „робенка своего напоишь съ трехъ угольковъ, или обольешь чистой водой (безъ наговора) и больше ничего: дитя притихнетъ и уснетъ“. При урочищахъ „лаишь на воду, наговаривашь отъ уроковъ, либо носишь на зорю, ровно бы отъ полуношника, и поишь травами, либо другимъ надобьемъ“. Ал. А—на (см. наг. № 1 и 2).

Василій Бормота ручается, что изуроченнымъ „шибко пособлять“ его наговоръ отъ уроковъ; (см. наг. № 30).

Полагая А—на въ такихъ случаяхъ „на воду ладила“ (съ наговоромъ № 10); ею поила и умывала.

Н. А—на носить отъ уроковъ на зорю; (нагов. № 13).

При общеизвѣстной нервной воспримчивости дѣтей, особенно рельефной и въ первые дни по рожденію на свѣтъ, когда вообще предрасположеніе къ заболѣваніямъ весьма велико,— какъ говоритъ д-ръ Андреевскій ¹⁾, весьма возможно, что ужасающій видъ живаго существа, внезапный крикъ, ударъ и пр. способны вызвать въ нихъ тѣ болѣзненные страданія, на какія указываетъ здѣсь Ал. А—на, какія близко подходятъ, въ остромъ теченіи своею (когда заканчиваются „младенчецкимъ“ и „цвѣтомъ“), къ припадкамъ, напр., дѣтскаго родимчика, признающагося и научной медициной. Но нельзя, конечно, происхожденіе сего послѣдняго и болѣе легкія формы дѣтскихъ недомоганій ставить въ зависимость отъ однихъ только внѣшнихъ причинъ и придавать въ этомъ случаѣ такое сильное вліяніе многообразнымъ „людскимъ озѣвищамъ“, какъ это допускается крестьянствомъ. Доказано, что и помимо ихъ съ дѣтьми могутъ происходить „судороги“, такъ сказать, естественнымъ путемъ, развиваясь на почвѣ аномалій, замѣчаемыхъ въ общемъ строѣ дѣтской организаціи, которая бываетъ крайне несовершенною „въ теченіи перваго года жизни“ ²⁾. Такимъ образомъ уроки и т. п. озѣвища людскія сами по себѣ не будутъ составлять той или иной формы болѣзни, а являются въ отношеніи послѣднихъ только первопричинами,

¹⁾ „Школа здоровья“, стр. 213.

²⁾ Ibidem.

лишь косвенно влияющими на ихъ происхожденія. Это вѣрно и въ отношеніи взрослыхъ и въ примѣненіи къ дѣтямъ.

25. Цвѣтъ. См. „Младенчецко“. Нав. №№ 23, 38, 49, 69, 99, 113 (Отд. I).

26. Чекотуха. „Робенокъ сучить рученками и ноженками, на пятакахъ и подошвахъ красота, ему не спится, — чекотуха съ нимъ“. Ужур. вол.

Избавить отъ нея дитя можно: „надо снять рубашенку, вымочить въ лохани, подойти съ ребенкомъ къ двери, отворить, повѣсить на нее рубашенку, затворить и взапятки уйти на кровать; дѣлается ночью, когда всѣ спятъ. Будетъ ревѣть на другой день, носи къ лѣкаркѣ“ Анна А—на; д. Лугунова, Назар. вол.

Лѣкарки носятъ на зорю, особенно если чекотуха совпадаетъ съ полуношникомъ (наг. №№ 2 и 12) и лѣчатъ особо: чертятъ пяткой веретешка, обмокнутаго въ смолѣ, пятки подошвы, лобъ, темя ребенка съ извѣстными приговорами, какъ поступаютъ А. А—на и Н. Клейменова. (См. наг. №№ 3 и 14).

Опредѣленія жизни и смерти дѣтей. Средствами къ тому служатъ нѣкоторыя травы. Прасковья А—на указываетъ на бѣлую траву (*Ballota lanata* L.). Ал. Трофимова на мелкую траву *Patentilla anserina* L.). (См. Сборникъ, отд. III №№ 1 и 4).

Женскія болѣзни.

Психо-физиологическое состояніе крестьянки, изображаемое сообщеніями Ал. Ананьиной по народному акушерству, непреувеличивая, можно назвать мучительно-тяжелымъ и безотраднымъ.

Не смотря на краткость и нѣкоторую неполноту, сообщенія А—ной, на себѣ не разъ испытавшей „родильныя муки“, все же проливаютъ достаточно свѣта на картину совершающихся въ деревнѣ дѣторожденій, причиняющихъ матерямъ бездну безысходнаго горя и ненужныхъ страданій, въ результатѣ же дающихъ ужасающую сумму безвинныхъ смертей и разбитую жизнь родителей.

Въ этихъ сообщеніяхъ, кромѣ того, нагляднѣе выступаютъ родъ и сущность специально женскихъ болѣзней и становятся понятнѣе причины происхожденія нѣкоторыхъ изъ нихъ, болѣе распространенныхъ среди крестьянокъ, напр.: „болѣтки брюха“, „бѣла и красна грыжа“, „женское безплодіе“ и проч., изложеніемъ которыхъ и закончится послѣдній отдѣлъ Матеріаловъ.

1. Безплодіе. „Кто знаетъ, отчего оно. Бываютъ, портятъ себя еще въ дѣвкахъ черезъ то, что „балуютъ шибко“. Ина забеременѣтъ старатся выжить плодъ, друга хлопочетъ, чтобъ не забрюхатитъ вовсе; вотъ и пьютъ всякіе надобья, ходятъ къ бабкамъ и портятъ себя; по выходѣ же замужъ не носятъ робать; черезъ то даже лѣченье не поспѣвать“.

Предположенія, высказываемыя Ал. А—ной, не смотря на свою односторонность, все же отчасти вѣроятны: въ Ужурѣ имѣется два подобныхъ примѣра.

Къ причинамъ, влияющимъ на полное, или временное прекращеніе женской плодовоспособности, Ананьиной относятъ: а) „перенесеніе неправильныхъ родовъ“; б) упущенія повитухъ при подачѣ помощи родильни-

цамъ, благодаря чему послѣднія всю жизнь потомъ „маются болѣтками брюха; с) „бередъ брюха“ во время беременности, вызывающій затѣмъ выкидышъ, или преждевременныя роды; d) „надсаду“; e) „бѣлую и красную грыжу“, словомъ все то, что и на самомъ дѣлѣ можетъ повредить „плодуху“ и произвести другія измѣненія въ строеніи и дѣятельности половыхъ органовъ женщины.

Справедливость своихъ замѣчаній она подтверждаетъ фактами, изъ которыхъ приведу болѣе подходящіе. Жена Семена Анаѣина принесла первенца (онъ вскорѣ умеръ) и перестала носить отъ того, что „съ родинъ что-то подѣялось“; Матрена Каргополова „имѣла трехъ ребятъ, теперь не носить: бередила сильно, когда ходила беременна первыми двумя“; за мужемъ 9 лѣтъ.

Безплодіе для крестьянки — самое большое мѣсто: въ общемъ хорѣ той среды оно признается „порокомъ“, дѣлающимъ отвѣтственной одержимую имъ женщину; оно является для нея нерѣдко источникомъ моральнаго приниженія, часто безвинно претерпѣваемаго ею въ семьѣ мужа; лишаетъ ее, наконецъ, единственной радости имѣть дѣтей, черезъ которыхъ мать прочно вѣдряется въ семьѣ мужа и получаетъ залогъ утѣшенія и покоя на старости лѣтъ. Поэтому каждая изъ замужнихъ, намѣренно, или случайно лишившаяся способности къ дѣторожденію, всѣми, силами стремится возстановить ее и всѣ „средства“ испробуетъ.

Чтобы носить робятъ. Для этого пьютъ навары травъ: нутреца, теплыжника и травы чиръ и правятъ животъ у лѣкарокъ. Такъ лѣкарка Монакова дѣлала той женѣ Семена 12 бань, правила животъ, поила наваромъ травы чира и извередной, послѣ чего будто-бы (хотя достовѣрный фактъ) забеременѣла и принесла парня на десятомъ году своего безплодія; спустя годъ принесла другого. Жена Трофима Ан—на имѣла 6 ребятъ (4 живыхъ); за послѣднимъ перестала носить, что длилось 9 лѣтъ; лѣчасъ, она родила (въ 90 г.) парня, а въ 93-мъ—дѣвочку; оба живы. Жена Луки Ал. А—на по выходѣ замужъ не носила дѣтей 9 лѣтъ; употребляла внутрь наваръ корней теплыжника, по совѣту лѣчившей ее бабушки (которая „накидывала ей горшокъ“ на животъ, ровно бы отъ надсады, пользовала банями и кое-чѣмъ другимъ, мнѣ неизвѣстнымъ), Анаѣина, не болѣе 5 лѣтъ назадъ, принесла послѣ того четверыхъ дѣтей, изъ которыхъ два въ живыхъ. Съ той же цѣлью пьютъ наваръ нутреца. Какъ болѣе поразительный примѣръ того, что лѣкарки своимъ лѣченьемъ и надобьями могутъ иногда вызвать, или вернуть способность къ дѣторожденію, Ал. А—на привела случай съ женой Василья Сураза.

„Она, говорила, сошлась съ Васильемъ молоденькой; 16-ти лѣтъ забеременѣла; года не вышли—попъ не сталъ вѣнчать; она принесла. Василій сложился съ ней и сталъ жить, какъ мужъ съ женой; ребенокъ же умеръ и дѣтей больше не было. Долгое время жили невѣнчаны; собравшись съ денжонками, повѣнчались. Баба начала лѣчиться, черезъ то стала носить робятъ: не въ долгихъ тутъ (черезъ 17 лѣтъ послѣ перваго) принесла мальчика и дѣвочку (умерла)“.

Иныя, говоритъ Ал. А—на, „ради этого пьютъ пуповину, которая отпадать у робятъ; запарятъ въ чайникъ и эту срамну воду пьютъ“. Однако питье пуповины не принесло желанныхъ результатовъ женѣ Алексѣя Ан—на, которая сначала замужества, около 11 лѣтъ, не имѣетъ дѣтей. Такихъ абсолютно-бездѣтныхъ, сравнительно еще молодыхъ женъ, быть можетъ столь же тщетно дѣлающихъ попытки имѣть дѣтей черезъ лѣченіе,—Анаѣина насчитала до 11.

Но рядомъ съ такими стремленіями женщинъ существуютъ явле-

нія иного порядка: секретными средствами успѣваютъ, будто, добиться того.

Чтобы не носить робятъ. Подобное желаніе въ замуженной крестьянкѣ на первый взглядъ совершенно немыслимо, а если что и практикуется въ этомъ смыслѣ, то развѣ дѣвущками по извѣстнымъ только имъ мотивамъ. Какъ бы то ни было, но средства къ выполнению подобнаго намѣренія, утверждаютъ, есть. Соломонида А—на (уроженка д. Марьясовой, по рч. Черешѣ) передавала, что односельчанки указывали ей на траву ладошки *Orichis militaris* S.), корешки которой предохраняютъ отъ беременности на 1—5 лѣтъ, смотря по тому, съѣшь ли одинъ корешокъ или пять. На сколько это указаніе вѣрно, она не знаетъ.

Чтобы выжить робенка. При подобномъ желаніи пьютъ, говорятъ, порохъ, сулему и пользуются совѣтами бабушекъ.

Для предупрежденія уничтоженія плода поятъ наваромъ роснаго ладона.

2. Бередь брѹха (живота). „Бередилась“ — тревожила, ушибла чѣмъ нибудь животь. Бередь брѹха можетъ произойти отъ удара въ животь, отъ сотрясенія при паденіи, отъ натуга и т. п. причинъ и случайностей. Бередить брѹхо для женщины особенно опасно въ періодѣ беременности. Отъ этого, говорятъ, можетъ послѣдовать выкидышъ или преждевременныя роды и все такое, отъ чего всю жизнь потомъ будешь „маяться болѣтками. Когда „потревожишь себя, слѣдуетъ сейчасъ же начать пить извередну траву, либо уразный звѣробой, позвать духтарху, чтобы растирала брѹхо и прочее, что дѣлать нужно“. Ал. Ан—на.

3. Болѣтки брѹха. Это общій терминъ, которымъ имѣется въ виду показать, что не все въ порядкѣ на „нутрѣ“. По отношенію къ женщинѣ онъ почти всегда означаетъ, особенно въ послѣ-родовомъ состояніи, страданія, главнымъ образомъ половыхъ органовъ. Если нѣтъ явныхъ признаковъ болѣзни или просто не поддаются опредѣленію, то обыкновенно говорятъ: „болѣтки каки-то все ходятъ; то спустятся ниже пупка, то подкатятся... Попьешь чего-нибудь,—пріотдасть маленько, на часъ полегчатъ“. Когда же болѣзнь вполне извѣстна, но нежелаютъ разглашать женскія секреты, то говорятъ также односложно, въ родѣ того, что „не брѹхатить,—болѣткамъ мается“, хотя потомъ окажется, что у ней, напр., „плодуха опустилась“ или „залевница“ имѣются и т. п.

Лѣчение женскихъ болѣтковъ производятъ, сообразуясь съ положеніемъ и характеромъ ихъ. Вообще же при „болѣткахъ брѹха“, говорятъ, можно пить „безбоязненно“ девятильникъ, и другія растенія, поименованныя въ этомъ отдѣлѣ женскихъ болѣзней.

4) Груднїя женскїя (титки). Забрусенїе грудей—грудница, — вѣтреннїй переломъ. Сопровождается одервенѣлой припухлостью одной, или обѣихъ титекъ, ломотой въ нихъ и остановкой молока. Послѣднее, зависимое отъ нѣкоторыхъ болѣзней и случайностей,—испуга и т. п., — само по себѣ производитъ забрусенїе грудей. Название „вѣтреннїй переломъ“ присоединяетъ еще одну причину, — простуду, оказывающую вліяніе на образованїе „забрусенїя—грудницу“, имѣющую много сходнаго съ „грудницей“, описываемый д—ромъ Андреевскимъ (стр. 762).

Ал. А—на лѣчитъ грудницу наговоромъ № 6; Пал. А—на, — какъ отъ „вѣтреннаго перелома, наговоромъ №№ 10—11. Кромѣ того дѣлаютъ втиранїе мази № 62; прикладываютъ листья бѣлены, какъ Ефр. Гокорина; примѣняютъ припарки изъ свѣжаго, также сухого звѣробоя, какъ Н. Клейменова, которой привелось хворать грудницей послѣ описанной выше смерти ея дочери.

Испугъ, вызванный ожогомъ дочери, мученія отъ сознанія своей

вины въ страданіяхъ ребенка и его смерти, а также неожиданная приостановка въ кормленіи грудью,—вся эта совокупность „непредвидѣнныхъ обстоятельствъ“ отразилась на бѣдной матери въ формѣ забрусѣнія одной изъ грудей.

Послѣ припарокъ изъ лугового звѣробоя на груди образовался провалъ, изъ котораго вышло „много дури“; затѣмъ опухоль опала, ломота „утишилась“ и Кл—ва скоро поправилась.

Нарывы на грудяхъ. Сн. припарки лугового звѣробоя; листья воронца, бѣлены, мазь № 62.

Свищи. Снаружи втирается мазь № 62.

Соски трескаются. Мажутъ свѣжими сливками, а изрѣдка перестаютъ сосить ребенка.

Язвы титекъ. Сн. мазь № 51, или пластырь № 73.

Слаботитѣе. Млечотеченіе ¹⁾, — „отъ него нѣтъ лѣченія, развѣ что чаще отчиркивашь молоко“. Ал. А—на.

Туготитѣе. Объясняютъ недостаткомъ молока въ грудяхъ пьютъ отваръ сѣмянъ аниса. Анна Д. А—на.

Б. Дѣланныя родовыя муки. Происходятъ будто бы съ женщицами небеременными и даже съ мужиками оттого, что ихъ „могутъ дѣлать,—есть таки люди“; избавиться отъ нихъ можно, если найдешь того, кто „снять сможетъ“. Бабушка Хавровныя.

6. Женская грыжа. (См., грыжа отд. I).

Бѣла грыжа. Странаніе бѣлями.

Внутрь мелко-истолченный хрусталь съ водой, или коноплянымъ молокомъ. Н. А—на.

Внутрь водочный настой сулемы.

Отваръ волосянки женской и наваръ № 121.

Красна грыжа. Вѣроятно тоже, что д-ръ Андреевскій (стр. 933) обозначаетъ словами: „слишкомъ обильныя мѣсячныя очищенія и кровотеченія изъ матки“. Для крестьянокъ очевиденъ только фактъ кровотеченія—„залевища“, происходящаго въ необычное время и въ обильномъ количествѣ, независимо отъ того, чѣмъ онъ вызывается, изъ какихъ частей „родовъ“ исходить. По длительному характеру и „грызущимъ“ свойствамъ эта боль, какъ и бѣли, относится къ одному изъ видовъ грыжи; по внѣшнимъ же ея признакамъ—теченію „красокъ“—прибавляютъ эпитетъ „красной“.

При красной грыжѣ употребляются: настой женской волосянки, отваръ № 44, навары №№ 54, 70, 76 и 121.

Залевища. См. краски.

Золотникъ. „Матка опускается къ лунѣ“, говоритъ Ал. А—на въ видѣ поясненія того, что значитъ—хворать золотникомъ. При этомъ слышна „боль у пупа“; она даетъ роженницѣ ни ѣсть, ни спать; какъ ребенка сосить такъ въ жаръ бросать, къ сердцу и бокамъ болѣтки подступаютъ: оттого что которыя бабки „не правятъ брюхо съ родинъ“. Болѣзнь эта не у каждой приключается, по человѣку глядя тоже: которыя „брюхомъ крѣпки“, тѣ встаютъ на другіе, или третьи сутки иробятъ.

Отъ этой боли бабушки правятъ животъ. Утромъ поправятъ, подвяжутъ рукотерникомъ брюхо пониже пупка, а вечеромъ опять поправятъ и такъ до 3—6 дней; поятъ еще наваромъ № 141 или 146.

Говорятъ еще

Плодуха (матка) опустилась. Отъ надсады, или другихъ причинъ. Употребляется отваръ теплыжника. Н. А—на.

Рванины. Замѣтное припуханіе венъ (шишки) на ногахъ, жи-

¹⁾ Андреевскій, стр. 764.

вотъ и др. частяхъ тѣла, часто случающееся у беременныхъ; нерѣдко шишки мѣстами прорвутся (пропускаютъ) и истекаютъ кровью; отсюда названіе боли — „рванины“.

Средства для лѣченія рванинъ весьма ограничены. Пытаются предупредить „набуханіе жилъ“ тѣмъ, что мажутъ пораженныя части мѣстомъ отъ перваго своего ребенка; кровь откроется — заговариваютъ (см. заговоры №№ 20 и 21), или „перетягиваютъ жилы тесемкамъ“; дѣлаютъ также припарки изъ камчака. Ал. А—на.

„Нельзя глядѣть на женщину, у которой есть рванины: у самой будутъ ояѣ“, — Ужур. вол.

„У нашей невѣстки, говорила Ал. А—на, рванины завсегда живутъ, даже въ просто время; когда ходитъ въ тяжестяхъ, нагрубаютъ шибчай, на ногахъ и животѣ дѣлаются шишки; ходитъ и робитъ уже трудно тогда ей. Разъ мылась это она въ банѣ; зашла туда Д. Б. и тоже стала мыться; увидала это невѣстку, испужалась и говоритъ: зачѣмъ это меня чертъ занесъ сюда, прости Господи! Срамно-то глядѣть на тебя, Маланьюшка“. — Недомышлись убѣгла.. Что-же? Послѣ того сама мучилась рванинами.

Рѣзачка	{ Порченная и Непорченная. Верховой	См. грыжи, отд. I.
Хомутъ		
	{ и Нутряной.	Ibidem.

7. Краски. Подъ ними разумѣютъ обычныя и необычныя мѣсячныя очищенія и различнаго рода кровотеченія изъ „родовъ“. Когда краски открываются, или прекращаются въ необычное время, или же становятся слишкомъ обильны и переходятъ нерѣдко въ „залевица“, — это вызываетъ серьезныя опасенія и заставляеть крестьяноку стараться какъ-нибудь упорядочить ходъ ихъ.

Брюхо вздыматъ. Ал. Ан — на предполагаетъ, что это бываетъ „отъ малыхъ родовыхъ кровей“, или

Долго красокъ не бывать, съ родинъ, или какихъ-нибудь другихъ причинъ.

Въ обоихъ случаяхъ пьютъ полевую ромашку, калганную настойку, хмѣль и др. надобья, поименованныя въ „Сухихъ родахъ“ —

Красокъ нѣтъ, — нейдутъ краски. Означаетъ полное прекращеніе мѣсячныхъ. Оно случается, говорятъ, чаще послѣ роженья, но происходитъ и въ дѣвическомъ возрастѣ. Тогда его называютъ.

Дѣвичей немочью, (блѣдная немочь), которая развивается въ дѣвицахъ, по утвержденію повитухъ, иногда отъ того, что „мать унесетъ краски въ землю“, т. е., умретъ въ день регуль дочери, или смерть совпадетъ съ первымъ появленіемъ ихъ. Такъ случилось, говоритъ Ал. А — на, съ дочерью Ник. Стрищинскаго, у котораго жена умерла „мѣстомъ“. Авдотья осталась отъ матери на 15 году и шибко убивалась по ней; потомъ стала блѣднѣть какъ-то, худать и съ работы приставала. За послѣднее время все какикала и зачахла, не имѣя до самой смерти красокъ (умерла на 94 г.).

При отсутствіи менструацій и дѣвичей немочи стараются „вызвать краски“ соответствующими надобьями.

Залевица. Обильныя краски. Заговариваютъ кровь и поятъ измаденомъ; но вообще домашнее лѣченіе рѣдко бываетъ успѣшно. Такъ у второй жены Прохора Ананьина еще въ дѣвушкахъ открылись „залевица красокъ“; „всѣ наши духтарки, передавала Ал. А—на, не смогли остановить ихъ. Думали, что помретъ. Только дохтуръ Старо-

гродскій пособилъ“. Эта женщина уже вышла за втораго и ни отъ одного не имѣла дѣтей, хотя въ замужествѣ уже 7 лѣтъ. Надо думать, что залевица не осталась безъ вліянія на ея безплодіе.

8. Смертныя ключи красокъ. См. отд. нар. акушерства.

8. Онѣмѣніе рукъ и ногъ. Случается у беременныхъ. Мажутъ руки и ноги нарочно припасаемыми для этого обмылками съ мергвеца.

9. Поносить брюхо. Подъ этимъ разумѣютъ беременность женщинъ. Она, извѣстно сопровождается цѣлымъ рядомъ болѣзненныхъ явленій, которыя понимаются Ал. А — ной нѣсколько односторонне и выливаются въ ея представленіи въ формѣ прихоти въ пищѣ. Чтобы облегчить это состояніе, слѣдуетъ, иди топить баню, „взять съ собою калачикъ, или корочку хлѣба и съесть её, пока топится первая каменка“ (первая истопель). Пьютъ также наваръ гранатника.

10. Пусто брюхо. См. Акушерство.

11. Рвота. На нее смотреть, какъ на обычный симптомъ беременности.

12. Судороги. Заставляютъ топтать босыми ногами горячее помело.

13. Тошнота. — Также какъ и блевота всего чаще случаются при беременностяхъ, когда „поносятъ брюхо“. „Проблюешься и — только“, говорятъ.

14. Уроки. Большою долею „урочливости“, по мнѣнію крестьянокъ, обладаютъ беременныя и родильницы. (См. „уроки“, „цвѣтъ“ въ I отд.; „Если Богъ не дастъ скоро“ и поясненіе къ этому тексту во II отд.; поясненіе къ „урокамъ“ въ III отд.; также наговоры отъ „уроковъ“).

15. Цвѣтъ. Послѣднихъ, какъ говорилось выше, также и „цвѣтъ бьетъ“ то по причинѣ исключительнаго поленія ихъ, то вслѣдствіе потрясающихъ обстоятельствъ и второстепенныхъ случаевъ (См. „цвѣтъ“ отд. I). Проявленіе „цвѣта“ среди беременныхъ женщинъ приближаетъ и самыя причины происхожденія его къ причинамъ вызывающимъ у родильницъ и беременныхъ родимчикъ, истерику, обмиранія. „Цвѣтъ“ въ данномъ случаѣ есть какъ бы общее наименованіе этихъ болѣзней.

Главнѣйшіе термины, употребляемые въ народномъ акушерствѣ.

Богъ не дастъ скоро — продолжительные роды.

Богъ проститъ — разрѣшиться отъ беременности.

Богъ проститъ легко — своевременно и безъ лишнихъ затрудненій родить.

Брюхомъ крѣпкой быть — встать на другіе-третьи сутки послѣ родовъ и работать.

Брюхо вздымать — послѣродовыя сокращенія матки, ея болѣзни и т. п.

Брюхо взимать станетъ — начало родовыхъ потугъ.

Воды пролились — пузырь лопнулъ.

Въ тяжестяхъ ходить — беременной быть.

Давать силу — тужиться, усиливать давленіе на матку.

Долго красокъ нѣтъ — временная остановка менструацій.

Долго муки идутъ — долго потуги продолжаются; плодъ не выталкивается.

Голову обносить — головокруженіе.

Животъ править — дѣлать растиранья во время потугъ; направлять положеніе младенца въ утробѣ; направлять его во время выхода; послѣ родовъ подымать матку и т. п.

Залевища — усиленныя менструаціи, кровоизліянія изъ матки.

Золотникъ — матка.

Золотникомъ хворать — страданія матки.

Краски — менструаціи, послѣродовыя крови.

Красокъ нѣтъ — не идутъ — полное прекращеніе менструацій.

Краски хвощуть — льются обильно.

Муки — „родовыя боли, схватки и сопровождающія ихъ болѣзненные ощущенія“.

Муки взимаютъ — мучиться въ родахъ.

Мѣсто — послѣдъ.

Мѣсто не вышло — послѣда не было.

На взносяхъ } послѣдніе дни беременности.

На тѣхъ порахъ }

Надыматься — тужиться, „силу давать“.

Обмирать — ослабѣть, быть въ обморокѣ.

Поконъ — вытѣсненіе плода.

Поконъ тяжелый — вытѣсненіе плода съ затрудненіями и длительное.

Плодуха — матка-золотникъ.

Плодуха опустилась — выпаденіе матки.

Померѣть красками — отъ послѣродовыхъ кровей, залевища.

Померѣть въ мукахъ — не разрѣшиться отъ беременности, умерѣть во время потугъ или отъ невышедшаго плода.

Померѣть мѣстомъ — умерѣть отъ не выхода послѣда.

Приспѣть часъ родить — моментъ совершенія родовъ.

Пропукнетъ пузырь — самопроизвольно лопнетъ.

Прощипать пузырь — прорвать насильно.

Поносить брюхо — болѣзненные состоянія на первыхъ порахъ беременности; зачатіе.

Пусто брюхо — выкидышъ.

Робенокъ повернулся — неправильное положеніе младенца въ утробѣ; неправильный выходъ его.

Растряслась — принесла, разрѣшилась отъ беременности, родила.

Рванины — припуханіе венъ во время беременности.

Роды — половыя части женщины (см. неправильные роды).

Родины — послѣродовыя краски, воды и проч.

Роженье — весь процессъ родовъ.

Смѣртныя ключи красокъ — безостановочно-усиленныя кровоизліянія изъ матки.

Сухи роды — когда водъ нѣтъ, красокъ мало или не было.

Тяжела — беременна.

Хоронить мѣсто — прятать послѣдъ.

А. Макаренко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Почитаніе огня у крестьянъ-сибиряковъ Енисейской губерніи.

Огонь, какъ извѣстно, издавно являлся предметомъ особеннаго почитанія для многихъ народовъ. Вездѣ почти его возводили на степень божества и поклонялись ему. Въ настоящее время символическое значеніе огня безсомнѣнія умалилось въ глазахъ народностей болѣе культурныхъ странъ. Но и здѣсь отыщутся укромныя уголки, гдѣ населеніе еще вѣрно отжившимъ традиціямъ оботворенія огня. Въ нашемъ отечествѣ, напр., найдется не мало подобныхъ фактовъ. Сошлемся хотя на свидѣтельство „Нов. Время“¹⁾, перепечатанное затѣмъ журналомъ „Жив. Стар.“²⁾. Оно передаетъ о томъ, что жители волынскаго Полѣсья на своихъ свадьбахъ примѣняютъ огонь съ цѣлью разоблаченія интимной жизни молодой за время предшествовавшее ея замужеству. День Ивана-Купала (24 іюня) въ Малороссіи рѣдко когда обходится безъ огня. Тамъ подъ сурдинку „купальскихъ“ напѣвовъ парубки и дѣвушки скачутъ черезъ пламя костровъ, разводимыхъ нарочно вечеромъ этого дня³⁾. Живя недолго въ Кременчужскомъ уѣзд., Полтав. губ., между прочимъ, мнѣ пришлось видѣть, какъ парубки въ продолженіи всей Ивановской ночи ходили съ зажженными пучками соломы, укрѣпленныхъ ивовыми прутьями къ длиннымъ шестамъ: при свѣтѣ такихъ своеобразныхъ факеловъ они переходили изъ хутора въ хуторъ, съ цѣлью навѣстить своихъ „коханокъ“.—При видѣ огня молніи люди большею частью впадаютъ въ панической страхъ; когда случится, что молнія зажжетъ избу, зародь-ли сѣна и т. п., большинство крестьянъ не дѣлаетъ никакихъ попытокъ затушить пожаръ, такъ какъ признается, что огонь молніи неугасимъ, онъ есть божеское наказаніе, противившися которому не должно. Такимъ образомъ заурядное физическое явленіе возводится въ культъ и почитается какъ нѣчто сверхъестественное. Кремневый огонь, высѣкаемый огнивомъ изъ кремня, примѣняется повсемѣстно при лѣченіи „летучаго огня“ и тоже надѣляется силой, способной уничтожить злокачественную сыпь... Эти и т. п. примѣры составляютъ наслѣдіе, цѣликомъ перешедшее къ намъ издревле, они суть отзвуки былыхъ языческихъ вѣрованій, до сихъ поръ осѣняемыхъ ореоломъ фантастической поэзіи.

На огонь, какъ на очистительное средство, смотрять также

¹⁾ № 5308.

²⁾ Вып. II, 90 г., стр. 138.

³⁾ Къ вопросу о характерѣ и значеніи древнихъ „купальскихъ“ обрядовъ и игрищъ. — „Жив. Ст.“ стр. 138, вып. I, 96 г.

крестьяне-сибиряки трех округов Енисейской губ. ¹⁾. Они пользуются, напр., кремневымъ огнемъ. Во время чумы на домашній скотъ пускаются ими въ ходъ, такъ называемыя „курева“, которыя раскладываются въ разныхъ мѣстахъ паскотины ²⁾ каждой деревушки той мѣстности, что объявлена на карантинномъ положеніи. Курева — это зажженные кучи навоза (назъму), горѣніе ихъ поддерживается обыкновенно нанятыми для этого „приворотниками“ ³⁾. Кромѣ того они обязаны подвергать предварительному окуриванію лошадей проѣзжихъ и пасущійся внѣ паскотины скотъ, когда тотъ возвращается въ деревню. Дѣлается это весьма просто: животныя подпускаются къ куреву съ подвѣтренной стороны, чтобы охватило ихъ дымомъ. Операция длится одно мгновеніе и можетъ, какъ полагаютъ, „очистить“, т. е. привести къ выздоровлѣнію зачумленный уже скотъ, а здоровую часть его предохранить отъ зараженія — „силыѣе лишь уповай на Бога!“ — говорится въ заключеніи. Упрощенная до нельзя теорія огненного очищенія, понятно, не оправдывается на практикѣ и даетъ самые печальные результаты. Прибѣгаетъ народъ къ ея помощи, самъ собой разумѣется, въ силу незнанія лучшихъ и цѣлесообразныхъ средствъ борьбы съ явленіями эпизоотіи. Но гдѣ ему почерпнуть нужныя для этого свѣдѣнія?!

Тоже самое слѣдуетъ сказать по поводу очищенія при посредствѣ огня, производимаго въ моменты „людскихъ болѣстей“, принимающихъ эпидемическій характеръ. Оно тождественно съ предыдущимъ способомъ и выполняется по одному и тому же шаблону, съ тою только разницею, что окуриванію подвергаются преимущественно люди, входящія и выходящія черезъ врата временнаго чистилища. Такъ было при мнѣ въ Ужурской вол., Ачинскаго окр. во время холеры 1892 года ⁴⁾.

Нѣчто подобное разсказывается г. Шустиковымъ въ его передачѣ о „повѣрьяхъ, суевѣрьяхъ и жителей Троичины“ ⁵⁾.

Для человѣка не крестьянской среды „наземныя курева“ будутъ лишь неприятнымъ препятствіемъ, безцѣльно задерживающимъ путника въ дорогѣ — и больше ничего. Для крестьянъ эти смердящія кучи являются достовѣрными указателями на несчастье, которому подверглось то или другое селеніе; онѣ для нихъ предметъ суевѣрнаго почитанія, ради котораго сельчане безпрекословно подвергаются немногосложнымъ правиламъ, предписываемымъ оригинальнымъ обычаемъ народнаго карантина. Внутри каждой дымящейся наземной кучи, изготовляемой въ экстраординарныхъ случаяхъ, горитъ огонь, играющій въ жизни крестьянъ выдающуюся роль. Онъ не какой нибудь простой огонь, а „деревянный“, которому приписывается мнѣніемъ крестьянской среды вышеозначенныхъ округовъ чрезвычайная цѣлебная сила.

¹⁾ Это вѣрно по отношенію крестьянъ Ачинскаго, Енисейскаго и части Красноярскаго округовъ.

²⁾ Выгонъ для скота, примыкающій къ жилымъ строеніямъ деревни; онъ обносится изгородью, дѣлавшагося изъ жердей, на тотъ случай, чтобы пасущійся скотъ не могъ свободно попасть на пашни и причинить вредъ хлѣбамъ.

³⁾ Приворотникъ — сидящій у воротъ паскотины; занятіе его состоитъ въ томъ, чтобы впускать и выпускать изъ деревни проѣзжихъ; его нанимаютъ вскорѣ послѣ весенняго сѣва вплоть до уборки съ полей хлѣба.

⁴⁾ Объ этомъ подробнѣе разсказано въ незаданныхъ еще „Матеріалахъ по народ. медіц.“ Ужурск. вол., Ачинск. окр., Енис. губ., составленныхъ при моемъ участіи.

⁵⁾ Троичина Кадниковскаго уѣз., Вологод. губ. — „Жив. Стар.“, стр. 120 вып. III, 95 г.

Въ той же Ужурской волости, особливо въ старину, съ помощью деревяннаго огня окуривался домашній скотъ. Дѣлалось это въ великій четвергъ, когда начиналась заутреня, въ видахъ огражденія животныхъ отъ продѣлокъ нечистой силы, отъ мора и т. п. напастей, уносящихъ съ собой сотни и тысячи головъ весьма полезныхъ пособниковъ человѣка. Надо думать, этотъ же огонь зажигается въ куравахъ и теперь еще во время падежа скота, но возможно, что обходятся безъ него, и курава зажигаются обыкновеннымъ огнемъ скорѣе всего изъ подражанія къ прошлому вѣрованію, не успѣвшему окончательно остыть въ людяхъ, еще не такъ давно бывшихъ въ полной власти суевѣрнаго почитанія деревяннаго огня. Въ такомъ именно переходномъ состояніи находятся жители подгородныхъ деревень Красноярскаго округа. Тамъ можно встрѣтить крестьянъ, которые употребленіе деревяннаго огня относятъ всецѣло на счетъ старины и „дурачества“ своихъ предковъ; другіе, болѣе пожилые, сохранили одно лишь воспоминаніе о томъ времени, когда деревянный огонь добывался по великимъ четвергамъ— но лѣтъ 15—20 уже прошло, какъ и это перестали дѣлать ¹⁾.

За то въ с. Усть-Тунгузскомъ, Маклаков. вол., Енисейск. окр., деревянный огонь добывается каждый разъ во время валежки домашняго скота. Разсказчица Анна Казанцева, уроженка этого села, завѣрjala, что такой же точно огонь воспроизводится въ тожественныхъ случаяхъ по всей Маклаковской волости. Когда этотъ обычай вошелъ въ употребленіе, „того времени, говоритъ она, и наши дѣдушки не запомнятъ“.

Давность существующаго почитанія деревяннаго огня подтверждаетъ отзывъ извѣстной уже читателямъ „Жив. Стар.“ ²⁾ древней старушки Марины Лыткиной. Она передавала, что въ далекомъ дѣтствѣ, будучи ребенкомъ 8—9 лѣтъ, сидѣла однажды на брусу, держа въ рученкахъ трутъ, въ ожиданіи, пока не нагрѣется брусъ, о который терли сухой лучиной, чтобы потомъ приложить къ нему трутъ и раздуть огонь. Ей перевалило за 80 лѣтъ; сама она уроженка д. Лопаткиной Казачинской вол. ³⁾. Этой же волости крестьянинъ д. Мысовской (Мысы-тожь) Сергѣй Семеновъ (нынѣ живущій въ с. Казачинскомъ) говоритъ, когда „случалось или случатся неблагополучіе на скотѣ, у нихъ зажигаютъ по паскотинѣ деревянный огонь, и это заведеніе установлено еще ихъ отцами“. Деревнюшка Мысы близко граничитъ, между прочимъ, (всего въ 20 вер.) съ Бѣльской и Яланской волостями, гдѣ, по сказанію Семенова, жителями практикуется тоже самое. Въ чертѣ села Казачинскаго, 10—12 лѣтъ тому назадъ, было „неблагополучіе на рогатомъ скотѣ“, и тогда зажигался по паскотинѣ деревянный огонь, — это помнитъ парень (18 л.) Василій Лыткинъ. Наконѣцъ, у воротъ паскотины д. Курбатовой (Вашкиры тожь), лежащей въ 4 вер. отъ с. Казачинскаго, не далѣе какъ въ 1895 г. горѣлъ деревянный огонь ради предупрежденія распространенія чумной заразы, начинавшей было пошаливать въ этой деревнѣ.

¹⁾ Изъ личныхъ разспросовъ крестьянъ-ямщиковъ Красноярск. окр., проходившихъ съ обозомъ чрезъ с. Казачинское въ декабрѣ 1896 г.

²⁾ Вып. III и IV, 1896 г., стр. 351—352.

³⁾ Эта деревня не только соединилась постройками съ примыкавшими къ ней с. Рождественскимъ (гдѣ ранѣе находился женскій монастырь одного съ нимъ названія, нынѣ перенесенный въ г. Енисейскъ), но и вошла цѣликомъ въ его администр. управленіе и приняло его наименованіе; теперь отъ прежней д. Лопаткиной осталась лишь уллица, именуемая Лопатовской.

Ограничась приведенными сообщениями фактических данных относительно вѣрованія крестьянъ-сибиряковъ въ животворную силу деревяннаго огня, перейду затѣмъ къ описанію приѣмовъ добыванія его, весьма распространенныхъ въ районѣ знакомыхъ намъ мѣстностей.

Добываніе деревяннаго огня.

Деревянный огонь—изъ дерева добытый огонь самымъ примитивнымъ способомъ, путемъ простаго тренія куска дерева о дерево на подобіе того, какъ это дѣлалось народами въ доисторическій періодъ.

Въ Ужурской волости, по словамъ старожиловъ, деревянный огонь добывался слѣдующимъ порядкомъ.

Между пятками двухъ деревянныхъ стоекъ незатѣйливо сдѣланнаго подобія токарнаго станка (см рис. 1) вѣставляется хорошо высу-

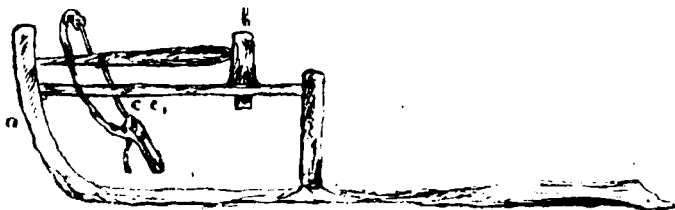

Рис. 1. Одна изъ стоекъ а) составляетъ изогнутую часть полоза старыхъ саней, другая б) будетъ вертикальная плашка съ заклиной на нижнемъ концѣ; она передвигается руками вдоль горизонтально-параллельныхъ между собой двухъ брусочковъ (с.с.). На этомъ станочкѣ до сихъ поръ обтачиваютъ и обжигаютъ всѣмъ извѣстныя веретена (веретешки).

шенный и гладко обдѣланный обрубочекъ изъ березоваго дерева; на него надѣвается лучекъ, ременной тетивой своей онъ обнимаетъ обрубочекъ взаплеть; лучекъ держается лѣвой рукой вверхъ и внизъ; движенія руки должны быть ускорены и безостановочны; обрубочекъ быстро вертится и трется о лучинку, приставленную къ его утолщенному концу; они обоюднo нагрѣваются, отчего появляется дымокъ; тогда подносятъ къ мѣсту наибольшаго тренія кусочекъ трута: на него переходитъ съ обрубочка едва замѣтная искорка и зажигаетъ—это и будетъ деревянный огонь; глѣбующій трутъ „придуваютъ“ къ сосновымъ уголькамъ, какъ болѣе мягкимъ и быстро разгорающимся; отъ нихъ зажигается лучинка, а затѣмъ дрова въ печи; послѣ ихъ сгорания угли загребались въ загниѣти и тщательнo засыпались пепломъ. Въ самую заутреню угольки доставались изъ загниѣти и клались на желѣзко; на нихъ жгли „вихореву гнѣздо“ (*Plica Betulae albae*)¹⁾, представляющее собой скопление въ одномъ мѣстѣ на березѣ множества мелкихъ сухихъ вѣточекъ. Съ такимъ куревомъ домохозяева обходили вокругъ домашняго скота. Въ великій четвергъ слѣдующаго года деревянный огонь добывался заново²⁾.

¹⁾ По опредѣленію завѣдывающей Мичусинскимъ Публич. Музеемъ Н. М. Мартянова.

²⁾ Выписка изъ тѣхъ же „Матеріаловъ по народ. медиц. Ужурск. вол.“, нѣсколько дополненная.

Усть-Тунгушенцы добываютъ деревянный огонь одинаковымъ образомъ на такого же типа станкѣ. Между стоекъ вставляется гладкій болвашекъ сухаго березоваго дерева; добытатель лѣвой рукой быстро вращаетъ его лучкомъ, другой приставляетъ къ нему тоненькую лучинку ¹⁾ съ небольшою выимочкой на передовомъ концѣ, такъ что она обхватывается болвашикомъ въ видѣ обоймы. Верченіе длится, пока надъ нимъ не покажется дымокъ; тогда, по просьбѣ добытателя, кто нибудь изъ присутствующихъ подноситъ къ болвашику трутъ; тотъ беретъ огонькомъ; его придуваютъ сперва къ сосновымъ уголькамъ; отъ нихъ, черезъ лучинки, зажигаютъ два-три костра дровъ, раскладываемыхъ по краямъ села; костры заваливаются назъмомъ, чтобы огонь не выдалъ пламенемъ, — онъ долженъ только „шаять“ (тлѣть); это и будутъ курева самыя настоящія: окуриваясь ими, „скотъ не станетъ заражаться чумой“. Курева поддерживаются поочередно самими домохозяевами этого села или нанятыми для этого людьми.

„Въ д. Лопаткиной, говоритъ М. Лыткина, въ досельщину ²⁾ дѣлалось такъ: на брусняхъ кутняго угла избы (что у печи) высѣмали неглубокія зарубы; въ нихъ вкладывался концями катокъ (что употребляется для катки бѣлья), а на него надѣвали ремѣнь; концы его наматывали на обѣ руки и скорехонько передергивали ими вверхъ и внизъ; катокъ, вертясь, терся о бруссы, нагрѣвался и брался дымкомъ; опосля того къ одному изъ его концовъ приклевали трутъ, онъ зажигался. Каждую весну добывали деревянный огонь и отъ него зажигали наземны курева, которые клались подъ крышки ³⁾; такихъ крышекъ было нѣсколько по паскотинѣ: скотъ сходилъ къ куревамъ, чтобы избѣжать мошки, да и отъ заразы спасался.

Уроженецъ села Устюгъ, Красноярск. окр., крестьянинъ С. Чупровъ передавалъ, что у нихъ деревянный огонь добывался такъ: сухой сосновой палкой терли о брусъ кутняго угла, отчего тотъ нагрѣвался и выпускалъ дымъ, тогда торопились приложить къ мѣсту тренія кусочекъ трута, который брался огонькомъ; имъ затеплялась лучинка, отъ нея дрова, а съ угольковъ послѣднихъ окуривался домашній скотъ.

Въ с. Казачинскомъ поступали нѣсколько иначе. Отецъ и дядя Василія Лыткина приподымами верхнюю заплотину (бревешко въ заборѣ), въ отверстіе просовывали трехгранную палку, чисто выстругенную изъ березоваго полѣна, длиною немного больше аршина; одинъ изъ нихъ, находясь внутри двора, тащитъ ее къ себѣ, другой, стоя снаружи, дѣлалъ тоже самое, какъ будто бы пилили что; оба работали съ одинаковымъ усердіемъ, пока заплотина не зашаяла; тогда мальчику было приказано приложить трутъ, гдѣ терли палкой, что тотъ съ успѣхомъ и выполнилъ.—трутъ вскорѣ загорѣлся.

Чтобы провѣрить полученныя показанія о добычѣ деревяннаго огня, я обратился къ Сергѣю Семенову съ просьбой показать, какъ это дѣлается на практикѣ. Онъ изъявилъ согласіе. Дѣло это было для него привычное: онъ самъ умѣлъ точить веретешки и держалъ для этого нужный станокъ и прочія принадлежности (см. рис. II). Тотчасъ же его сняли съ вышки, гдѣ давно уже валялся безъ всякаго употребленія, кое-какъ исправили, вытесали болвашикомъ изъ сухаго полена,

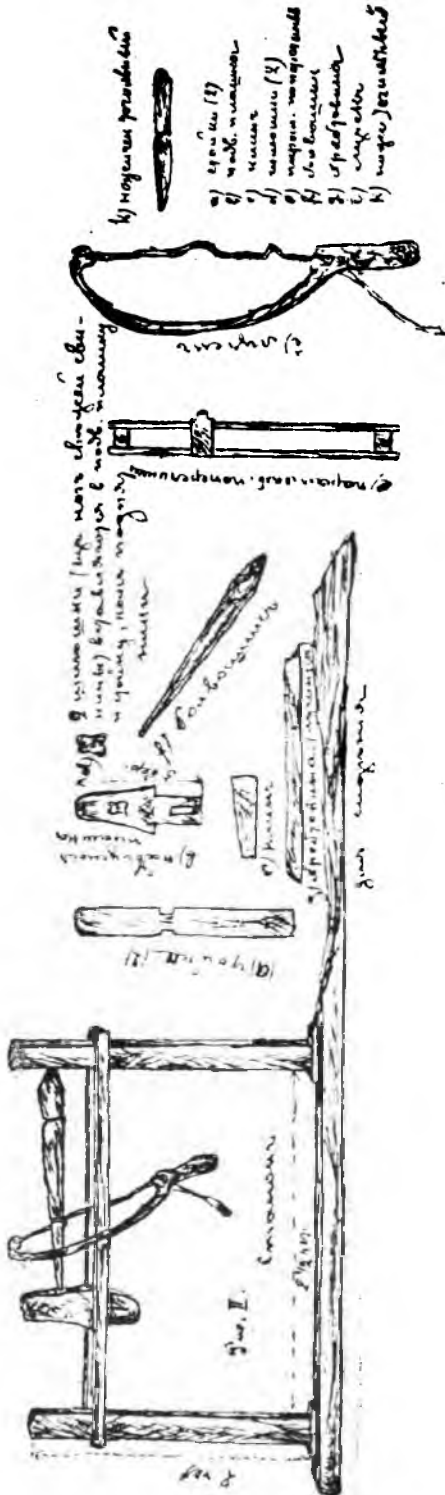
¹⁾ Лучинкой служитъ „хребтовина“ (верхній слой) соковаго полѣна, заготовляемаго весной изъ березы, когда съ нея легко сдирается кора.

²⁾ Досельщина—старина; досельный—старинный.

³⁾ На четырехъ столбахъ дѣлался навѣсъ изъ тонкаго теса, — это и были крышки, о которыхъ говорить Л—на.

„мало-мала“ обточили и, немедленно ни минуты, приступили къ добы-

ванію огня. Оно производилось одинаково, какъ описано было по отноше- нію къ с. Ужуру. Не дальше какъ черезъ минуту болвашикъ курился сизоватымъ дымкомъ съ специфическимъ запахомъ горѣлаго дерева, сейчасъ же педнесли кусочекъ трута... но увь! Прошло 45 минутъ въ тщетныхъ усиліяхъ, а огня не до были: при верченіи болвашика вбитыя на скорую руку заклинки расползались, подвижная стойка не держалась на мѣстѣ; въ концѣ концовъ станокъ окончательно „рассхлябался“; болвашикъ то и дѣло выскакивалъ изъ своихъ гнѣздъ; надо бы горѣть труту, а тутъ—трахъ, и весь наладъ разстраивался. При такихъ несовершенныхъ условіяхъ работы нельзя было рассчитывать на успѣхъ. Пришлось оставить занятіе. Пробовали терѣть о брусъ лучиной, но и изъ того ничего не вышло.

Все же видѣть, какъ добывается деревянный огонь, было довольно интересно. Ради этого я продолжалъ искать умѣлаго человѣка. Благодаря содѣйствію псаломщика Н. Быстрова, мнѣ удалось сойтись съ звонаремъ казачинской церкви Терентіемъ Алексѣевичемъ, какъ обыкновенно его зовутъ. Онъ оказался самымъ подходящимъ для этого случая, такъ какъ постоянно занимался вытачиваніемъ веретешекъ, кромѣ того не разъ и не два былъ приглашаемъ для добыванія деревяннаго огня во время „неблагополучій на скотъ“ и вообще слылъ какъ мастеръ своего дѣла. Т. А—чъ велѣлъ зайти къ нему черезъ три дня, нужно было приготовить болвашикъ и хребтовину, хорошенько просушить, иначе немислимо было, по его мнѣнію, добыть деревянный огонь. Въ назначенный срокъ мы уже были въ церковной сторожкѣ. Т. А—чъ ужиналъ. Мы осмотрѣли станокъ ¹⁾, вставили болвашикъ, надѣли лучекъ, дергали вверхъ и внизъ, но не равномерно съ продолжительными паузами, оттого кромѣ дыму

¹⁾ Почти одинаковой конструкции со станкомъ Семенова. См. рис. П.

ничего не получалось. Т. А.—чь ехидно посмѣивался. Закончивъ трапезу, онъ усѣлся за станокъ, предварительно помывъ руки, испачканныя въ рубѣ; неторопясь укрѣпилъ болвашикъ, обточилъ на веретешко, представилъ хребтовину и тогда уже ускоренно задержалъ лучкомъ; вскорѣ лучинка какъ бы врѣзалась въ болвашикъ и опоясала черноватымъ кольцомъ; изъ глубины его вился уже дымокъ, дѣлавшійся все гуще и гуще. Дерево визжало. Терентій съ трудомъ дышалъ, обливался потомъ, но не переставалъ работать лѣвой рукой... И вотъ слышится „Приложь-ко трутъ“! Приказаніе моментально было исполнено. Едва трутъ коснулся разгоряченнаго дерева, какъ зашаялъ и взялся огонькомъ... Цѣль была достигнута.

Совершившійся фактъ, будто бы, доказываетъ, что Терентій Алексѣвичъ принадлежитъ къ числу счастливыхъ людей, которымъ, по общему увѣренію, только и дается добыча деревяннаго огня. Семеновъ, съ которымъ впервые мы потерпѣли неудачу, съ своей стороны утверждаетъ, что, живя въ д. Мысы, ему приходилось нѣсколько разъ добывать этотъ огонь на своемъ станкѣ. Не вѣрить этому нѣтъ основанія. Очевидно тутъ дѣло не въ счастіи, а въ исправности прежде всего токарнаго станка, въ заблаговременной заготовкѣ необходимаго матеріала, въ терпѣннн и сноровкѣ мастера. Это безусловно вѣрно. По крайней мѣрѣ въ „новыхъ деревняхъ“, говоритъ Семеновъ, не могутъ добыть деревяннаго огня потому только, что не знаютъ, какъ выполнить это. Не далеко отъ ихъ деревни поселились переселенцы, по происхожденію зыряны и образовали „новую деревню“, наименовавъ ее Зыряны. Однажды въ ней случилось „неблагополучіе въ рогатомъ скотѣ“, зыряны старались бороться съ напастью „своимъ средствомъ“ и, наслышавшись о пользѣ деревяннаго огня, задумали добыть себѣ. Вадумано—сдѣлано. Зыряны завели станокъ, натесали болвашиковъ... но сколько не потѣли надъ ними, огня не добыли. Тогда они просили мысовскихъ, тѣ, добывъ дома, возили въ Зыряны деревянный огонь въ видѣ головней, обугленныхъ на кострѣ такого огня.

На основаніи сообщеній живыхъ свидѣтелей можно вывести цѣлый рядъ заключеній: 1) почитаніе огня въ Сибири фактъ безспорный; 2) оно тянется непрерывною сѣткою (пока доказано) черезъ три округа Енисейской губерніи и, теряясь въ нѣдрахъ глубокой старины, еще живо наканунѣ XX столѣтія; 3) между различными видами огня, почитаемыхъ крестьянами-сибиряками, первенствующее мѣсто занимаетъ несомнѣнно деревянный огонь; 4) что по мѣрѣ передвиженія на сѣверъ Енисейской губ., на значительномъ пространствѣ округа одного съ нею названія (енисейскаго), вѣрованіе въ цѣлебную силу деревяннаго огня остается пока во всей первобытной чистотѣ.

Конечно этими соображеніями не исчерпывается вопросъ о почитаніи крестьянами-сибиряками огня вообще и деревяннаго въ частности. Остается пожелать, чтобы другіе изслѣдователи обратили на него свое вниманіе. Можетъ быть отыщутся болѣе солидные данныя, которыя не оставятъ сомнѣній на счетъ сущности вѣрованія народа въ огонь.

Алексѣй Макаренко.

г. Енисейскъ.
1897 г.

Миеологическіе отрывки.

(Читано въ засѣданіи Отдѣленія Этнографіи 24 октября).

При собираніи матеріаловъ по литовской этнографіи, мнѣ удалось со словъ народа записать нѣсколько миеологическихъ отрывковъ о культѣ огня, воды, духахъ-вѣлесахъ, кои ми, въ виду интереса самаго предмета, я намѣренъ подѣлиться съ читателемъ.

A. Apie ūgni.¹⁾

1. Elzė Sakalauskytė, mergà apie 70 metų, tūrinti, gyvenanti kaimė, ir vaištsjuje Plókstsjū, gubernijoje Suvalku, paklausta manies (1896 m.), kà ji dāro su ugnelė, eidama vakarė gul̄ti, atsakė ir papasakojo šiā ka:

— Kà darysi! imù gražjia apžarstau ugnelė pelenais ir pėrzegnoju sakýdama: šventà Góbija, šventà Visija, šventà Agotà buk ramì ir spakainà. Tòs maldelės manė, išmokino Juòzas Adomaitis, iš kaimo Lauciškju, parapijos, Lukšju, labai dievòtas ir mokintas žmogus. Užzarstau ugnelė netik pàs savė, bėt ir pàs kitus. Šu ugnelė visadòs reikia gražiai apsielgti. Kaip buvau sluginaitė Briedžjuosė pàs vienà gaspadòrju, Matijūšà Zukautskà vaikai būdavo paims i dantis žarrijàs ir pùtsja arba dėganti, pàgali, sukineja, o àš sakau gaspadienei: ugnelė, ne piemėnė, uždrausk vaikams teip darýti, bėt ji atsakýdavo: „kà, kvaili vaikai kà, jiems darysi“. Paskui dūsyk ugnelė iš dėgantšjo kakaljo i priemėnė, visà, liepsnà išėjo, aukštyn pasikėlė, apsvilino varpelės pastogėje kabantšjas ir vėlėi sugrižo niėko tiomsyk pikto nepadarius. Kadà paskui pėreėjau pàs kità gaspadòrju, už slu-

A. Объ огнѣ.

1. Эльзэ Сакалаускитэ, женщина 70 лѣтъ, проживающая въ селѣ и гминѣ Благословенствѣ Сувалкской губ. спрошенная мною (въ 1896 году), какъ поступаетъ она, отправляясь спать съ огнемъ, отвѣтила:

— Что-же дѣлать? прикрываю хорошенько огонекъ золою и крещу говоря: св. Гобія, св. Висія, св. Агота, будь смирна и спокойна. Этой молитвы выучилъ меня Юзасъ Адомайтисъ изъ села Лауцишки, прихода Лукше, очень набожный и ученый человекъ. Я прикрываю золою огонекъ не только у себя, но и у другихъ. Съ огнемъ всегда нужно поступать бережно. Когда я была въ д. Бредзѣ служанкой у хозяйина Матеуша Жуковского, дѣти его, взявъ горящє угли между зубами начинаютъ, бывало, дуть или вертѣть горящими полѣньями, а я говорю хозяйкѣ: огонекъ не пастухъ, воспрети дѣтямъ такъ поступать, а она отвѣчаетъ: „что-же подѣлать? глупыя дѣти“. Послѣ того 2 раза изъ печки вышелъ огонекъ въ сѣни, поднялся вверхъ, поджогъ висящія подъ крышей колосья и опять возвратился, не причинивъ никакого зла. Когда, затѣмъ, по-

¹⁾ Черточка надъ буквой означаетъ обличенное удареніе (circumflex), а не долготу гласной.

ginę nežinià iš kō atsitiko pàs sėnaji, gaspadorju, gaisras, sūdegė visos trėbos, pasiliko tiktai stubà, bėt paskui ugnėlė pasūko ir ant jės ir ji sūdegė.

2. Magdė Rimkūnienė iš tō paties kaimo Plėkstėju, paklaustà (1897 m.) apie tà, pati dalykà šià kà, pasakė: „Einant gul ti reik užžarstyti ugnėlę pelenais, pėrzegnoti šventū vandenimĩ ir pasakyti vardà ugnies: Magietà, Gobietà ir Šventà Agotà, bŭk ant viėtos, bŭk rami, tãvo plėštėjum šventū apdengk.

3. Domeikienė iš Kaimėljo 1897 m. pasakė: „Einant gul ti reik užžarstyti ugnėlę, pėrzegnoti ir sakyti: šventà Gabijà, bŭk rami ant viėtos. Jėi teip padarysi, tai ugnėlė neišeis“.

4. Grigaitienė iš kaimo Raudonėnu, Kauno gubernijos, paklaustà apie Gabijà, šià kà, papasakojo:
a) Kaip ainū gul ti, pagal tevėlju, patarimà, užžarstau ugnėlę ir paslakštėjus grėnu vandenėljū pėrzėgnodama sakau: šventà Gobijà, àš tavė, pėrzėgnoju su štėyrà širdimĩ, bŭk rami ir laiminga.

b. Kaip virėlas nusilieja ant ugnelės, ar druskà iš netytėjū ant jės nubyra ir ima spragtėti, sakau: šventà Gobijà, bŭk pasótinta.— Tėvėljai liėpė nesigailėti pasótinti ugnėlę, sakýdami: „nesigailėkit bŭsit nuō ugnėlės ramus“. Si, met bŭvo gaisras pàs kaimýna, „nėt mūsu, lanqai i kaito, o tik mŭs namai neužsidegė.

5. Elgetà Bendorienė klausinėta vieno mào b. draugo Jasulaitėjjo, mokintojaus gimnazijos, apie i vairjŭs senovės paprotėjus, pati paklausė: „ar žinote vardà, ugnies?“ ir pati atsakė: Atsitikus kokjojė trobojė gaisrui reikia trisryk apėiti dė-

stupila я на службу къ другому хозяину, отъ неизвестной причины вспыхнулъ у предыдущаго хозяина пожаръ, сгорѣли все строенія, остался только жилой домъ, но затѣмъ повернулъ огонекъ и на него, и онъ сгорѣлъ.

2. Магдэ Римкуньнэ изъ того же села Благославленство, спрошенная о томъ же, рассказала слѣдующее: отправляясь спать, нужно прикрыть огонекъ золою, крестить, вспрыскивая св. водою и произнести заговоръ (буквально = имя) огня: Магѣтá, Гобѣтá и св. Аготá будь на мѣстѣ, будь смирна, твоимъ святымъ плащемъ покрой.

3. Домэйкьнэ, жительница села Каймэлисъ, по данному предмету, сообщила мнѣ слѣдующее: „Отправляясь спать, нужно прикрыть огонекъ золою, осѣнить крестомъ и произнести: св. Габия, будь спокойна, оставаясь на мѣстѣ. Если такъ поступишь, то огонекъ не выйдетъ“.

4. Григайтѣнэ, старушка изъ д. Раудонэнай, Ковен. губ., спрошенная о Габии, вотъ что рассказала: а) Отправляясь спать, по совѣту батюшки и матушки, прикрываю огонекъ золою и, спрыснувъ его чистой водицей, осѣняю крестомъ говоря: Св. Гобия, я тебя перекрещиваю съ чистымъ сердцемъ, будь спокойна и счастлива. в) Когда варево прольется на огонекъ или соль случайно просыплется и станетъ трещать, я говорю: „Св. Гобия будь сыта (дословно насыщена). Родители мои внушили мнѣ не жалѣть накормить (насытить) огонекъ, говоря: „Не жалѣйте, будете безопасны отъ огонька“. Въ нынѣшнемъ году былъ пожаръ у сосѣда, такъ что окна раскалились, а все-таки нашъ домъ не загорѣлся.

5. Ницая Бендорѣнэ, спрошенная моимъ бывшимъ сотоварищемъ учителемъ гимназии Ясулайтисомъ, сама обратилась къ нему съ вопросомъ: „знаете ли заговоръ огня?“ и сама тутъ-же отвѣтила: „если загорится какое - нибудь

gantšja tróba ir sakýti: Šventà Gabija! neplatavók! tadà ugnèlè sugaubja ir neaina toljaus.

6. Bùvo karta, du kaimýnu gaspadoiriu. Vienas juju, netèke, s ugnèlès nuėjo parsinèsti jòs pás kaimýna, bèt parsinèšes já, nèpèrzègnojo. Negerbiamà ugnèlè pasiskundè ugnèlei kaimýno ir rizosi pás já, sugrišti, kuri pasàkè: „Jšeidamà nesudégink akétšjas mào gaspadòrjaus, kurjòs pás tào gaspadòrju, pasieny kàbo.—Kaip sakè ugnèlè teip ir padarè. Jšeinant jai blykstèrè, visas nàmas sùdegè, apart akétšju kaimýno, kurjòs laikè gaisro brínti nukrito nuò sienos ant žemès ir likosi visai neužgàutos ugnies.
(Pasakòjo Paljukàitis iš m. Vilka-
viškjo).

7. Rinkinyjè nepàži, stamo kùni, go B. T., kuri, gavau nuò kùni, go Jaunjaus Kàzjo, radau užrašýta, sèkantšja, dainèle,:

Kàd àš mažas buvau
Šilè vòzjus ganjau.
Ant kupstèljo sèdèdams
I, vozèli, veizèdams
Teip savy dainavau:
Tù vozèli juodbarzdèli
A'ugk, àugk, àugk,

Dievùks mùsu, tavè.s.
Làuk, làuk, làuk.
Paupàle yr pilalè

Kur ugnèlè, kaip žvaiqzdèlè
Dièna, nakti, smiela.
Tèn Ruginis su žvaginjà

Vozjus Dièvui smàug.
Pò Rugšèjo prieš žiemèlè
Vèsma tavè, juodbarzdèli

Ant tò tàt kalnèljo,
Vo Ruginis sù Zvaginjà
Tavè, mùsu, vozèlèli

строение, нужно трижды обойти его кругомъ и сказать: св. Габия! не расходись! тогда огонекъ свертывается и дальше нейдетъ.

6. Жили однажды въ сосѣдствѣ 2 хозяина. Одинъ изъ нихъ не досталъ однажды огня; отправился за нимъ къ сосѣду и принесъ его домой, но дома не осѣнилъ его крестомъ. Непочитаемый огонекъ пожаловался огоньку сосѣда и рѣшился къ нему возвратиться, а тотъ заявилъ: уходя изъ дому, несожги моего хозяина борону, которая у твоего хозяина виситъ на стѣнѣ. Огонекъ свое рѣшенiе привелъ въ исполненiе. Когда онъ уходилъ, вспыхнулъ въ домѣ пожаръ, и домъ сгорѣлъ, за исключенiемъ бороны, которая во время пожара упала съ трескомъ со стѣны на землю, не затронутая огнемъ.

(Разказаль Палюкайтисъ изъ гор. Волковышскъ).

7. Въ сборникѣ неизвѣстнаго мнѣ лично ксендза, обозначеннаго только начальными буквами В. Г., который я получилъ отъ моего б. сотоварища кс. Казимира Явниса, нашелъ записанную слѣдующую пѣснь:

Когда я былъ малъ
Пасъ козлятъ въ бору.
Сиди на бугоркѣ
И поглядывая на козлятъ,
Такъ себѣ я распѣвалъ:
Ты, козленокъ чернобородный,
Подростай, подростай, под-
ростай,
Божокъ нашъ тебѣ
Ждетъ, ждетъ, ждетъ,
У рѣченки есть городокъ,
(досл. сопки)

Гдѣ огонекъ какъ звѣздочка
Днемъ и ночью брезжитъ.
Тамъ Ругинисъ со Жвагини-
сомъ.

Козловъ Богу давить.
Послѣ сентября передъ зимою
Поведемъ тебѣ черноборо-
денькiй

На эту-то горочку,
А Ругинисъ со Жвагинисомъ
Тебѣ, нашъ козленочекъ

Dievu(=o?) garbei brauks.

8. Jēi kokjuosē namuosē 9 pēt-nytšjas iš eiljōs dūona, kēpa, tai ugnelē, eina iš namu, ir ūždega jnos.

(Paljukaitis iš m. Vilkaviškjo mokintojas).

B. Apie vādeni.

1. Aukštšjaus minēta elgetā Bendorienē pasākē māno b. draugui Jasjulāitšjui vandens varda, kalbēdama: a) Jēi ant vandens skesti reikja sakyti: Šventas Viēšbone! gēlbēk manē! b) Jēi lyja, grjāuna reikja nueiti i, ūžkluon, i, pēržegnoti ir sakyti; Šventas Viēšbone! skirstyk! ir išsiskirstys.

2. Magdē Rimkūniēnē iš kaimo Plōkštšju, paklaustā apie ūžimantšjus manē dalykūs (velēs ir k.) atsākē, kā, žinōjo, ir paskui pati manēs ūžklāusē, ar zinau vandens varda, ir nelaukdamā atsākymo šia kā, pasākē: Jēi ant vandens būdamas imi skēsti, reikja sakyti: Judai patronai! gēlbēk dušja, skēstantsia.

C. Apie velēs ir vėlēžoles.

1. Kadā būdamas priē numirēljo namuosē arba ant kapinju, nusigasti iš netytšju kojai paslydus, i, kišus jā, i kōkja, skylē ir t. t. tadā velēs žmogū pakānda, žmogūs visas pageišta ir ima nykti. Toki, žmōnēs pamate klāusja: ar velēs tavē pakānda? (Magdē Rimkūniēnē iš Plōkštšju, Suvalku, gub.)

2. Karalīnē 70 m. našlē iš kaimo Plōkštšju, šja kā, papāsakojo: a) velēs pagāuna tiktai tā, kursai numirēljo nusigāsta, kaip nesyki, atsitinka šarvōjant arba plāujant numirēli, kadā jisai krūpterja, nu-

Въ честь Бога умертвѣтъ
(букв. стереть).

8. Если въ какомъ-нибудь домѣ въ 9-ти подъ рядъ идущихъ пятницахъ пекутъ хлѣбъ, огонекъ выходитъ изъ дому и поджигаетъ его. (Палюкайтася учитель изъ гор. Волковышскъ).

B. О водѣ.

1. Выше упомянутая нищая Бендорѣнэ сообщила моему б. сотоварищу заговоръ (досл. имя) воды, говоря. а) Если будучи на водѣ тонешь, нужно сказать: Св. Вѣшбонэ! спасай меня!

в) Если идетъ дождь, громъ гремитъ, нужно отправиться за гумно перекрестить и сказать: Св. Вѣшбонэ! раздѣлай, и разойдутся.

2. Магдэ Римкунѣнэ изъ д. Благославленство, спрошенная мною объ интересующихъ меня предметахъ (velēs ахъ и др.) отвѣтила, что знала и, затѣмъ, сама меня спросила, знаю ли я заговоръ (досл. имя) воды, и не ожидая отвѣта, заявила слѣдующее: Ежели будучи на водѣ начинаешь тонуть, нужно говорить: Юдай патронай (заступникъ)! Спасай тонущую душу.

C. О вэлэсахъ и вэлэзѣльяхъ.

1. Если кто будучи при покойникѣ въ домѣ или на кладбищѣ испугается, случайно поскользнувшись или всунувъ ноги въ какую-нибудь дыру и т. п., то вэлэсы подкашиваютъ (досл. подкусываютъ) человѣка (зн. его), начинаютъ онъ желтѣть и чахнуть. Увидавъ такого человѣка люди спрашиваютъ: не подкусили ли тебя вэлэсы? (Магдэ Рвмкунѣнэ изъ д. Благославленство Сувалк. губ.).

2. Каралѣвэ 70 лѣтъ вдова изъ д. Благославленство, рассказала слѣдующее:

а) вэлэсы овладѣваютъ только такимъ, который испугается покойника, какъ это не разъ слу-

laidzja ranka, ir t. t. b) Jau 3 mētai, kaip Rožē Glodiēne, gyvenanti Plókštjuose, ējo ant sermenu Ma-
jāuskienēs ir zengdamā per slenksti,
staigā numynē i duobēle, po īsim-
tai plytai, atgai atvirto ir nusigando:
jāi pasirōde, kād numirēlis tiesjok,
eina ant jōs per duris. Jš tō bais-
jai īsirgo, mētosi tāso ja i visās
pusēs, saukja, mykja īsduodamā
īš vidurju, kažinkoki balša, bē
zōdzju. Vāzjōjo pās daktarus, bēt
tē nieko nepagēlbējo. Jšgirdus, kād
vārtas Golgaudiškju, Rātšjuvaitis
nuō priepuolē gydo, nuvāzjavo
šimēt (1896 m.) pavāsari, pās ji,
tas gi apzjūrējēs ja, rado 2 spen-
jukū pašonēje, ir pasakē: „nē r
kā, gydytis ir pās daktarus vāzi-
nēti, nieko īš to nebūs, delto
kād īsīgandai numirēljo ir vēlēs
tavē pagāvo“. Kāda parvāzjavo
namō, Endrienē (Jievā Sneiderienē)
pātārē jāi, kād pabandytu zīnoma,
ir jōs īsmegīnta, buda, attsiljuosūoti
nuō zūdantšju, jā, velju. Jāi liepē
šiteip padaryti: paimti 2 gijās vilno-
niūs sjūlus) ir nunēsus jās ant ka-
pinju, viena ju, ilga, i sāvo stūo-
meni, patiēsti īsilgai ant šviezjo
kapo, kitā-gi patiēsti skersai ir
atsiklaupus sukalbēti. 7) īstisus pō-
terius (Tēve mūsū, Sveikā Marijā,
Tikju i Dieva Tēva, ir Garbē būk
Dievui Tēvui) ir atsikēlus eiti
namō neatsizjurint ir sū niekū
nēsnekant. Glodiēnē teip ir padārē,
bet nieko negēlbējo: vēlēs, kurjōs
turē pasilīkti ant kapiniū, neliko
tenais ir toliaus vārgina nabage.

чается. при одѣваньи или обмы-
ваньи покойника, когда оня дрог-
нетъ, опуститъ руку и т. п.

b) Три года тому назадъ Рожэ
Глодѣнэ, проживающая въ д. Бла-
гославенствѣ, шла на похороны
Макускѣни и, ступая черезъ по-
рогъ, внезапно опустила ногу въ
углубленіе послѣ вынутаго кар-
пича, повалилась назадъ и испу-
галась: ей показалось, что покой-
никъ черезъ двери, прямо идетъ
на нее. Отъ этого она очень раз-
болѣлась, судорожно мечется во
всѣ стороны, кричить мычитъ,
издавая Богъ вѣсть какой голосъ
безъ словъ изнутри. Возили
ее къ докторамъ, но тѣ ничего
не помогли. Узнавъ, что лѣсов-
щикъ им. Гелгудышки Рачувай-
тисъ лѣчитъ отъ нрѣполаса (т. е.
болѣзни происшедшей отъ испу-
га) поѣхала весною сего года
(1896) къ нему, который, осмо-
рѣвъ ее, нашель въ боку 2 гриди
и сказалъ: „не стоитъ лѣчиться
и къ докторамъ ѣздить, ничего
изъ этого не выйдетъ, потому
что ты испугалась покойника и
тобою овладѣли вѣлэсы“. Когда
она прѣехала домой, Эндрѣнэ
(Ева Шнейдѣрнэ) посовѣтовала
ей, чтобы она испробовала из-
вѣстное и ею испытанное сред-
ство освободиться отъ удручаю-
щихъ ее вѣлэсовъ, именно велѣ-
ла ей поступить слѣдующимъ об-
разомъ: взять 2 ги (т. е. шер-
стяныя нити), занести ихъ на
кладбище и тамъ одну изъ нихъ,
длиною въ свой ростъ, протянуть
въ длину на свѣжей могилѣ, дру-
гую же протянуть поперекъ ея и
произнести 7 разъ полную мо-
литву (Отче Нашъ, Радуйся бла-
годатная Маріа, Вѣрую въ Бога
Отца и Слава тебѣ Боже) и, за-
тѣмъ, вставъ идти домой неогля-
дываясь и ни съ кѣмъ не разго-
варивая. Глодѣнэ поступила со-
гласно съ вышеприведеннымъ
указаніемъ, но это ничего не по-
могло: вѣлэсы, которые должны
были остаться на могилѣ, не оста-
лись тамъ и продолжаютъ му-
чить несчастную.

C. Nòrint nuò velju, atsiljuosuòti reikja tuojaus, kaip tik nusigàsti numirèljo, nukirpti jo plauku, paimiti skaràs, kurjomis mazgòjo ir šluostè numirèli, užkurinti já, s ir parukinti savè.

3. Nuò priepuolo yrà veležolès, juodšaknès ir budujonai.

a) Reikja ja, s idèti i, šalta, vandeni, gerai suvirinti ir paskui atušinus dūoti gérti (Juozienè iš Plokštju.).

b. Reikja jomis gerai pasismilkinti (pasirukinti) ir išgýsi (Magdè Rimkūnienè iš Plokštju, ir Demikienè iš k. Kaimèljo).

с) Желая отъ вэлэсовъ освободиться, нужно сейчасъ, какъ только испугаешься покойника, срѣзать часть его волосъ, взять куски полотна, коими омывали и отирали покойника, зажечь ихъ и окурить себя.

3. Отъ прѣпуола (болѣзни происшедшей отъ испуга) лѣчать вэлэ-зѣлиями, а также зѣлиями: юодшакнэсъ и будрjонай.

а) Нужно ихъ вложить въ холодную воду, хорошенько сварить и затѣмъ, простудивъ, дать пить. (Юозьнэ изъ Благославенства).

б) Нужно ими хорошенько окурить себя, и выздороветь. (Магдэ Римкуньнэ изъ села Благославенство и Демикьнэ изъ дер. Каймелисъ).

Нѣсколько примѣчанiй къ вышеприведеннымъ отрывкамъ:

I. Призываемая въ вышеозначенной молитвѣ вмѣстѣ съ Gabija, Magietà ú Visija также šventa Agotà ничто другое, какъ мученица 3-го столѣтiя св. Агафiя, по лат. Agatha, сжаренная сицилійскими язычниками на огнѣ; къ ней и обращаются христiане, какъ защитницѣ отъ огня. Желая себя обезпечить отъ такой страшной стихiи, какъ огонь, нѣкоторыя литвинки недовольствуются молитвой, обращенной къ одной св. Агафiи, а присовокупляютъ къ ней, на всякiй случай, и другияхъ покровительницъ домашняго очага: Габю, Магѣту и Висю, которыя, по всей вѣроятности, составляютъ остатокъ языческаго мiра.

II. Magietà и Visija и Vièšbonas въ первый разъ упоминаются въ приведенныхъ мною отрывкахъ и увеличиваютъ и безъ того многочисленный литовскiй Олимпъ. а) Visija, какъ по значенiю, корню, такъ, отчасти, и суффиксу, очень близко напоминаетъ греческую Ἐστ-τ-ία, ion. ἰστία, арк. Ἔστ-τ-ία, лат. Ves-ta, богиню-защитницу домашняго очага (т. е. свѣтящаго горящаго очага), къ корню коего vas лингвисты Vanitek и др. относятъ слова лит. vās-aga, лѣто, т. е. жаркая часть года, санскр. vas-anta весна, славянск. вес-на. Есть литовское слово: vis-ti, veis-tis плодиться, размножаться, къ корню коего прибавивъ суф. ija, получимъ: visija, плододательница, плодомножительница. б) Vièšbonas состоитъ изъ 2 словъ: 1 viešas общiй, общественный, всеобщiй и 2) bonas, которое, если непередѣлано изъ лит. слова ropas, древ. пер. rāpa господинъ, (см. Iusti Iranisches Namenbuch), что трудно допустить, — то оно или заимствовано въ раннiя времена отъ кого-нибудь изъ южныхъ словянъ: хорватовъ, сербовъ или болгаръ, у коихъ находится соответственное слово ban (см. Mikl. Vergl. Wört.) или перешло прямо отъ Краинцевъ, гдѣ встрѣчается ban въ значенiи владѣлецъ, господинъ (см. Iusti Iranisches Namenbuch. 1895). Согласно вышеизложенному Vièšbonas значитъ Вседержецъ и т. под. б) Слово Magietà напоминаетъ литов. имя Magrieta = лат. Margaritha, но такъ какъ святыя того имени малоизвѣстны въ Литвѣ и не имѣютъ никакого отношенiя къ огню, то это

предположеніе становится маловѣроятнымъ. Въ литовскомъ языкѣ есть слово: *magóti* способствовать, содѣйствовать, споспѣшествовать, пособлять, *magau-ti* сильно желать, *pa-mąginti*, разъохотить къ корню коего прибавивъ суффиксъ *eta*, (ср. *elgetà meletà, vargetà*) получили бы слово *magetà* обозначающее пособница, благожелательница по формѣ очень близко подходящая къ слову *Magieta*. Индо-европейскій корень слова *mag-óti* есть *magh. trs. begaben, fördern, wozu helfen, intr. begabt. gefördert, fähig sein, mögen* (Fick. Vergl. Wörter).

III. *Gabija* сдѣлалась раньше извѣстна миеологамъ. Первыя о ней свѣдѣнія сообщилъ Ласицкій, писатель 16 столѣтія, въ своемъ сочиненіи: *De diis Samogitarum*, гдѣ онъ пишетъ: *Cum autem nimia aestatis brevitatis fruges demessas siccare non sinat, fit hoc sub tectis ad ignem. Tum vero precandum est hisce verbis Gabie deus: Gabie devaite pokiełki garu, nuleiski kirbixtu: Flammam elava, at ne demittas scintillas.* Исправленный Акелевичемъ литовскій текстъ имѣетъ слѣдующій видъ: *Gabija dievaite pakelk gara, neleisk kibirkštu*, т. е. Богиня *Gabija*, усиль жаръ, не пускай искръ. Доцентъ Варшавскаго университета Микучкій (нѣсколько лѣтъ тому назадъ умершій) сообщилъ профессору миеологу Мѣржинскому по данному предмету слѣдующее: Вечеромъ, когда хозяйка собираетъ на очагъ огонь въ кучку для сохранения его до слѣдующаго дня, произносятъ молитву: *šventa Gabienta gyvenk su mumis linksmai*, т. е. святая Габѣнта весело проживай съ нами; кромѣ того имѣется замѣчаніе Акелевича (литовца собирателя народныхъ преданій) у историка Лелевеля (т. V, стр. 462 примѣч. 30), что *Gabija* или *šventa Gabija* есть торжественное названіе огня. Затѣмъ Акелевичъ въ своемъ сочиненіи: *Gramatyka języka litewskiego* пишетъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ литвы и по настоящее время, отправляясь спать, надъ собраннымъ въ кучу огнемъ произносятъ молитву: *šventà gabentà gyvenk linksmai su mumis*, т. е. святая Габента пребывай весело съ нами.

Наконецъ Вольтеръ въ изданномъ имъ сборникѣ—*Материалы для этнографіи латышскаго племени Витебской губ.*—между прочимъ, говоритъ, что въ Шавельскомъ, и Россіенскомъ уѣздахъ огонь называется *šventa ugnis*, другое же прозвище *šventa gabijà, šventa gabėta* или *gabėt*; тамъ же находимъ, что въ Ворнянахъ Тельшевскаго уѣзда *Gabėta* покровительница огня, защищаетъ вмѣстѣ со св. Агатою отъ пожара, причѣмъ существуетъ прибаутка: *švinta Agota su švinta Gabėta keravokit muni nu ugnies* т. е. св. Агата вмѣстѣ со св. Габіею, спасайте меня отъ огня.

О происхожденіи слова *Gabija* существуетъ нѣсколько мнѣній: 1) Миеологъ Мѣржинскій производитъ его отъ слова *gabėnti* переведеннаго имъ: приносить, сносить, сносить въ кучу (собст. значить забирать, хватать, отправлять, таскать), такъ что *Gabija* значило-бы огонь снесенный въ кучку. Съ этимъ мнѣніемъ трудно согласиться, такъ какъ слово *gabėnti* (или лучше еще первоначальное *gob-ti* хватать, хватать, брать, отъ коего происходитъ *hob-šas* хапунъ, жадный, *gabana* охабка, *gab-luz*, придирищикъ, *gabljóti* цѣплять, задрать, польск. *gabac*, *gab-gas* злой духъ, разгуливающій съ мятелю, вовсе не обозначаетъ огня, жара и т. п. чтобы отъ него можно было-бы производить *gabija*, какъ напр. *vinkšnijà* вязникъ отъ *vinkšna* вязъ, или *lap-ija* листье отъ *lapas* листь.

2) Гринбергеръ въ своемъ сочиненіи: *Die Baltica des Libellus Lasicki. Untersuchungen zur litauischen Mythologie*, принимая *Gabie dievaite* Ласицкаго за звательный пад. существительнаго мужескаго рода *gabjas* и производя его отъ корня кел.-герм.-балт. *ghabh*, давать

братъ (гот. *giban*, *gaf*; келт. *gabō* даю, лит. *gabėnti* убирать, отпра- влять) переводить его *Geber, Beförderer der Einbringung der Ernte*. Это объясненіе мнѣ кажется невѣрнымъ уже потому, что слово *Gabjas*, если его считать литовскимъ, можно произвести только отъ лит. *gab-ti, gōbti* (см. выше), послѣднее же не имѣетъ значенія ни „geben“, ни „beför- dern“.

3) I. Бендеръ, какъ видно изъ приведеннаго сочиненія Гринбер- гера, подъ словомъ *Gabija* понимаетъ прямо: огонь, *focus lucens*, Аке- левичъ, какъ мы видѣли выше, тоже заявляетъ, что *Gabija* или *šventa Gabija* это торжественное названіе огня. Къ ихъ мнѣнію и я присоеди- няюсь, добавляя этимологическое объясненіе, коего у нихъ нѣтъ. Есть въ литовскомъ языкѣ слова: *žib-in* затѣжигать, жечь, *žib-snėle* малое пламя, *žib-snėnti* пламенѣть, *žib-tereti* блеснуть, сверкнуть, *žib-urgys* свѣтило, свѣтильникъ, огонь, *žibas* и уменьшительное слово *žib-ūtis* (собственныя имена); послѣднее также значить блеска латышск. *zibens* молнія (лит. *žai- bas zeba* челобѣтъ свѣтищій глазами т. е. имѣющій устремленные на кого либо глаза съ цѣлью полученія чего либо; *žab-alas* близорукій т. е. слабо воспринимающій свѣтотыя впечатленія. Корни приведен- ныхъ словъ будутъ *žib, zeb, žab*, кои возведенныя къ древнѣйшей формѣ, будутъ имѣть видъ: *gib, geb* и наконецъ *gab* (ср. лит. *gor-ūoti* и *žor- ūoti* пылать) къ корню *gab* присоединивъ суфиксъ *ija*, получимъ слово *gabija*, которое можетъ означать или 1) пламя, огонь образованное на подобіе *žag-ija* раскаленный уголь, жаръ, или 2) массу огня какъ *reg- kūpija* множество сверкающихъ молній, какъ *vugija* собраніе мужчинъ, какъ *larija* листвіе или 3) мѣсто, гдѣ хранится огонь, очагъ, *focus lu- cens*, польск. *ognisko*, образованное на подобіе *vilkija* мѣстопребываніе волковъ.

IV. *Zvaginis* происходитъ отъ прилаг. *žvagūs resonans, sonorus* и обозначаетъ что-нибудь (вещь или лицо) звучащее, трескучее, откуда происходитъ также названіе растенія *žvaginis* (*Rhinanthus, crista galli*) колокольчики. *Ruginis* значить и ржаной и имѣющій отношеніе ко ржи напр. *ruginė boba* обитающая во ржи баба, которою пугаютъ дѣтей. Это прилагательное употребляется также, какъ и предъидущее, въ зна- ченіи существительнаго.

V. Собранныя мною матеріалъ о *velės-axъ* пополняетъ свѣдѣнія находящіяся въ литовскомъ катехизисѣ Вольтера и въ вышеупомяну- томъ сочиненіи Гринбергера.

Петръ Краучунасъ.

ОТДѢЛЪ Ш.

Критика и библиографія.

Narodopisný Sborník českoslovanský. Svazek první. Vydává narodopisná Společnost českoslovanská a národopisné Museum českoslovanské. Redactor prof. Fr. Pasternek. V. Praze 1897.

Чешское возрожденіе первой половины нашего вѣка тѣсно связано по своему происхожденію и развитію съ пристальными и любовными изученіями чехо-мораво-словацкой народности въ этнографическомъ отношеніи. Этнографическіе труды Ганки, Челяковского, Камарита, Коллара, Шафарика и Палацкаго нашли свое продолженіе и развитіе въ многочисленныхъ сборникахъ и монографіяхъ послѣдующихъ десятилѣтій, обзорніе которыхъ даютъ статьи польской „Wisla“ (II ч., 1888 г.) и русской „Живой старины“ (II ч., 1892 г.), принадлежащія перу др. Поливки. Съ 1891 года чешскія этнографическія изученія нашли себѣ объединяющій органъ въ основанномъ Зибртомъ и Нидерле журналѣ „český Lid“, который съ 1895 г. посвященъ фольклору въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Въ 1895 г. въ Прагѣ была устроена и „Чешско-славянская этнографическая выставка“, оставившая послѣ себя богатое наслѣдство въ видѣ собраннаго матеріала—съ одной стороны, и многихъ теоретическихъ трудовъ, общенародной любви и интереса къ этнографическимъ изученіямъ—съ другой. Это наслѣдство приняло на себя „Чешско-славянское Этнографическое Общество“; съ нѣкоторыми пунктами его устава мы познакомимъ и русскаго читателя. Общество имѣетъ свое мѣстопребываніе въ Прагѣ, однако, имѣетъ право устраивать отдѣленія и внѣ Праги—въ Чехіи, Моравіи, Силезіи, равно и въ остальныхъ королевствахъ и земляхъ, представленныхъ на имперскомъ сеймѣ. Цѣль общества—производить, поддерживать и организовать изученіе чешско-славянской народности. Средства для достиженія этихъ цѣлей: 1) организація дѣятельности по собиранію матеріала, 2) заботы о сохраненіи и упорядоченіи его, 3) устройство чтеній и специальныхъ изданій, 4) устройство этнографическихъ выставокъ и участіе въ чужихъ подобныхъ выставкахъ, 5) поддержка изысканій, 6) изданіе сочиненій и журналовъ по чешско-славянской этнографіи и 7) управленіе уже устроеннымъ этнографическимъ музеемъ. Всѣ дѣла общества ведутся на чешскомъ языкѣ. Члены общества—1) основатели, 2) соревнователи, 3) дѣйствительные, 4) почетные, 5) корреспонденты; первые платятъ 200 флор. единовременно или въ теченіе 5 лѣтъ, вторые—ежегодно 20 фл., третьи—ежегодно назначаемый взносъ (на 1897-й—2 флор.). За эти взносы члены общества имѣютъ свободный входъ въ Музей и получаютъ даромъ изданія „Общества“ и „Музея“. До сихъ поръ вышли: „Zpráva o N. Museu Cesk.“ Нидерле, „Příspěvku k dějinám česk. národopisu“ Шуберта, № 1-й. Даромъ можно получать также „Vestník“ (6 разъ въ годъ. подъ редакціей Нидерле), содержащій свѣдѣнія о дѣятельности Общества. Приплачивая 1 флор.

въ годъ, члены могутъ получать еще „Národopisný sborník československý“, выходящій 2 раза въ годъ. Съ первую вышедшею книгою этого сборника мы и желаемъ познакомить русскихъ этнографовъ.

Разнообразная и интересная по содержанию книга открывается теоретической статьей „Этнографія и задачи Чешско-славянского Этнографическаго Общества“ (стр. 1—13), принадлежащей перу Em. Kovár'a. Коваржь видитъ главную задачу Общества въ изданіи этнографической энциклопедіи чешской народности; при этомъ онъ развиваетъ подробный проспектъ такой энциклопедіи, отмѣчая степень доселѣшней разработки отдѣловъ ея. Схема энциклопедіи такова. 1) Введеніе. а) Землѣдѣніе, б) исторія (археологія, вѣшняя исторія, культурная и социальная исторія), в) племена (введевіе: народъ и нація). 2) Антропология: а) физическая, б) психическая. 3) Демографія (статистика). 4) Фольклоръ: Введеніе—источники народнаго образованія (народное воспитаніе, чтеніе и пр.). А. Народное знаніе: а) взгляды народа на природу, исторію, географію и пр. б) народная медицина, в) правовыя отношенія, г) религія и суевѣріе, В) Народное искусство: а) Народная поэзія, музыка и танцы, б) рисованіе и живопись, в) вышивки, д) керамика, е) народныя постройки. Прибавленіе: самоучки. С) народная эстетика и народныя одежды, D) Народный языкъ. 5) Жилище. 6) Нравы. (Семейная жизнь, питаніе, праздники, нравы и обычаи, игры, общественная жизнь); 7) Занятія народа (землѣдѣніе, скотоводство, охота, рыболовство. Домашнее производство; промыслы, торговля, отхожіе промыслы); 8) Этнографическая литература и значеніе народа въ творческомъ искусствѣ; 9) Производство и торговля всей націи; 10) Городская жизнь; 11) Культурное и социальное состояніе всей націи.—Такой проспектъ будущей энциклопедіи вызываетъ, м. б., возраженія съ точки зрѣнія малой органической связи ея составныхъ частей. Широко-задуманный планъ даетъ автору возможность установить фактъ незначительной разработки чешскаго этнографическаго матеріала по большинству изъ намѣченныхъ имъ рубрикъ.

Въ слѣдующей статьѣ Тилле „Чешскія сказки“ (стр. 14—48) дана попытка хотя отчасти разобратъ въ чешскомъ сказочномъ матеріалѣ. Авторъ имѣетъ въ виду лишь сказки о богатствѣ. Онъ раздѣляетъ ихъ на два отдѣла: 1) сказки, гдѣ богатырь совершаетъ сверхъестественныя дѣла не только съ помощью врожденныхъ сверхъестественныхъ свойствъ, но и съ помощью встрѣчающихся ему сверхъестественныхъ существъ и вещей; 2) сказки, гдѣ богатырь производитъ свои подвиги съ помощью врожденныхъ (иногда сверхъестественныхъ) физическихъ и психическихъ свойствъ. Въ настоящемъ выпускѣ Тилле разсматриваетъ первый отдѣлъ. Этотъ отдѣлъ распадается на восемь группъ. Первая группа—измѣненія богатыря: онъ различнымъ образомъ приобретаетъ способность обращаться въ звѣрей и предметы (4 темы). Вторую группу составляютъ сказки, гдѣ богатырь добываетъ чудодѣйственные предметы; рассказъ о нихъ составляетъ центръ тяжести сказки. Группа распадается на двѣ подгруппы: 1) богатырь добываетъ нѣсколько (обычно 3) чудодѣйственныхъ предметовъ (в темъ съ нѣсколькими вариантами); 2) богатырь добываетъ одну главную чудодѣйственную вещь; въ первой части сказокъ получаетъ, благодаря ей, богатство и принцессу, во второй—теряетъ вещь и принцессу, ищетъ ихъ и находитъ (3 темы—съ вариантами). Третья группа обнимаетъ сказки, въ которыхъ богатырь освобождаетъ принцессу (ъ) отъ чудовищъ (4—съ вариантами). Четвертая группа—сказки, гдѣ богатырь старается получить руку принцессы; здѣсь еще устанавливаются двѣ подгруппы: 1) богатырь исполняетъ порученія, даваемые претендентамъ принцес-

сою или ея отцомъ. и (иногда) помогаетъ королю въ сраженіи; 2) богатырь, желая достать принцессу въ жены, насильно и хитростью похищаетъ ее (2). Въ сказкахъ первой подгруппы богатырь или а) открыто выступаетъ претендентомъ (3 и варианты). или б) подъ чужимъ видомъ, тайно (2 и варианты). Въ сказкахъ пятой группы богатырь предпринимаетъ путешествіе (съ опредѣленной цѣлью) и приобретаетъ принцессу въ жены (6 и варианты). Въ сказкахъ шестой группы богатырь отправляется въ путь, чтобы найти свою пропавшую жену (2—съ вариантами). Седьмая группа—нѣсколько богатырей, одновременныхъ претендентовъ, домогаются дѣвушки (2). Въ сказкахъ восьмой группы богатырь предпринимаетъ путешествіе и борется съ разными чудовищами (2).

Статья Поливки: „Рыбакъ и золотая рыбка“ (стр.—49—63) представляетъ изъ себя сравнительный очеркъ различныхъ вариантовъ известной сказки и классификаціи ихъ по содержанію и географическому распространенію. Общая мысль всѣхъ версій таковой: ненасытное честолюбіе достойно наказанія. Распадаются онѣ на нѣсколько группъ: 1) версіи русская, шведская, жмудская, нѣмецкая, хорватская: желанія ненасытной рыбачки исполняетъ чудесная рыбка; 2) версіи русскія и алтайская, гдѣ вмѣсто рыбки выступаетъ котъ или лиса; 3) версіи русская и моравская—вмѣсто рыбки является птичка, при чемъ въ латышской и эльзасской птичка сама обѣщаетъ и даетъ блага; 4) 3 русскія и 2 латышскія версій, гдѣ чудодѣйственнымъ существомъ выступаетъ лѣсной духъ, обратившійся въ польской—въ св. Михаила; въ малороссійской благодѣтелемъ бѣдняка оказывается старецъ (Богъ); 5) версіи романскія, отступающія отъ предыдущихъ: бѣднякъ достаетъ отъ св. Петра, съ неба, чудодѣйственныя вещи и посылается на небо честолюбивою женою. Авторъ отказывается опредѣленно указать мѣсто рожденія сказки и ея распространеніе; онъ замѣчаетъ только, что не языкъ опредѣляетъ распространенность мотивовъ и сюжетовъ, а напротивъ послѣдняя зависитъ отъ отношеній культурныхъ и географическихъ.

Влука далъ замѣтку о двухъ статуэткахъ домашнихъ боговъ (*Dadci čili hospodárici*) изъ Силезіи—съ рисунками (стр. 63—65), а Нидерле—описаніе (съ рисунками) алтарнаго платка и двухъ блюдъ словацкой работы XVIII в. изъ собраній „Этнографическаго Музея“ (стр. 66—68).

Гостинскій въ статьѣ „О просодіи и рифмѣ чешскихъ народныхъ пѣсенъ“ (стр. 68—71) доказываетъ, что въ нихъ господствуетъ не коичество, а удареніе.

Остальныя двѣ трети книги посвящены библиографіи по этнографіи.

Коварный даетъ очеркъ исторіи фольклористики у Славянъ: у Русскихъ (стр. 73—87), Юго-славянъ (87—94), Лужицкихъ Сербовъ (95—6), Поляковъ (96—102), у Чеховъ (102—9). Далѣе помѣщены рецензіи книгъ: „*Dialektologie Moravská*“ Бартоша (Пастрнекъ), „*Ходячія и мѣткія слова*“ Михельсона (Кадлецъ), „*Märchen aus Mallorca*“ эрцгерц. Лудвига Сальватора (Поливка); критическая библиографія трудовъ по скандинавскому фольклору (Thyregod, пер. Крауса), румынскому и албанскому (Ярникъ)—за 1895—6 года. Стр. 145—160 посвящены обзорѣнню этнографическихъ журналовъ—славянскихъ и неславянскихъ, а 160—197—библиографіи за 1895-й годъ, гдѣ дано обзорѣніе и фольклора азіатскаго, африканскаго и американскаго.

Въ концѣ книги посвящено по нѣсколько строкъ умершимъ писателямъ, работы которыхъ касались этнографіи; наиболѣе вниманія отведено Матову и Вальявцу.

ОТДѢЛЪ IV.

С М Ъ С Ъ.

Этнографическія изысканія Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Недавно вышла въ Иркутскѣ небольшая брошюра подъ заглавіемъ „Программа изданія трудовъ Якутской экспедиціи“. Программа эта составлена, по порученію Отдѣла, В. А. Обручевымъ „на основаніи свѣдѣній, доставленныхъ участниками экспедиціи, ихъ отчетовъ, писемъ и программъ“.

Въ небольшомъ предисловіи къ этой программѣ разсказана исторія возникновенія якутской экспедиціи на средства, пожертвованныя И. М. Сибириковымъ, ея организація и способъ распредѣленія работъ между участниками ея. Исслѣдованіе началось въ 94 году и продолжалось съ особой интенсивностью въ этомъ и слѣд. году, пока не истощились и безъ того скудныя средства экскурсантовъ; нѣкоторые же изъ нихъ, какъ сказано въ предисловіи, „настолько заинтересовались своею задачей и ея возможно обстоятельнымъ разрѣшеніемъ, что намѣрены продолжать и безъ пособія отъ отдѣла собраніе матеріаловъ; пока не представляется возможность ихъ обработки и изданія“. Способы собранія матеріаловъ были различны, въ зависимости отъ задачъ изслѣдованія и программъ: одни изъ изслѣдователей были постоянно въ разъѣздахъ отъ одного раздѣленнаго пункта до другого; другіе двигались неравномѣрно, кочуя вмѣстѣ съ бродячими инородцами, третьи посѣщали центры инородческаго й жизни, какъ-то наследныя и улусныя управы, ярмарки, миссіонерскіе станы и т. п., и, наконецъ, четвертые не отлучались никуда изъ своихъ мѣстъ совсѣмъ, черпая свой матеріалъ изъ давно знакомыхъ имъ окружающихъ условій и дополняя его опросами сосѣдей или небольшими экскурсіями въ предѣлахъ своего же улуса или наслега.

Постоянное общеніе между изслѣдователями, обмѣнъ мыслей и впечатлѣній, взаимная помощь сообщеніемъ различныхъ полезныхъ свѣдѣній и указаній значительно содѣйствовали успѣху дѣла и экономіи въ трудѣ и во времени. Однимъ изъ такихъ проявленій взаимопомощи былъ съѣздъ изслѣдователей въ Якутскѣ въ концѣ 94-го и началѣ 95-го года, на которомъ представлены были первые отчеты экскурсантовъ, читались рефераты, обсуждались теоретическіе и практическіе вопросы изслѣдованія.

Въ конечномъ результатѣ изысканій по Якутской области получился огромный матеріалъ, отчасти уже поступившій въ распоряженіе Восточно-Сибирскаго отдѣла, отчасти представленный въ видѣ подробныхъ отчетовъ и докладовъ. Для удобствъ оперированія надъ этимъ разнообразнымъ матеріаломъ и облегченія самаго изданія, составлена

приблизительна схема его въ печати. Все изданіе распадается на 3 отдѣла изъ 13 томовъ, — въ большинствѣ случаевъ, по нѣскольکو частей и выпусковъ въ каждомъ, — представляющихъ отдѣльныя монографіи и цѣльныя работы.

Отдѣлъ I. Общія изслѣдованія. Томъ I. Демографія. И. И. Майновъ. Томъ II. Антропология. Часть I. Якуты (Якут. и Колым. округъ). Н. Л. Геккеръ. II. Тунгусы (Якут. и Олекмин. окр.). И. И. Майновъ. III. Русскіе якутине (Якут. и Олек. окр.). И. И. Майновъ и IV. Физиологич. данныя объ якутахъ и русскихъ якутянахъ. Ф. Конгъ.

Отдѣлъ II. Якуты. Томъ III. Языкъ якутовъ и ихъ народное творчество. Часть I. Якутско-русскій словарь. Э. К. Пекарскій. II. Грамматика якут. яз. С. В. Ястремскій. III и IV. Образцы народной словесности. В. Ионовъ. Э. Пекарскій, С. Ястремскій и др. Томъ IV. Вѣрованія якутовъ. В. М. Ионовъ. Томъ V. Матеріальная культура, домашній и семейный бытъ. Состоитъ изъ 8-ми частей: работъ В. Е. Гориновича (жилище, одежда и пища; 3 части), В. В. Никифоровъ (семейный бытъ). В. В. Ливадина (занятія и ремесла, Г. Ф. Осмоловскаго и А. И. Некрасова (звѣроловство и рыболовство, игры и развлечения; 2 части), А. И. Поповъ (нравы и національный характеръ). Томъ VI. Экономическій строй якутовъ. Л. Г. Левенталя. Томъ VII. Юридическій бытъ якутовъ, Н. А. Виташевскій. Томъ VIII. Экономическое положеніе якутовъ Олекминскаго и Киренскаго округовъ и вліяніе на нихъ золотопромышленности, С. В. Коваликъ.

Отдѣлъ III. Народности Колымскаго округа. Томъ IX. Юкагиры. В. И. Гохельсонъ (5 частей: словарь, грамматика, образцы народной словесности, письмена на берестѣ антрополог. и этнограф. данныя). Томъ X. Якуты Колымскаго улуса и округа и Жиганскаго улуса Верхоянскаго окр. В. И. Гохельсонъ. Томъ XI. Чукчи. В. Богоразъ (6 частей: словарь, грамматика, образцы словесности, антроп. данныя и проч.). Томъ XII. Русское населеніе по р. Колымѣ В. Богоразъ (6 частей: словарь ниже-колым. рус. нарѣчія и проч.). Томъ XIII. Каменные ламуты и чуванцы В. Богоразъ (6 частей: словарь ламут. языка, опытъ грамматики, образцы словесности, антропологич. и этнографическія данныя, экономич. положеніе, замѣтки о чуванскомъ языкѣ).

По предварительному расчету составителя смѣты, все изданіе должно представлять отъ 486 до 528 печатныхъ листовъ, не считая картъ, таблицъ, диаграмъ и фототипій, и стоитъ 27,950 рублей, изъ которыхъ 11,600 руб. предполагается израсходовать на обработку матеріаловъ и 16,350 руб. на печатаніе трудовъ. (Вост. Обзор.).